

JUNE 2025 | ISSUE #6(1)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №6(1) - 2025. 217 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2025

Article writers, 2025

Scientific public organization
“Professional science”, 2025

Table of contents

INTRODUCTION.....	5
CULTURAL STUDIES AND ARTS	6
Li Shuo. The cultural significance of traditional Chinese music and its modern subtextual	6
Li Zhongfang, Tang Zonglin, Feng Zihan. Architecture as an art form: the intersection of functionality and aesthetics.....	13
Wang Hu, Zhang Yaodan, Chen Duidui. The art of dance: its role in different cultures and eras	19
Xing An, Zhang Wuhaio, Bai Yuting. Surrealism: interpreting subconscious processes through the medium of art.....	25
ECONOMY AND MANAGEMENT	32
Avagyan M.G. Cash accounting: from the origins to the present day	32
Avagyan M. Introduction of the concept and typology of a securitization instrument..	38
El Sherif Karim Hossam Salah. The specifics of the development of the environmental products market in the household chemicals segment	45
Guo Ji Yuan. Branding in international markets: strategies and approaches	54
Oyungerel Delger, Munkhtuya Tseveenbayar, Tamir Oyunbileg. Transformational factors for E-commerce adoption	60
Riga A.A. Dynamics and Efficiency of Land Resources Use in Special Economic Zones of the Russian Federation.....	75
Uranbaigal T., Narantsetseg L. Some Research Results on the Competitiveness of Manufacturing Enterprises	86
EDUCATION AND PEDAGOGY.....	111
Yakovlev R.D. Research competence of a school teacher as a psychological and pedagogical category	111
HEALTHCARE AND MEDICAL ETHICS	118
Rastrosa M.M., Derevyanko A.A., Tynda D.A., Lukyanov G.S., Bogacheva E.V. Analysis of the frequency of dental visits and the level of stomatophobia among students	118
Yuryeva Ya.V., Guba A.A., Zhuchkov G.G., Bogacheva E.V. Floss in daily hygiene: who uses it and why are many ignored?.....	122
INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES AND DIPLOMACY	127
Neznaeva S.A., Brager D.K. Parliamentary monarchy: problems of classification	127
JURISPRUDENCE AND LAW	133
Opilat M.V. Section of residential premises purchased using funds of the maternal (family) capital.....	133
Zalikhanova L.I., Akezhev A.A. Distinguishing arbitrariness from unapproachable behavior	140
Zalikhanova L.I., Gorchkhanov T.V. Improvement of measures to prevent crimes in the field of customs activity.....	148
Zalikhanova L.I., Gorchkhanov T.V. Smuggling of cash and (or) monetary Instruments	153

PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY	160
Mazurova V.D. Clinical manifestations of ADHD in Russian-speaking adolescent migrants in Germany: the role of bilingualism and cultural factors.....	160
Sereda E.V. Analysis of the effectiveness of cognitively-oriented techniques for relief of emotional stress	171
Zoljargal B., Ganchimeg J. The Influence of Psychological Factors on Job Performance Evaluation	181
REVIEWS AND ANALYSIS	195
Aleshkin A.Y., Brager D.K., Potyomina V.K. Current aspects of terrorist threat in transport	195
Doshchatov A.A. Activities of the council under the president of the Russian Federation for the development of physical culture and sports.....	201
Presnov A.A. Speech improvisation as a journalist's tool	208
CONCLUSION	215

INTRODUCTION

In today's globalized society, issues of culture, economics, management, education, health care, international relations, legal practice and psychology are becoming an integral part of the study of multifaceted processes occurring in the world. Issue No. 6(1) of the "International Journal of Professional Science" offers readers a wide range of articles analyzing current topics in various fields of science. From the cultural significance of traditional Chinese music and architecture as an art form to cash accounting and Brand Management in international markets, each of the presented materials is aimed at deepening the understanding and discussion of key aspects underlying modern professional practices.

A note to this issue emphasizes the need to integrate different scientific approaches to better understand the complex phenomena and phenomena that shape our modern world. In particular, articles in the field of psychology and health care, such as the analysis of the frequency of visits to the dentist and the clinical manifestations of ADHD, actualize important issues that require a comprehensive analysis and approach.

CULTURAL STUDIES AND ARTS

UDC 78.03

Li Shuo. The cultural significance of traditional Chinese music and its modern subtextual

Культурное значение традиционной китайской музыки и ее современный подтекст

Li Shuo

master's student,
Shenshi Pedagogical University,
China, Shaanxi
Ли Шо
магистрант,
Шэньсийский педагогический
университет,
Китай, Шэньси

Abstract. The article presents a description of an experiment designed to study the cultural significance of traditional Chinese music and its contemporary subtexts in the media. The aim of the experiment is to investigate how traditional Chinese music is used in contemporary media to convey cultural and emotional subtexts, and how these subtexts are perceived by listeners with varying levels of familiarity with this music. Thirty people took part in the experiment, divided into three subgroups depending on their familiarity with traditional music: very familiar; moderately familiar; unfamiliar. This approach allows for measurement based on the level of cultural experience. Each participant was shown four clips in random order, and after viewing, a survey was conducted to assess the emotional state, cultural message, and authenticity of the musical accompaniment. The data was collected using a questionnaire for ease of processing. The study used a combined methodology, combining qualitative and quantitative approaches to comprehensively study traditional music in modern media. The results of the experiment determined that cultural literacy plays a key role in the perception of traditional music styles. The results may be useful for the media industry seeking to use such music, as well as for research into China's cultural heritage.

Keywords: tradition, folk music, contemporary subtext, cultural significance

Аннотация. В статье представлено описание эксперимента, разработанного для изучения культурного значения традиционной музыки Китая и ее современных подтекстов в медиа. **Целью** эксперимента является исследование того, как традиционная китайская музыка используется в современных средствах массовой информации для передачи культурных и эмоциональных подтекстов, и как эти подтексты воспринимаются слушателями с разным уровнем знакомства с данной музыкой. В эксперименте приняло участие 30 человек, разделенных на три подгруппы в зависимости от знакомства с традиционной музыкой: очень знакомые; умеренное знакомые; не знакомые. Такое решение обеспечивает возможность измерения в зависимости от уровня культурного опыта. Каждому участнику поочередно показывали четыре клипа в случайном порядке, после просмотра был проведен опрос, где нужно было оценить эмоциональное состояние, культурное послание и аутентичность музыкального сопровождения. Данные собирались с использованием опросника для удобства обработки. В исследовании использовалась комбинированная **методология**, сочетающая качественные и количественные подходы, чтобы всесторонне изучить традиционную музыку в современных медиа. **По результатам** эксперимента было определено, что культурная образованность играет ключевую роль в восприятии традиционного стиля музыки. Результаты могут быть полезны для медиа-индустрии, стремящейся использовать такую музыку, а также для исследований культурного наследия Китая.

Ключевые слова: традиции, народная музыка, современный подтекст, культурное значение

Рецензент: Ежова Надежда Алексеевна — профессор по специальности «Виды искусства» (2022); кандидат философских наук по специальности 24.00.01 теория и история культуры; профессор объединённой кафедры камерного ансамбля, концертмейстерской подготовки и общего фортепиано . ТОГБОУ ВО «Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова»

Введение. Традиционная китайская музыка уходит корнями в философские идеи конфуцианства, даосизма и буддизма и является не только инструментом эмоционального выражения, но и средством передачи культурных ценностей и идеологических концепций. В древности китайская музыка была неразрывно связана с «ритуалом» (конкретное выражение личного поведения, моральной целостности и социального порядка). Музыка использовалась не только в придворных ритуалах и церемониях, но и в повседневной жизни, чтобы влиять на поведение и восприятие людей [3, с. 445].

Дворцовая музыка характеризуется как роскошная, иерархическая, а народная, наоборот, – как свободная, вольная. Музыка ханьцев, бытующая на свадьбах и похоронах, представлена гобоем/суоной и набором ударных. В деревнях северного Китая народная музыка представлена звучанием шэна, соны, флейты дицзы и ударных [5, с. 146].

Традиционная музыкальная культура Китая уходит своими корнями в глубокую древность. Была разработана оригинальная ладовая система, сложился широкий диапазон жанров, создан разнообразный инструментарий – традиционный китайский оркестр включает около ста видов инструментов [2, с. 157].

С X-VIII вв. до н. э. известны щипковые инструменты: сэ – настольные гусли (количество струн менялось от 50 до 5), цинь (род лютни или цитры) и пипа (4-струнная лютня). К смычковым относятся: сыху, баньху, цзиньху. Наиболее популярен эрху – 2-струнный инструмент – и сольный, и оркестровый. Флейты существовали в нескольких разновидностях: сяо (продольная флейта) и пайсяо (флейта пана), чи и ди – поперечные флейты. Сона близка гобою. Очень древнее происхождение отличает шэн, звучание которого сравнивают с голосом фантастической птицы феникса. Среди ударных назовем яогу – близкий тамбурину, баньгу – малый барабан, колокола: бочжун, висящий на перекладине и бяньчжун – набор колоколов, образующих целый звукоряд [4].

В XVIII-XIX вв. происходит изменение характера музыкальной культуры: в Китай проникают европейские влияния. Китайские музыканты осваивают европейские инструменты, возникают оркестры европейского типа, издаются произведения классической музыки. И лишь с начала XX в. музыку начали изучать в учебных заведениях.

Китайская музыка глубоко укоренилась в богатом контексте традиционной культуры, так известная китайская пословица «ученый не играет на лютне без причины» подчеркивает важную роль музыки в жизни древних интеллигентов и всего общества. Музыка не представляет собой изолированную художественную форму; она переплетается с поэзией, живописью, церемониями и ритуалами, становясь неотъемлемым элементом образовательного процесса в жизни китайцев. В традиционном обществе музыка служила важным средством для самосовершенствования и эстетического воспитания. Исполнение музыки и декламация стихов предоставляли возможность выражать эмоции и осознавать жизненные истины, способствуя возвышению духовного мира личности. Можно сказать, что китайская музыка – это глубокая культурная основа, которая наполнена философскими идеями, моральными концепциями и гуманистическим духом, что делает ее символом мудрости нации.

Китай – многонациональная страна, и различные этнические группы выражают свою идентификацию с собственной культурой и самобытностью через свои собственные формы музыки. Она стала важным носителем культурного наследия, особенно среди этнических меньшинств, она играет важную роль в поддержании национального единства и культурной самобытности [1, с. 15].

В современном контексте традиционная китайская музыка сталкивается с рядом задач, связанных с ее сохранением и популяризацией. Во времена стремительного развития технологий, молодое поколение все чаще обращается к западным музыкальным жанрам, что ставит под угрозу интерес к традиционным формам самовыражения. Однако, это обстоятельство стало стимулом для новых интерпретаций контекста традиционной музыки.

Современные медиа, такие как интернет и социальные сети, предоставляют платформу для новых исполнителей, которые стремятся объединить традиционные элементы с современными музыкальными направлениями. Многие артисты используют традиционные инструменты в сочетании с электроникой, что создает уникальное звучание, способное привлечь внимание молодежной аудитории [6].

Кроме того, традиционная китайская музыка сегодня активно представлена в кино, театре и других формах искусства. Использование традиционных мелодий в фильмах помогает передать эмоциональную насыщенность сцен и углубить зрительское восприятие, что создает не просто развлекательный продукт, а возможность для зрителей прикоснуться к культуре и истории Китая. Современные композиторы и музыканты также создают оригинальные произведения, в которых

традиционные и современные элементы переплетаются, создавая новые музыкальные языки и формы [7, с. 112].

Методы исследования. Целью эксперимента является исследование того, как традиционная китайская музыка используется в современных средствах массовой информации для передачи культурных и эмоциональных подтекстов, и как эти подтексты воспринимаются слушателями с разным уровнем знакомства с данной музыкой. В ходе эксперимента были представлены четыре традиционных варианта использования традиционной музыки в различных типах современной среды:

- 2-минутная сцена из фильма, изображающая традиционную китайскую свадьбу под соответствующую музыку (с использованием гучжэна и флейты дизи);
- 30-секундная музыкальная реклама чайного бренда, где традиционная китайская демонстрирует историческую ценность и качество продукта;
- 1-минутное видео из компьютерной игры, действие которого происходит в древнем Китае, с традиционной музыкой на фоне (с барабанами и пипой);
- 1-минутный отрывок из современной поп-песни, в котором использованы традиционные китайские инструменты, такие как эрху и гучжэн, в сочетании с современными ритмами.

В эксперименте приняли участие 30 человек, разделенных на три группы по направлению знакомства с традиционной средней музыкой:

- группа А. 10 участников, которые считают себя очень знакомыми с традиционной классической музыкой (имеют опыт прослушивания и изучения в ВУЗе);
- группа Б. 10 участников со умеренным знакомством (слышали такую музыку в медиа, но не изучали ее);
- группа С. 10 участников с участием или нулевым знакомством (не имеющие опыта взаимодействия с традиционной классической музыкой).

Участники были подобраны с учетом разнообразия культурного фона (китайцы, представители других азиатских культур, западные участники) для более широкого анализа.

Эксперимент. Эксперимент проводится следующим образом: каждому участнику поочередно показывали четыре клипа в случайном порядке (чтобы избежать эффекта последовательности). После просмотра каждого клипа участники провели опрос где нужно было оценить:

- эмоциональные состояния: оценка по шкале от 1 (совсем нет) до 5 (очень сильно) семи эмоций: счастье, грусть, спокойствие, возбуждение, ностальгия, гордость, тревога;

- культурное послание: выбор одного из предложенных вариантов (ссылка на слово):

- а) празднование традиционных традиций;
- б) вызов чувств истории;
- в) создание экзотической атмосферы;
- г) выражение национальной идентичности;
- д) другое (с текстовым пояснением).

- аутентичность: оценка по шкале от 1 (совсем не достоверно) до 5 (очень достоверно) того, что стало уместно и впервые использование музыки в данном двадцатилетии.

Данные собирались с использованием опросника для удобства обработки.

Результаты исследования. Традиционная китайская музыковедческая теория, обладая строгой структурой, исследует суть и закономерности музыкального искусства. Существуют традиционные нотные системы, такие как гоучжэ или фабри, которые документируют множество классических произведений. Эстетика китайской музыки от стремления к гармонии до создания музыкальных образов выражает уникальные восточные эстетические предпочтения. В таблицах 1-3 приведены данные, иллюстрирующие результаты эксперимента.

Таблица 1

Эмоциональные состояния в клипе 1 (сцена свадьбы из фильма)

Группа	Эмоции						
	Счастье	Грусть	Спокойствие	Возбуждение	Ностальгия	Гордость	Тревога
А	3,2	2,1	4,0	2,5	4,5	4,2	1,5
Б	3,0	2,0	3,5	2,8	3,2	2,5	1,8
С	2,8	1,8	4,2	3,0	2,0	1,5	2,0

Таким образом, участники группы А в большей мере испытывают ностальгию и гордость, участники группы С отметили, что традиционная свадебная музыка Китая вызывает у них чувство спокойствия, так как для них музыки не больше, чем приятный фон.

Таблица 2

Интерпретация культурного послания Китая

Группа	Традиционное празднование	Историческая гордость	Экзотическая атмосфера	Национальная идентичность	Другое
А	7	2	0	1	0
В	3	4	2	0	1
С	1	2	5	0	2

Так, участники группы А в традиционной музыке чаще отметили послание народного праздника, тогда как участники группы С отметили для себя экзотическую атмосферу.

Таблица 3

Аутентичность

Клип	Группа А	Группа В	Группа С
1	4,5	3,5	3,0
2	3,8	3,2	2,8
3	4,0	3,7	3,5
4	3,5	3,0	2,5

Таким образом, уровень знакомства традиционной музыки определяет восприятие ее подтекстов в современной медиа. Участники Группы А продемонстрировали: более сильные эмоциональные состояния, такие как ностальгия и гордость, более высокие оценки аутентичности и интерпретации музыки как празднования традиций или национальной идентичности.

Участники Группы С (незнакомые) чаще воспринимали музыку как экзотический фон и реже распознавали элементы, что указывает на поверхностное восприятие без культурного контекста.

Эти данные подчеркивают, что культурная образованность играет ключевую роль в восприятии традиционного стиля музыки. Результаты могут быть полезны для медиа-индустрии, стремящейся использовать такую музыку, а также для исследований культурного наследия Китая.

Стоит отметить, что активное наследование и продвижение классической культуры народной музыки имеет важное значение. Так, в условиях современной мировой обстановки культурная уверенность представляет собой одну из основополагающих и более глубоких сил, способствующих развитию страны и народа. Возрождение китайской музыки как важного символа китайской культуры имеет значительное значение для восстановления национальной культурной уверенности. С помощью популяризации китайской народной музыки возможно привлечение внимания к отечественной музыкальной культуре, что способствует укреплению национальной идентичности и гордости. Когда «китаец слышит звук чжунлунь (колокола) или грусть гуциня (древнекитайского струнного инструмента), в его душе возникает чувство уважения к богатой истории китайской нации и любви к традиционной культуре», а это чувство служит мощным духовным мотивом для развития страны [8, с. 125].

Таким образом, традиционная китайская музыка, несмотря на изменяющиеся обстоятельства, продолжает сохранять свое культурное значение, адаптируясь к

современным условиям. Она становится источником вдохновения и самоидентификации для китайского народа, и через традиционные мелодии и современные интерпретации мир получает возможность увидеть многогранность и глубину китайской культуры, что делает традиционную музыку актуальной и значимой не только в Китае, но и за его пределами.

References

1. Ван Лихуа. Введение в музыку национальных меньшинств Китая. Пекин: Издательство Центрального университета национальностей, 2010 – С. 15.
2. Хуан, Ц. Традиционная основа музыки Китая / Ц. Хуан // Проблемы сохранения музыкального и хореографического своеобразия культур народов России и Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Улан-Удэ, 29–30 ноября 2021 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2023. – С. 157.
3. Чжан, Ю. Традиционное музыкальное искусство Китая как феномен культуры / Ю. Чжан, А. А. Тимофеев // Вестник ГГУ. – 2024. – № 6. – С. 445.
4. Чжэн Чанлин. Эстетика Китайской музыки XX века: монография. Пекин: Кит. лит. изд-во, 2004. – 134 с.
5. Юйюй, Ц. Особенности музыкального искусства в традиционной культуре Китая / Ц. Юйюй // Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия : материалы VI Международного Симпозиума молодых ученых, Белгород, 13 апреля 2018 года / Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. – С. 146.
6. Guan J. National Musical Cultural Heritage. Nanjing: Shaanxi Normal University Press. 2002. – 381 p.
7. Feng Guanyu. My opinion on the protection of Chinese national folk music // Music Research. 2022. № 1. – P. 112.
8. Li, X. Chinese national music culture in new media: PR strategies for presentation / X. Li // 05–06 октября 2023 года, 2023. – P. 125.

UDC 7

Li Zhongfang, Tang Zonglin, Feng Zihan. Architecture as an art form: the intersection of functionality and aesthetics

Архитектура как форма искусства: пересечение функциональности и эстетики

Li Zhongfang

master's student,
P.M. Masherov Vitebsk State University

Tang Zonglin

master's student,
Xi'an Academy of Fine Arts

Feng Zihan

master's student,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Ли Чжунфан
магистрант,
Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова
Тан Цзунлинь
магистрант,
Сианьская академия изящных искусств
Фэн Цзыхань
магистрант,
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена

Abstract. Architecture, as one of the most ancient and fundamental art forms, plays a key role in shaping the cultural and social fabric of society. Its uniqueness lies in its ability to combine functional and aesthetic aspects, which makes it not only practical but also inspiring. In modern conditions, when cities and buildings are becoming more and more complex and technological, the issue of harmonising aesthetics and functionality is of particular importance. **The aim** of this study is to analyse the relationship between aesthetic and functional aspects in architecture, and to identify the key principles that enable architects to achieve harmony between these elements. The study adopts an interdisciplinary approach that includes analysing historical, cultural and social aspects of architecture. **The methodology** includes the study of literary sources, analyses of architectural objects and their design solutions, and consideration of contemporary trends in architectural practice. This approach allows us to get a comprehensive view of the topic and identify key aspects of harmonising aesthetics and functionality. The choice of the topic is conditioned by its relevance and significance for modern society. Architecture, as an art form, has a significant impact on the quality of life, cultural and social development. **Research results:** understanding how aesthetics and functionality can be integrated in architectural designs contributes to the creation of spaces that are not only comfortable but also inspiring, which makes the research of this topic particularly important.

Keywords: architecture, functionality, aesthetics, culture, architectural design.

Аннотация. Архитектура, как одна из наиболее древних и фундаментальных форм искусства, играет ключевую роль в формировании культурного и социального облика общества. Ее уникальность заключается в способности объединять функциональные и эстетические аспекты, что делает её не только практичной, но и вдохновляющей. В современных условиях, когда города и здания становятся всё более сложными и технологичными, вопрос гармонизации эстетики и функциональности приобретает особую значимость.

Целью данного исследования является анализ взаимосвязи между эстетическими и функциональными аспектами в архитектуре, а также выявление ключевых принципов, которые позволяют архитекторам достигать

гармонии между этими элементами. В исследовании используется междисциплинарный подход, включающий анализ исторических, культурных и социальных аспектов архитектуры. **Методология** включает изучение литературных источников, анализ архитектурных объектов и их проектных решений, а также рассмотрение современных тенденций в архитектурной практике. Такой подход позволяет получить комплексное представление о теме и выявить ключевые аспекты гармонизации эстетики и функциональности. Выбор темы обусловлен ее **актуальностью** и значимостью для современного общества. Архитектура, как форма искусства, оказывает значительное влияние на качество жизни, культурное и социальное развитие. **Результаты исследования:** понимание того, как эстетика и функциональность могут быть интегрированы в архитектурные проекты, способствует созданию пространств, которые не только удобны, но и вдохновляют, что делает исследование данной темы особенно важным.

Ключевые слова: архитектура, функциональность, эстетика, культура, архитектурное проектирование.

Рецензент: Торопцев Василий Владимирович - кандидат технических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева»

Введение. Архитектура древности является ярким примером того, как эстетика и символизм играли ключевую роль в формировании общественного и культурного пространства. Одним из выдающихся примеров является пирамида Хеопса в Египте, построенная около 2560 года до н.э. Эта грандиозная структура не только демонстрирует инженерные достижения своего времени, но и отражает глубокие религиозные и культурные убеждения древних египтян. Эстетика пирамиды, ее геометрическая точность и величественные размеры, была направлена на создание ощущения вечности и божественности, что подчёркивало ее символическое значение [1, с. 56].

В Средние века и эпоху Возрождения архитектура претерпела значительные изменения, отражающие культурные и духовные ценности этих эпох. Например, готический собор Нотр-Дам в Париже, построенный в 1163 году, стал символом устремления к божественному и гармонии. Их изысканные детали, витражи и арочные конструкции создавали ощущение величия и света, что было неотъемлемой частью эстетического восприятия. В эпоху Возрождения эстетика архитектуры приобрела новое измерение благодаря возрождению античных традиций, что выразилось в симметрии, пропорциях и гармонии форм, характерных для работ таких мастеров, как Брунеллески и Палладио.

Современная архитектура продолжает развивать идеи эстетики, сочетая их с инновационными технологиями и материалами. Ярким примером является Сиднейский оперный театр, завершённый в 1973 году, который стал символом современного архитектурного искусства благодаря своему уникальному дизайну, объединяющему динамичные формы и функциональность. Эстетика играет важную роль в строительстве и архитектуре, поскольку «архитектурная эстетика неразрывно связана с понятием архитектурного стиля» [4, с. 19]. Архитекторы современности стремятся создавать

пространства, которые не только поражают своей красотой, но и соответствуют требованиям экологичности и удобства для пользователей. Таким образом, эстетика становится важным инструментом в проектировании, позволяя учитывать визуальную привлекательность наряду с функциональными аспектами.

В современном мире функциональность остается одним из главных принципов архитектурного проектирования. С развитием технологий и изменением потребностей общества архитекторы все чаще обращаются к принципу «форма следует за функцией», популяризированному модернистским движением начала XX века. Вместе с тем, важно учитывать, что «реновация не должна разобщать эти фрагменты городской среды, возникает необходимость определения их общих границ» [5, с. 7]. Таким образом, архитектурное проектирование становится не только вопросом функциональности, но и интеграции различных элементов городской среды.

Сочетание функциональности и эстетики является ключевым аспектом успешного архитектурного проекта. Ярким примером такого синтеза служит Сиднейский оперный театр, который не только обладает уникальным внешним видом, но и высокой функциональностью. Его конструкция обеспечивает отличную акустику, что делает его идеальным для музыкальных и театральных представлений, а также предлагает удобство для посетителей. Эффективное использование света подчеркивает элементы дизайна и искусства, добавляя дополнительную ценность этому архитектурному произведению. Это здание стало символом того, как архитекторы могут объединить художественное вдохновение с практическими требованиями, создавая не только красивые, но и функциональные пространства.

Григорьева Л.М. отмечает, что «упразднение декора во внешнем облике конструктивной основы здания» также является важным аспектом современного архитектурного языка [3].

Методы и методология. Методология включает изучение литературных источников, анализ архитектурных объектов и их проектных решений, а также рассмотрение современных тенденций в архитектурной практике. Такой подход позволяет получить комплексное представление о теме и выявить ключевые аспекты гармонизации эстетики и функциональности.

Эксперимент. Здание «The Edge» в Амстердаме представляет собой яркий пример того, как современные технологии могут быть интегрированы в архитектурный дизайн для достижения как функциональности, так и эстетической привлекательности. Этот офисный комплекс, спроектированный с учетом принципов устойчивого строительства, использует технологии Интернета для оптимизации энергопотребления и создания комфортной среды для сотрудников. Солнечные панели, покрывающие фасад здания,

обеспечивают его энергией, а инновационные системы управления климатом и освещением делают «The Edge» не только экологически эффективным, но и визуально впечатляющим объектом.

Современные технологические достижения играют ключевую роль в развитии архитектуры, позволяя создавать проекты, которые одновременно практичны и эстетически выразительны. Использование передовых инженерных решений и компьютерного моделирования способствовало реализации грандиозных проектов, таких как башня «Бурдж-Халифа» в Дубае. Это здание высотой 828 метров является не только инженерным чудом, но и символом эстетической элегантности, демонстрируя, как современные технологии могут сочетаться с художественным видением.

Успешные архитектурные проекты являются примером гармоничных отношений между формой и функцией, где каждый элемент дизайна усиливает другой [6]. Архитектура современности обладает яркими характерными чертами, среди которых выделяются открытый каркас, простые геометрические формы, четкие строгие линии и монолитность образа. Инновационные здания оказывают значительное влияние на общество и культуру, становясь не только функциональными объектами, но и символами прогресса и культурного возрождения. Музей Гуггенхайма в Бильбао, спроектированный Фрэнком Гери, служит ярким примером такого воздействия. Этот архитектурный шедевр не только преобразил облик города, но и стал катализатором его экономического и культурного подъема. Уникальный дизайн музея, который сочетает в себе искусство и инженерное мастерство, вдохновляет как жителей, так и посетителей.

Устойчивое строительство основывается на принципах минимизации негативного воздействия на окружающую среду, повышения энергоэффективности и использования возобновляемых ресурсов. Ключевыми аспектами являются использование экологически чистых материалов, внедрение технологий энергосбережения и сокращение отходов. Эти принципы не только способствуют защите экосистем, но и формируют новые подходы к архитектурному проектированию, где экологическая ответственность становится неотъемлемой частью эстетического выражения.

Одним из ярких примеров устойчивого строительства является здание Bullitt Center в Сиэтле, которое демонстрирует возможность достижения нулевого энергетического баланса благодаря использованию солнечной энергии и других инновационных технологий. Другим примером является Bosco Verticale в Милане, где вертикальные леса не только улучшают качество воздуха, но и создают уникальную эстетическую среду, гармонирующую с городской застройкой [2, с. 91]. Таким образом, успешное сочетание эстетики и устойчивости требует учета множества факторов, включая

культурные и социальные контексты, что подчеркивает комплексность данного подхода.

Использование современных материалов в архитектуре открыло новые горизонты для создания уникальных и функциональных пространств. Такие материалы, как прозрачный бетон и самоочищающиеся покрытия, не только обладают высокими эксплуатационными характеристиками, но и предоставляют возможности для реализации инновационных дизайнерских решений. Благодаря им архитекторы могут проектировать здания, которые сочетают долговечность, экологичность и эстетическую привлекательность. Выбор материалов становится ключевым аспектом процесса проектирования, оказывая влияние на конечный результат [1, с. 72].

Результаты. Архитектура часто сталкивается с различными проблемами, возникающими из сложного взаимодействия между функциональностью, эстетикой и вовлеченностью в жизнь общества. Одной из важных проблем является напряженность между сохранением культурного наследия и удовлетворением современных городских потребностей. Быстрая урбанизация и экономическое давление могут привести к фрагментарному подходу к вовлеченности в жизнь общества, что ставит под угрозу культурную идентичность и социальную сплоченность внутри общества [8]. Эта фрагментация представляет риск для самой сути устойчивого развития, поскольку сообщества могут испытывать трудности с балансом между сохранением исторических объектов и современными требованиями. Другая проблема касается самого процесса архитектурного проектирования. Стремясь к балансу между формой и функцией, архитекторы должны ориентироваться в тонкостях ожиданий клиентов, нормативных рамок и практических аспектов строительства. Например, недопонимание между заинтересованными сторонами на этапе выполнения может привести к задержкам и увеличению расходов, что помешает общему успеху проекта [7].

Трудность заключается в достижении гармоничного союза эстетической привлекательности и функциональной полезности, поскольку чрезмерный акцент на одном аспекте может поставить под угрозу другой. Следовательно, перед архитекторами стоит задача содействовать сотрудничеству и взаимопониманию между заинтересованными сторонами для создания пространств, которые отражают коллективные ценности и повышают благосостояние сообщества.

References

1. Бурлина Е.Г. Город как сцена. История. Повседневность. Будущее: Интернациональный научно-исследовательский альманах / Авторская группа: Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов. — Самара: Медиа-книга, 2015. — С. 56.

2. Ванеян С.С. Архитектура и иконография (проблемы классических методов истории искусства) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 2007. — № 2. — С. 91.
3. Григорьева Л. М. Исторические этапы эстетического взаимодействия российской архитектуры жилища и производства // Инженерный вестник Дона. — 2024. — № 2. — [Электронный ресурс]. — URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2024/9024 (дата обращения: 25.05.2025)
4. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Эстетика: учебник для бакалавров / В. Ю. Лебедев, А. М. Прилуцкий. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — С. 19. — Серия: Бакалавр. Базовый курс. — ISBN 978-5-9916-1918-9.
5. Мунтяну А. Эстетика архитектурного пространства, объема и формы - архитектурная среда // Том II / отв. ред. А. Б. Храмцов. – Тюмень: ТИУ, 2021. – С. 7. ISBN: 978-5-9961-2724-9
6. Art and Architecture: Exploring the Relationship Between Form and Function // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://artsfiesta.com/art-and-architecture-exploring-the-relationship-between-form-and-function/?srsId=AfmBOooRYUSmn3v_ymyMrlB0GEMk3jAPaQzUh4iBTjKUKbjwtpCrvi69 (дата обращения: 25.05.2025)
7. Exploring Architectural Design: A Comprehensive Guide to Styles and Principles // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://talmadgeconstruction.com/blog/exploring-architectural-design-a-comprehensive-guide-to-styles-and-principles/> (дата обращения: 25.05.2025)
8. Haque Sh, Panda D. Sustainable Synergies: The Potential of Community Engagement and Cultural Capital Preservation // [Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://cmr.berkeley.edu/2025/03/sustainable-synergies-the-potential-of-community-engagement-and-cultural-capital-preservation/> (дата обращения: 25.05.2025)

UDC 7

Wang Hu, Zhang Yaodan, Chen Duidui. The art of dance: its role in different cultures and eras

Искусство танца: его роль в различных культурах и эпохах

Wang Hu

master's student,
Herzen Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen

Zhang Yaodan

master's student,
Herzen Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen

Chen Duidui

master's student,
M.V. Lomonosov Moscow State University
Ван Ху

магистрант,
Российский государственный педагогический
Университет им. А.И. Герцена

Чжан Яодань
магистрант,
Российский государственный педагогический
Университет им. А.И. Герцена

Чэнь Дуйдуй
магистрант,
Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова

Abstract. *The art of dance is a dynamic form of expression that transcends cultural boundaries and historical eras, serving as an essential component of human civilisation. Dance has played an important role in rituals, celebrations and social interactions, providing a unique medium for storytelling and cultural identity throughout history. From prehistoric images in the rock shelters of Bhimbetka in India to the elaborate choreographies of classical ballet, dance reflects the values, beliefs and social structures of diverse communities around the world. The significance of dance goes beyond mere entertainment; it embodies complex cultural narratives and serves as a vehicle for social expression and empowerment. Different societies use dance to mark important life events, preserve traditions, and strengthen social cohesion. The purpose of this study is to explore the historical evolution of dance, its role in different cultures, and its influence on the principles of cultural identity. The work analyses qualitative dance styles around the world, highlighting their uniqueness and cultural functions, as well as their focus on the preservation of tradition and intercultural understanding in dance. Methods: the study is based on the analysis of historical data. A comparative analysis of some dance forms across regions is carried out. Results of the study: dance reflects unique beliefs and traditions, carries narrative and transmission of historical knowledge. It represents cultural heritage and promotes intercultural dialogue.*

Keywords: dance, era, cultural significance, dance form, dance style.

Аннотация. Искусство танца – это динамическая форма выражения, которая выходит за рамки культурных границ и исторических эпох, выступая в качестве важнейшего компонента человеческой цивилизации. Танец играл важную роль в ритуалах, празднованиях и социальных взаимодействиях, предоставляя уникальную среду для повествования и культурной идентичности на протяжении всей истории. От доисторических изображений в скальных убежищах Бхимбетка в Индии до сложных хореографий классического балета, танец отражает ценности, верования и социальные структуры различных сообществ по всему миру. значение танца выходит за рамки простого развлечения; он воплощает сложные культурные повествования и служит средством

общественного выражения и расширения прав и возможностей. Различные общества используют танец, чтобы отмечать важные жизненные события, сохранять традиции и укреплять социальную сплоченность. **Цель** данного исследования – изучить историческую эволюцию танца, его роль в различных культурах и влияние на принципы культурной идентичности. Работа по анализу качественных танцевальных стилей во всем мире, подчеркивая их своеобразие и культурные функции, а также на проявление такой направленности, как сохранение в танце традиций и межкультурного взаимопонимания. **Методы:** исследование основано на анализе исторических данных. Проводится сравнительный анализ некоторых танцевальных форм по регионам. **Результаты исследования:** танец отражает уникальные верования и традиции, несет в себе повествование и передачу исторических знаний. Он представляет собой культурное наследие, способствует межкультурному диалогу.

Ключевые слова: танец, эпоха, культурное значение, танцевальная форма, танцевальный стиль.

Рецензент: Ежова Надежда Алексеевна — профессор по специальности «Виды искусства» (2022); кандидат философских наук по специальности 24.00.01 теория и история культуры; профессор объединённой кафедры камерного ансамбля, концертмейстерской подготовки и общего фортепиано . ТОГБОУ ВО «Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова»

Введение. Танец играл важную роль в человеческой культуре на протяжении всей истории, выступая в качестве формы выражения, социальной коммуникации и культурного повествования. Его происхождение трудно проследить точно, поскольку танец оставил после себя мало осязаемых артефактов. Однако археологические свидетельства, такие как 10 000-летние рисунки в скальных убежищах Бхимбетка в Индии и изображения египетских гробниц, датируемые примерно 3300 годом до нашей эры, указывают на то, что танец был неотъемлемой частью ритуала и празднования с доисторических времен [4].

В Средние века танец развивался в контексте феодальных обществ, где он часто сопровождал религиозные обряды и сезонные праздники. С наступлением эпохи Возрождения танец стал более структурированным и кодифицированным, особенно при итальянских дворах XV века, где такие танцы, как павана и гальярда, приобрели популярность. Эти танцы подчеркивали изящество и требовали точности, отражая культурные ценности того времени. Руководства по танцам этого периода дают представление о хореографии и социальных нормах, окружающих танцевальные практики [5].

Танец играл ключевую роль в жизни первобытных обществ, выполняя функцию ритуального действия. Этнографические исследования показывают, что движения танца часто символизировали определенные природные явления или образы, что усиливало их сакральное значение. Гурин Н.А. отмечает, что «танец используется в двух значениях. Более широкое значение определяет танец как весь комплекс ритмически-пластической кинетики в конкретной культурной традиции» [1, с. 7]. Многие из таких

ритуалов сохранились до наших дней в традициях коренных народов, подтверждая их значимость как средства духовного взаимодействия и культурной идентификации.

С развитием античных цивилизаций танец приобрел новые формы и значения. В Древнем Египте танцы исполнялись в рамках религиозных церемоний, таких как празднования в честь Осириса, что подчеркивало их сакральный характер. В древнегреческой культуре танцы, например, хороводы, стали неотъемлемой частью театральных представлений и общественных мероприятий. В Римской империи танцы приобрели популярность как развлечение на праздниках и театральных постановках. Фольклорный танец, в частности, представляет собой значимый этнографический источник, который отражает традиции, обычаи и верования различных регионов России [2, с. 5]

По мере того, как общество прогрессировало в 19 веке, искусство танца стало еще более разнообразным. Введение балета в европейских дворах создало формализованную танцевальную традицию, которая повлияла на различные стили по всему миру. В конце 19 века также появились новые социальные танцы, такие как кейкуок, которые подчеркнули влияние афроамериканской культуры на современные танцевальные формы [8]. Первые десятилетия 20-го века сохранили некоторые из этих ранних стилей, одновременно внедряя новые движения, прокладывая путь для современного танца.

Эволюция танца продолжилась в середине 20-го века с подъемом постмодернизма, характеризующегося отходом от традиционных форм и принятием сырых, неотшлифованных движений. Манифест «Нет» Ивонны Райнер олицетворял этот сдвиг, отвергая сложные костюмы и повествования в пользу простоты и аутентичности. Этот период ознаменовал собой существенную трансформацию в восприятии и исполнении танца, позволив более инклюзивную интерпретацию, признающую ценность различных типов телосложения и стилей [7].

Методы и методология. Исследование основано на анализе исторических данных. Проводится сравнительный анализ некоторых танцевальных форм по регионам.

Эксперимент. Танцевальные стили по всему миру отражают богатую культурную палитру соответствующих регионов, демонстрируя уникальные традиции, исторические влияния и художественные выражения. Каждый танцевальный жанр служит средством повествования, воплощая суть местных обычаев, ритуалов и жизни сообщества.

Африканский танец охватывает широкий спектр стилей и тесно переплетен с культурным наследием континента. Традиционные африканские танцы часто происходят во время общественных религиозных обрядов и проводятся священниками или гриотами, с движениями, которые передают метафорические повествования через

ритм и музыку. Эти танцы оказали значительное влияние на социальные танцы в африканской диаспоре, особенно в Америке и странах Карибского бассейна, а также на современные танцевальные формы с середины 20-го века.

Азиатские танцевальные формы характеризуются богатым историческим повествованием и часто вдохновлены мифологией и религиозными ритуалами. Например, в Индонезии танец Маргапати сочетает в себе сильные мужские движения с изящными женскими стилями, чтобы рассказать историю льва, подчеркивая культурное сочетание силы и красоты. В Индии классические танцы, такие как катхак, уходят корнями в древние традиции и передают истории посредством сложных жестов рук и мимики, отражая разнообразное наследие страны [3].

Европа породила некоторые из самых узнаваемых танцевальных форм в мире, в частности балет. Возникнув в эпоху итальянского Возрождения и развившись во Франции и России, балет отличается технической точностью и использованием классической музыки. Он претерпел значительные изменения в эпоху романтизма, которая подчеркивала эмоциональное выражение и воздушное присутствие балерин. Другие известные европейские танцевальные формы включают фламенко из Испании, воплощающее страсть и драматизм, и ирландский степ-танец, популяризированный такими представлениями, как Riverdance [7].

В Северной Америке хип-хоп появился в 1970-х годах как динамичная форма уличного танца, тесно связанная с хип-хоп культурой. Он включает в себя различные стили, такие как брейкинг, локинг и поппинг, характеризующиеся импровизацией и танцевальными баттлами. Джазовый танец, сочетающий в себе афроамериканский социальный танец с балетом и современными веяниями, также играет ключевую роль в американской танцевальной культуре, особенно в музыкальном театре [9].

Латиноамериканские танцевальные стили яркие и часто пронизаны культурными смешениями. Сальса, живой танец с корнями в афро-кубинской и пуэрториканской музыке, демонстрирует ритм и энергию региона. Кроме того, современные латиноамериканские танцевальные формы, такие как Latin Pop и Urban Latin Dance, объединяют традиционные стили, такие как меренге и реггетон, с современными влияниями, расширяя свою привлекательность во всем мире [6].

Представим в таблице 1 сравнение танцевальных форм по регионам, подчеркивающее их уникальные особенности и культурные роли.

Таблица 1

Сравнительная таблица танцевальных форм по регионам

Область	Форма танца	Источник	Характеристики	Культурное значение
Африка	Традиционные африканские танцы	Культурные религиозные традиции	Метафорические повествования посредством ритма и музыки	Переплетено с культурным наследием
Азия	Маргапати	Индонезия	Сочетает мужские и женские движения	Вдохновлено мифологией
Азия	Катхак	Индия	Жесты рук и выражения лица	Отражает разнообразное наследие
Европа	Балет	Итальянский Ренессанс, получивший развитие во Франции и России	Техническая точность, классическая музыка	Развлечения при королевском дворе, художественное самовыражение
Европа	Фламенко	Испания	Страсть, драма	Олицетворяет испанскую культуру
Европа	Ирландский степ-танец	Ирландия	Точная работа ног	Традиционная ирландская культура
Северная Америка	Джазовый танец	Афроамериканские социальные танцы, балет, современные влияния	Сочетает в себе различные стили	Ключ в музыкальном театре
Латинская Америка	Сальса	Афро-кубинское и пуэрториканское влияние	Ритм, энергия	Культурная смесь
Латинская Америка	Современные латиноамериканские танцы	Традиционное и современное слияние	Включает меренге, реггетон	Культурная эволюция

Результаты. Танец — это глубокое средство культурного выражения, которое играет важную роль в формировании как индивидуальной, так и общественной идентичности. Как динамическая форма искусства, он выходит за рамки простого развлечения, выступая в качестве важного социального ритуала, посредством которого сообщества могут передавать свои ценности, сохранять свое наследие и укреплять свою коллективную идентичность. Культурные танцы часто отражают особые ценности и верования своих сообществ. Многие танцы используются для поклонения, рассказывания историй или передачи исторических сведений, что подчеркивает их важность в сохранении культурных повествований. С помощью танца отдельные лица и группы могут выражать свои социальные и политические послания, отмечая при этом свое уникальное наследие. Танец воспитывает чувство ответственности, командной работы и общения, которые необходимы для расширения прав и возможностей

сообщества. Сохранение этих танцевальных форм не только поддерживает культурное наследие, но и способствует межкультурному взаимопониманию и прославляет разнообразие, гарантируя, что уникальные формы культурного самовыражения продолжают процветать для будущих поколений.

References

1. Гурин Н. А. Полифункциональное значение танца в современных российских исследованиях // Альманах современной науки и образования. — 2011. — № 9 (52). — С. 7.
2. Федорова В. Я. Исторические аспекты и появление фольклорного танца в России // Международный научный журнал «Флагман науки». — 2024. — № 5(16). — С. 5
3. 20th Century Dance // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.earlydancecircle.co.uk/resources/dance-through-history/20th-century-dance/> (дата обращения: 25.05.2025)
4. Dance and Historical Events // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.kennedy-center.org/education/resources-for-educators/classroom-resources/articles-and-how-tos/articles/educators/dance/dance-and-historical-events/> (дата обращения: 25.05.2025)
5. Dance Resources: Dance Styles and History // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://qcc.libguides.com/c.php?g=818979&p=6267812> (дата обращения: 25.05.2025)
6. Dancing Through Cultures // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://thehumanbeautymovement.com/dancing-through-cultures/> (дата обращения: 25.05.2025)
7. Top 5 Historical Dance Forms and Their Cultural Significance // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://northlandsschoolofdance.com/top-5-historical-dance-forms-and-their-cultural-significance/> (дата обращения: 25.05.2025)
8. Traditional Dances of Asia: The Beauty, Spirituality and Cultural Heritage of Asia // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.secret-retreats.com/blog/general-info/traditional-dances-of-asia-a-kaleidoscope-of-the-beauty-spirituality-and-cultural-heritage-of-asia.html> (дата обращения: 25.05.2025)
9. White H. The Evolution of Dance: From Historical Roots to Modern Trends // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.nansdancenc.com/blog/the-evolution-of-dance-from-historical-roots-to-modern-trends/> (дата обращения: 25.05.2025)

UDC 7

Xing An, Zhang Wuhao, Bai Yuting. Surrealism: interpreting subconscious processes through the medium of art

Сюрреализм: интерпретация подсознательных процессов средствами искусства

Xing An

master's student,
Fuzhou University

Zhang Wuhao

master's student,
Fuzhou University

Bai Yuting

master's student,
P.M. Masherov Vitebsk State University
Син Ань

магистрант,
Фучжоуский университет
Чжан Ухао

магистрант,
Фучжоуский университет
Бай Юйтин

магистрант,
Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова

Abstract. Art has long served as a way of conveying human emotions, thoughts and experiences. Among the many artistic movements that have emerged in history, surrealism stands out as a fascinating exploration of the workings of the subconscious mind. The origins of surrealism date back to the early 20th century, when it sought to explore the hidden levels of the human psyche and challenge established notions of reality. This article examines the direction of Surrealism, exploring its origins, key figures, artistic methods and the significant impact it has had on modern art and culture. **The aim** of the study is to analyse Surrealism as an artistic movement with a focus on its interpretation of subconscious processes and its influence on the perception of reality. **Research methods:** thematic analysis, analysis of the methods of visual technique, study of the peculiarities of artistic manner. **Research results:** surrealism is an artistic direction, the boundaries of which reveal the subconscious through images of dreams, absurdity and symbolism. Surrealist artists S. Dali, R. Magritte, and M. Ernst used different methods to create their distinctive styles. All three artists explored the subconscious and dreams as key themes of surrealism, they used symbols to convey hidden meanings, and used unconventional approaches that went beyond classical art.

Keywords: surrealism, dreams, absurd images, symbolism, subconsciousness, Salvador Dali, René Magritte, Max Ernst.

Аннотация. Искусство на протяжении длительного времени служило способом передачи человеческих эмоций, задумок и переживаний. Среди многочисленных художественных направлений, появившихся в истории, сюрреализм выделяется как захватывающее исследование работы подсознания. Истоки сюрреализма восходят к началу 20 века, когда он стремился исследовать скрытые уровни человеческой психики и оспаривать устоявшиеся представления о реальности. В статье рассматривается направление сюрреализма, изучается его происхождение, ключевые фигуры, художественные методы и значительное воздействие, которое он оказал на современное искусство и культуру. **Цель исследования** – анализ сюрреализма как художественного направления с акцентом на его интерпретацию подсознательных процессов и влияния на восприятие реальности. **Методы исследования:**

тематический анализ, анализ приемов изобразительной техники, исследование особенностей художественной манеры. Результаты исследования: сюрреализм – это художественное направление, границы которого раскрывают подсознательное через образы сновидений, абсурда и символизма. Художники-сюрреалисты С. Дали, Р. Магритт, М. Эрнст использовали различные методы для создания своих отличительных стилей. Все трое художников исследовали подсознание и сновидения как ключевые темы сюрреализма, они использовали символы для передачи скрытых смыслов, применяли нестандартные подходы, выходящие за рамки классического искусства.

Ключевые слова: сюрреализм, сновидения, абсурдные образы, символизм, подсознание, Сальвадор Дали, Рене Магритт, Макс Эрнст.

Рецензент: Ежова Надежда Алексеевна — профессор по специальности «Виды искусства» (2022); кандидат философских наук по специальности 24.00.01 теория и история культуры; профессор объединённой кафедры камерного ансамбля, концертмейстерской подготовки и общего фортепиано . ТОГБОУ ВО «Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова»

Введение. Искусство уже давно считается сильным средством самовыражения, позволяющим художникам передать свои глубочайшие мысли и чувства. Используя цвет, символы и различные визуальные элементы, художники могут превращать эти абстрактные эмоции в картины, которыми они делятся с окружающими [7].

Сюрреализм, художественное направление, сформировавшееся в 1920-х годах, нацеливалось на освобождение творческого процесса от рационального анализа и исследование глубин подсознания. Сюрреалисты стремились изучить сновидения, стремления и непосредственные проявления человеческого разума. Сравнивая различные элементы, они стремились создавать произведения, которые ставили под сомнение логику и традиционные интерпретации [5, с. 14].

Согласно мнению Польшиковой Л.И.: «Анализ практики сюрреализма и его философско-эстетических принципов позволяет сделать вывод о психофизиологической интерпретации им природы искусства и мастерства художника, опирающихся на приемы контраста, противоположения, оппозиционности, результатом действия которых является эстетический катарсис» [1, с. 3].

Первым значительным международным движением, которое стремилось к кардинальному разрушению или уменьшению значения смыслов и ценностей европейской культуры, стал дадаизм. Происхождение сюрреализма связано с дадаистским движением, которое выступило против традиционных художественных стандартов и акцентировало внимание на абсурдности и иррациональности. Дадаисты отвергли логику и рациональное мышление, тем самым создав основу для движения сюрреалистов. Возникшее течение психоанализа под руководством Зигмунда Фрейда также оказало влияние на интерес сюрреалистов к бессознательному и сновидениям [2, с. 76].

В 1924 году Андре Бретон определил движение через его цель: «объединить бессознательное и сознание в абсолютной реальности, сюрреальности» [3, с. 27]. Хотя сюрреалистические эксперименты освободили бессознательное, окружающая среда способствовала большому успеху, поскольку она позволяла объединять сон и реальность, формируя «единое визуальное произведение» [4].

Сальвадор Дали, один из самых знаменитых художников-сюрреалистов, привлек внимание к сюрреализму своими увлекательными и таинственными произведениями. Его умение вызывать сильные эмоции через сновидческие образы сделало его ключевой фигурой в этом движении.

Чтобы перенести свои сны на холст, Дали создал «параноидально-критический метод» — умственное упражнение для доступа к подсознанию, которое побуждает разум испытывать состояние страха. Этот способ деконструкции личности помог художнику найти новые и оригинальные взгляды на мир. Его произведения были глубоко личными и отражали его жизнь, часто с изображением его жены и музы Галы. Он создал эти работы в период, известный как его «классическая фаза», где наука и религия выступают в качестве основных тем [6, с. 1].

Рене Магритт. Его мазки были массивными и гладкими, с четкими линиями, а его произведения напоминали работы реалистов. Тем не менее, Магритт являлся мастером иллюзий, и, применяя в своих работах несколько простых элементов, он смог создать «сюрреалистический» эффект. Он часто использовал двусмысленные или метафорические символы, такие как зеркала, яблоки, занавески, вуали, окна и картины в картинах [6, с. 8].

Методы и методики. Для проведения экспериментальной работы применяется исследование элементов, отражающих подсознание путем тематического анализа определения мотивов, таких как сновидения, абсурдные образы, символизм. Выборка составила 10 знаковых сюрреалистических работ трех художников: Сальвадора Дали, Рене Магритт, Макса Эрнста.

Эксперимент. Известная работа Сальвадора Дали «Постоянство памяти» олицетворяет суть сюрреализма. Плавающие часы на картине представляют собой течение времени и сновидческое состояние подсознания:

- Сновидения: мягкие, «тающие» часы создают ощущение текучести времени, характерной для снов.
- Абсурдные образы: часы, свисающие с ветвей и лица, нарушают физическую логику.
- Символизм: часы могут символизировать бренность времени и мимолетность жизни.

Следующая работа данного художника «Сон, вызванный полетом пчелы...»:

- Сновидения: трансформация объектов (рыба в тигра, тигр в гранат) отражает хаотичную логику сна.
- Абсурдные образы: левитирующая женщина и слон на длинных ногах подчеркивают нереальность.
- Символизм: гранат символизирует плодородие или опасность, пчела — пробуждение.

Далее рассмотрим работу «Метаморфозы Нарцисса»:

- Сновидения: превращение фигуры в цветок имитирует текучесть сновидений.
 - Абсурдные образы: рука с яйцом, из которого растет нарцисс, абсурдна и неожиданна.
 - Символизм: яйцо — возрождение, нарцисс — самолюбование.
- Следующая работа называется «Лебеди, отражающиеся в слонах».
- Сновидения: отражение лебедей в виде слонов искажает реальность, как во сне.
 - Абсурдные образы: слоны на тонких ногах выглядят неестественно и хрупко.
 - Символизм: лебеди — грация, слоны — сила и память.

Рене Магритт, бельгийский художник, отличался своими провокационными и порой комическими произведениями, которые побуждали к размышлениям. Его известная картина «Предательство образов» ставит под сомнение восприятие зрителя, представляя трубку с надписью: «Это не трубка».

Работа художника «Сын человеческий» показывает:

- Сновидения: лицо, скрытое яблоком, создает ощущение загадки, как в сновидении.
- Абсурдные образы: яблоко, парящее перед лицом, нарушает логику.
- Символизм: яблоко — знание или искушение, скрытое лицо — утрата идентичности.

Далее рассмотрим произведение данного художника под названием «Голконда»:

- Сновидения: мужчины в котелках, парящие в воздухе, напоминают сонный хаос.
 - Абсурдные образы: люди, висющие как капли дождя, абсурдны и невозможны.
 - Символизм: котелки — конформизм и анонимность общества.
- Художественное произведение «Любовники» раскрывает:
- Сновидения: закрытые тканью лица создают атмосферу тайны и отчуждения.
 - Абсурдные образы: поцелуй через ткань — абсурден и неестественен.

— Символизм: ткань — барьеры в любви или невозможность близости.

Художественное произведение «Империя света» отражает:

— Сновидения: сочетание дня и ночи вызывает диссонанс, как в снах.

— Абсурдные образы: одновременное изображение света и тьмы противоречит реальности.

— Символизм: контраст — двойственность или конфликт.

Произведения Магритта часто исследуют противопоставление между изображением и реальностью, заставляя задумываться и ставить под сомнение сущность искусства и истины.

Макс Эрнст кардинально изменил сюрреалистическое движение благодаря своему оригинальному подходу к коллажу. Сочетая разнородные элементы из различных источников, Эрнст создавал сюрреалистические работы, которые превышали традиционные художественные формы. Его метод коллажа давал возможность передавать хаотическую и многослойную сущность подсознания.

Его художественное произведение «Два ребенка, которым угрожает соловей», отражает:

— Сновидения: кошмарная сцена с детьми и соловьем напоминает тревожный сон.

— Абсурдные образы: гигантский соловей и странные позы фигур абсурдны.

— Символизм: соловей — угроза или свобода, дети — уязвимость.

Рассмотрим еще одну работу данного художника «Лес и голубь»:

— Сновидения: лес как лабиринт и голубь создают таинственную атмосферу сна.

— Абсурдные образы: абстрактные деревья и неоднозначный голубь нарушают реальность.

— Символизм: лес — подсознание, голубь — мир или прозрение.

Результаты. Для начала проведен сравнительный анализ подходов художников:

— Сновидения: Дали использует трансформации, Магритт — парадоксы, Эрнст — абстракцию.

— Абсурдные образы: Дали и Магритт создают конкретные, но невозможные сцены, Эрнст — более абстрактные формы.

— Символизм: Дали опирается на мифы и личные образы, Магритт — на культурные, Эрнст — на архетипы.

Представим в Таблице 1 сравнительный анализ сходства и различий трех художников по 4 аспектам: тематика, стиль, символы, техники.

Таблица 1

Сходства и различия в работах С. Дали, Р. Магритт, М. Эрнста

Аспект	Сальвадор Дали	Рене Магритт	Макс Эрнст
Тематика	Сновидения, подсознание, время, религия, мифология	Повседневная жизнь, загадки, парадоксы, идентичность	Природа, мифология, подсознание, война, тревога
Стиль	Детализированные, реалистичные изображения с фантастическими элементами	Четкие, реалистичные изображения с неожиданными, парадоксальными комбинациями	Абстрактные и полуабстрактные формы, часто с элементами коллажа и текстуры
Символы	Тающие часы (время), слоны на длинных ногах (нестабильность), яйца (возрождение)	Яблоки (скрытые лица), котелки (анонимность), трубы (иллюзия)	Птицы (свобода), леса (подсознание), глаза (восприятие)
Техники	Параноидально-критический метод, традиционная живопись	Традиционная живопись с акцентом на необычные контексты	Фроттаж, декалькомания, коллаж, граттаж

Таким образом, исходя из данных таблицы 1, можно сделать вывод, что все трое художников исследуют подсознание и сновидения как ключевые темы сюрреализма, они используют символы для передачи скрытых смыслов, применяют нестандартные подходы, выходящие за рамки классического искусства.

Тем не менее, существуют и различия в их работе:

Дали создает детализированные фантастические миры, Магритт играет с парадоксами повседневности, а Эрнст склоняется к абстракции и текстурам.

Темы Дали часто связаны с религией и временем, Магритт фокусируется на идентичности, а Эрнст — на природе и тревоге.

Техники Эрнста более экспериментальны (коллаж, фроттаж), тогда как Дали и Магритт опираются на традиционную живопись с уникальными методами.

Таким образом, сюрреализм — это художественное направление, границы которого раскрывают подсознательное через образы сновидений, абсурда и символизма. Художники-сюрреалисты использовали различные методы для создания своих отличительных стилей. Некоторые, как Сальвадор Дали и Рене Магритт, отдавали предпочтение гиперреалистичным методам, которые представляли объекты в мельчайших деталях, усиливая их сказочные качества. Напротив, другие, такие как Макс Эрнст, использовали экспериментальные техники, такие как коллаж и фроттаж, для создания диковинных образов, которые отражали хаотическую природу бессознательного.

References

1. Польшикова Л.И. Теория и практика сюрреализма (критический анализ) / 17.00.04 — изобразительное искусство. Автореф. дисс., 1990 – С. 3.
2. Якимович А.К. Сюрреализм // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrealism-1> (дата обращения: 21.05.2025) - С. 76
3. Breton A. «Manifesto du Surréalisme», in Breton, Manifestoes of Surrealism (Michigan: 4 University of Michigan Press, 1972), - P. 27.
4. Craig J. What are the means used in surrealist films for claiming the medium for the unconscious? // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.academia.edu/26500266/What_are_the_means_used_in_surrealist_films_for_claiming_the_medium_for_the_unconscious (дата обращения: 21.05.2025).
5. Magrini J. «Surrealism's Revisionist Reading of Freudian Psychology: Surreal Film and the Dream» (2009). Philosophy Scholarship. Paper 14. <http://dc.cod.edu/philosophypub/14> (дата обращения: 21.05.2025)
6. Nema N. Psychology in Art: The Influence of Freudian Theories on Surrealist Art // The International Journal of Indian Psychology. Volume 4, Issue 4, DIP: 18.01.119/20170404. July-September, 2017. P.1-8. DOI: 10.25215/0404.119. ISSN 2348-5396 (e) | ISSN: 2349-3429 (p).
7. Wu C. The Psychology of Art: Emotions Translated into Visual Mediums // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://agifineart.com/advice/the-psychology-of-art-emotions-translated-into-visual-mediums/> (дата обращения: 20.05.2025).

ECONOMY AND MANAGEMENT

UDC 657

Avagyan M.G. Cash accounting: from the origins to the present day

Учет денежных средств: от истоков до сегодняшних дней

Avagyan Marina G.

Bachelor's degree,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
Авагян Марина Гайковна
бакалавр,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Abstract. The article examines the dynamic development of accounting for tender funds from its inception to the current state. The purpose of the work is to analyze the stages of the evolution of accounting systems and methods related to monetary transactions in a historical perspective. The research uses both historical data and modern scientific methods of analyzing financial information. The authors identify the main periods of accounting development, starting from the ancient world and ending with the present, paying special attention to the mechanisms of accounting for funds and their impact on the formation of economic processes in society. As a result of the analysis, it was found that progress in the field of cash accounting is closely related to the development of trade, technologies and economic systems.

Keywords: cash accounting, history of accounting, evolution of accounting systems, methods of financial information analysis, economic processes, technological progress

Аннотация. В статье рассматривается динамичное развитие учета денежных средств от его зарождения до современного состояния. Целью работы является анализ этапов эволюции учетных систем и методов, связанных с денежными операциями в исторической перспективе. В рамках исследования используются как исторические данные, так и современные научные методы анализа финансовой информации. Авторы выделяют основные периоды развития бухгалтерского учета, начиная с древнего мира и заканчивая настоящим временем, обращая особое внимание на механизмы учета денежных средств и их влияние на формирование экономических процессов в обществе. В результате анализа установлено, что прогресс в области учета денежных средств тесно связан с развитием торговли, технологий и экономических систем.

Ключевые слова: учет денежных средств, история бухгалтерского учета, эволюция учетных систем, методы анализа финансовой информации, экономические процессы, технологический прогресс

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Денежные средства как наиболее ликвидный актив всегда занимали центральное место в экономической теории и практике бухгалтерского учета. Изменения в методах учета денежных средств отражают эволюцию экономической мысли, а также развитие бизнес-процессов и технологий.

Актуальность темы учета денежных средств обусловлена несколькими причинами:

- денежные средства являются основой любой коммерческой деятельности, и их эффективное управление напрямую влияет на финансовую стабильность и платежеспособность компании;
- с учетом глобализации экономики и роста числа международных операций, актуализируется необходимость внедрения единых стандартов учета, что ставит новые требования к методологии учета денежных средств;
- с развитием цифровых технологий и переходом на безналичные расчеты возрастает роль и сложность учета электронных денежных потоков.

История и методология учета денежных средств имеют глубокие корни и хорошо освещены в классических трудах по бухгалтерскому учету и финансовому менеджменту. основополагающие работы, такие как труды Пачоли, и последующие исследования в области бухгалтерского учета заложили фундамент для современных методов учета. Тем не менее, быстрые технологические изменения и глобализация требуют постоянного обновления знаний и адаптации учетных систем. Современная литература акцентирует внимание на разработке новых подходов к учету денежных потоков, включая интеграцию с информационными системами управления и использование искусственного интеллекта в учетных процессах. Новые исследования и публикации регулярно появляются в журналах и на конференциях, что подтверждает не только актуальность, но и постоянно растущий интерес к данной теме.

Бухгалтерия охватывает широкий спектр деятельности специалистов в области учёта, включая организацию бухгалтерского учёта, подготовку финансовой отчётности, разработку учётной политики предприятий, а также анализ финансовых данных и контроль за их достоверностью. Это направление профессиональной деятельности предполагает участие в работе ассоциаций и объединений бухгалтеров, а также требует высокого уровня этики и профессионализма от каждого специалиста. Бухгалтерское дело объединяет теоретические основы науки о бухгалтерском учете, прикладные аспекты профессиональной деятельности и личные качества бухгалтера, обеспечивая целостность этой сферы.

В истории развития бухгалтерского учета и бухгалтерской деятельности можно выделить ключевые этапы, хотя определить точные временные рамки их возникновения затруднительно из-за отсутствия единого мнения в научном сообществе относительно начала появления бухгалтерии и основных понятий, таких как «бухгалтерский учет», «отчетность» и «аудит». Таким образом, история бухгалтерии тесно переплетается с

историей развития экономических отношений и формирования современных методов учёта и контроля за финансовыми операциями.

Учёт денежных средств претерпел значительное развитие от своих истоков до современности. История бухгалтерского учёта начинается в древние времена, когда первые торговцы и кредиторы столкнулись с необходимостью вести записи о своих финансовых операциях. Эти первые записи были примитивными, часто включали в себя простое перечисление товаров и долгов. С развитием торговли и экономики возникла потребность в более сложных системах учёта. [1]

Профессор Я.В. Соколов в своих работах разделяет историю бухгалтерского учета на шесть основных периодов, начиная с древнейшего, который он определяет, как натуралистический. Этот период простирается от 4000 года до н. э. до пятого века до н. э., знаменуя начало формирования бухгалтерского учета. Особенностью этой эпохи является стремление бухгалтеров фиксировать в учетных записях непосредственно наблюдаемые и осязаемые элементы хозяйственной жизни. Оттуда произошли основополагающие концепции, такие как «факт хозяйственной деятельности» и «инвентаризация», которые продолжают оставаться актуальными, находя свое отражение в современных нормативных документах, в том числе в Федеральном законе РФ «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ от 6 декабря 2011 года. В этом документе, например, «факт хозяйственной жизни» трактуется как любое событие, операция или сделка, оказывающие или способные оказать влияние на экономическое положение организации, ее финансовые результаты и потоки денежных средств. [2]

Второй этап, охватывающий период с 5-го века до н. э. до 1300 года нашей эры, называется стоимостным и характеризуется ключевыми изменениями в учете, обусловленными введением денег. Это привело к разделению бухгалтерского учета на патримональный, фокусирующийся на имуществе, и камеральный, сосредоточенный на движении денежных средств. В этот период учет велся как в натуральных, так и в стоимостных терминах.

Метод двойной записи, впервые представленный Лукой Пачоли в 1494 году, отметил начало диграфического этапа в истории бухгалтерского учета, охватывающего период с 1300 по 1850 год. Это изобретение преобразовало подход к анализу и фиксации хозяйственных операций, закладывая основы для научного развития бухгалтерии. Особенно значительный вклад в развитие двойной записи был сделан в Италии, где к концу 15 века укрепились теория данного метода. Система двойной записи до сих пор является основой бухгалтерского учета во всем мире, включая Россию. В это время произошло значительное развитие патримонального учета, который разделился на униграфический с простой записью и диграфический с двойной записью.

Была внедрена классификация счетов, включая условные и счета собственных средств.
[3]

Период с 1850 по 1900 год отмечен как теоретико-практический этап в эволюции учета, на котором происходило дальнейшее развитие двойной записи, уделяя внимание юридическим и экономическим нюансам. В это время систематизировались счета, появились специализированные счета для взаиморасчетов и «метафизические» счета для отображения результативных операций и контрарных позиций, обогащая бухгалтерский учет новыми инструментами и методами.

Промышленная революция привнесла значимые изменения в систему денежного обращения и бухгалтерского учета, обусловленные интенсивным развитием производительных сил и расширением рынков сбыта продукции. Однако следует отметить, что ускоренные темпы экономического развития потребовали кардинального совершенствования методологии и практики документального фиксирования и анализа финансово-хозяйственной деятельности.

Период с 1900 по 1950 годы характеризовался глубокими преобразованиями в системе бухгалтерского учета, которые оказали ключевое влияние на дальнейшее становление и развитие этой области знаний. Эти десятилетия сопровождалась детальной проработкой и совершенствованием концепции баланса, что выдвинуло на передний план два ведущих направления научных исследований - счетоводство и балансоведение. Плодотворные разработки теоретиков и практиков по данной проблематике нашли отражение во множестве публикаций, вносящих существенный вклад в теоретическое обогащение и прикладное совершенствование бухгалтерского дела.

Расчет себестоимости продукции стал центральным элементом системы бухгалтерского учета на рубеже XIX-XX веков, превратившись в ключевой инструмент точного планирования затрат и управления производственными издержками. Развитие данного направления тесно коррелировалось с работами американских экономистов Д. Харриса и Г. Эмерсона, чьи фундаментальные наработки в области методологии расчета и анализа затрат способствовали совершенствованию систем, предоставляющих руководству предприятий достоверную аналитическую информацию для принятия стратегических решений и повышения производственной эффективности.

Данный период истории отмечен существенным повышением точности и детализации бухгалтерских данных благодаря совершенствованию технологий фиксации и обработки информации. Это способствовало усилению контроля за финансовыми потоками и оптимизации бизнес-процессов, оказав значимое влияние на

дальнейшее развитие корпоративного управления и финансового планирования на промышленных предприятиях.

В то же время закладывались основы современной практики аудиторской деятельности путем активной разработки научно-теоретических основ этой области знаний, нашедших отражение в трудах выдающихся ученых того периода, таких как Л. Дикси, Р.Х. Монгомери и Р.К. Маутц. Их вклад в становление теории и методологии аудита заложил прочный фундамент для дальнейшей эволюции фундаментальных концепций бухгалтерского учета и аудита, актуальных и сейчас.

В течение двадцатого века система бухгалтерского учета денежных средств подверглась значительным преобразованиям, обусловленным технологическим прогрессом и усилением глобализационных процессов. Именно в этот период произошла революция в методах ведения бухучета благодаря массовому внедрению высокопроизводительных компьютерных технологий.

Внедрение компьютерных технологий в сферу бухгалтерского учета привело к существенной оптимизации учетных процедур, сделав их более оперативными, точными и экономичными с точки зрения затрат трудовых ресурсов. Программное обеспечение для ведения бухгалтерии стало мощным инструментом, позволившим не просто автоматизировать рутинные операции, такие как подсчет и классификация финансовой отчетности, но и обеспечить комплексный анализ финансового положения организации в режиме реального времени. Это, в свою очередь, создало предпосылки для оперативного получения отчетов и прогнозов, а также проработки долгосрочного финансового плана, что приобрело особую актуальность на фоне динамичных изменений в глобальной экономике.

Глобализация рынков поставила перед бизнесом новые требования к управлению финансами, в том числе необходимость соблюдения международных стандартов бухгалтерского учета и отчетности. Международным корпорациям потребовалось унифицировать свою отчетность в различных странах, что стало возможным благодаря гибким и масштабируемым решениям для ведения бухгалтерии, способным адаптироваться к национальным особенностям учетной политики и валютному законодательству.

Таким образом, двадцатый век можно смело назвать периодом качественного скачка в системе бухгалтерского учета денежных средств, достигшей высокого уровня прозрачности и управляемости благодаря цифровизации. Это не только существенно облегчило традиционные задачи бухгалтерии, но и расширило возможности использования финансовой отчетности для стратегического планирования и принятия управленческих решений. [4]

В настоящее время, в эпоху стремительного развития цифровых технологий и внедрения блокчейн, система бухгалтерского учета денежных средств продолжает динамично трансформироваться. Применение искусственного интеллекта и машинного обучения открывает новые возможности для более глубокого анализа объемных массивов данных, управления финансовыми рисками и прогнозирования показателей деятельности на основе сложных математических моделей.

Вместе с тем, несмотря на стремительные технологические инновации, фундаментальные принципы бухгалтерского учета - прозрачность, точность и актуальность предоставляемой финансовой отчетности - сохраняют свою актуальность.

Таким образом, путь от первых ручных записей о финансовых операциях до современных гибких цифровых систем бухгалтерского учета был долгим и полным испытаний. Каждый этап эволюции данной системы отражал изменения в экономических и социальных реалиях того или иного исторического периода, демонстрируя тесную взаимосвязь между финансовой отчетностью предприятий и общим развитием человеческой цивилизации.

References

1. Дмитриева, И. М. Бухгалтерский учет с основами МСФО : учебник и практикум для вузов / И. М. Дмитриева. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 304 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5534-16323-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/530809>
2. Соколов, Я.В., Соколов, В.Я. История бухгалтерского учета: Учебник / Я.В. Соколов, В.Я. Соколов. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 272с.: ил. - ISBN 5-279-02497-X
3. Прядеин, В. С. История России в схемах, таблицах, терминах : учебное пособие для вузов / В. С. Прядеин ; под научной редакцией В. М. Кириллова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 107 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05439-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/532290>
4. Воронченко, Т. В. Бухгалтерский учет : учебник и практикум для среднего профессионального образования / Т. В. Воронченко. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 727 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-17609-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/533407>

UDC 33

Avagyan M. Introduction of the concept and typology of a securitization instrument

Введение понятия и типологии инструмента секьюритизации

Avagyan Maria

Master's Degree Student,
Department of Industrial Economics and Natural Resources Management,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
Авагян Мария Гайковна
магистрант,
кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Abstract. This article examines the concept of securitization and its typologies as a key tool in the modern financial system. Securitization is the process of converting illiquid assets into investment securities, which allows for increased liquidity and improved risk management. The article analyzes in detail the main types of securitization and how each type of securitization can ensure efficient capital allocation and reduce financial risks.

Keywords: accounts receivable, securitization, typology of securitization, bonds, securities

Аннотация. В данной статье вводится понятие секьюритизации и её типология как ключевого инструмента в современной финансовой системе. Секьюритизация представляет собой процесс преобразования неликвидных активов в инвестиционные ценные бумаги, что позволяет повысить ликвидность и улучшить управление рисками. В статье подробно анализируются основные виды секьюритизации и то, как каждый из типов секьюритизации может способствовать эффективному распределению капитала и снижению финансовых рисков.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, секьюритизация, типология секьюритизации, облигации, ценные бумаги

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Основная идея секьюритизации заключается в том, что пакет дебиторской задолженности траншируется, конвертируется в торгуемые ценные бумаги и размещается на рынке капитала. Таким образом, компании могут продавать свою дебиторскую задолженность клиентов, рефинансировать себя на рынке капитала и использовать вырученные средства для инвестиций. Банки используют секьюритизацию для рефинансирования, списания капитала, снижения кредитного риска и управления портфелем.

Следует различать определение и понятие. Определение можно представить как нечто, что имеет вид «А» есть род «В» с сущностным признаком «С». Необходимо

помнить, что определение, как заметил еще Аристотель, при чтении как сначала, так и в обратном направлении не меняет своего смысла и остается понятным понимаю.

Рассмотрим некоторые из определений секьюритизации с целью выбора наиболее полного и конкретного, а также понимания определение это или все же понятие:

- это финансовая операция, при которой право на пул денежных потоков упаковывается в один пакет и перепродается в виде облигации [1].

Данное понятие недостаточно охватывает весь процесс секьюритизации, включая этапы создания, структурирования и продажи ценных бумаг. Секьюритизация — это не просто операция, а комплексный процесс, включающий множество этапов.

- это процесс изъятия неликвидных активов или группы активов и, с помощью финансового инжиниринга, превращения их в инвестиционную ценную бумагу [7].

Использование термина «финансовый инжиниринг» может быть запутанным, так как он может подразумевать сложные и рискованные стратегии, которые не всегда приводят к положительным результатам.

- это практика объединения различных типов долговых инструментов (активов) и продажи их в качестве облигаций инвесторам [2].
- это процесс трансформации группы активов, приносящих доход в инвестиционную ценную бумагу [8].

Понятия слишком общее и не указывает на специфику процесса секьюритизации. Не упоминается, что активы должны быть сгруппированы и структурированы для создания инвестиционной ценности

Для наглядности рассмотрим вышеизложенное с точки зрения их соответствия определению (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура определений секьюритизации

Вид	Род	Сущностный признак
Секьюритизация	финансовая операция	при которой право на пул денежных потоков упаковывается в один пакет и перепродается в виде облигации
Секьюритизация	процесс изъятия неликвидных активов или группы активов	с помощью финансового инжиниринга, превращения их в инвестиционную ценную бумагу
Секьюритизация	практика объединения различных типов долговых инструментов	продажи их в качестве облигаций инвесторам
Секьюритизация	процесс трансформации группы активов	приносящих доход в инвестиционную ценную бумагу

Из таблицы наглядно видно, что определения имеют разный род, что априори недопустимо для определения одного вида. Получается, что сформировано как

определение, но при проверке, а именно чтении с конца, смысл полностью теряется и получается лишь группа несвязных слов.

Приходим к выводу, что вышеизложенные – не определения, а функциональные понятия. Введем рабочее понятие секьюритизации. Рассмотрим основную функцию понятия и посредством каких механизмов они реализуются.

Основная функция секьюритизации – превращение некоторых активов в ценные бумаги, а реализуется она посредством:

- выбор и структурирования активов;
- создания однотипного пакета активов, для последующей продажи;
- создание специализированного предприятия, выпускающее ценные бумаги и владеющего пакетом активов

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что секьюритизация является функциональным понятием, имеющее разный способ работы и механизм осуществления. Рабочее понятие секьюритизации является следующим: «Секьюритизация — это финансовый инструмент, в процессе реализации которого неликвидные активы или группа активов, приносящих доход, структурируются и упаковываются в один пакет активов, далее активы преобразуются в инвестиционные ценные бумаги»

С целью более точного понятия инструмента секьюритизации рассмотрим типологию (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология инструмента секьюритизации

Критерий	Типология
По территориальному признаку	Трансграничную (международная, внешняя)
	Национальную (внутригосударственная, внутренняя)
В зависимости от состава участников	В разрезе финансовых учреждений
	В составе банковских активов
	В отношении нефинансовых учреждений
По уровням осуществления секьюритизации	Одноуровневая секьюритизация
	Двухуровневая схема секьюритизации
По способу перехода актива	Выпуск займодателем собственных ценных бумаг
	Переуступка кредитов сторонней компании
	Передача портфеля на баланс SPV-посредника, который выпускает ценные бумаги под залог обязательства заемщика
В зависимости от инициатора	Финансовая (банковская, небанковская)
	Нефинансовая (секьюритизация активов капиталоемких компаний и бюджетных учреждений)
В зависимости от механизма проведения	Классическая «действительная продажа» (забалансовая);
	Синтетическая (балансовая)
В зависимости от инициатора	Бизнеса (корпоративная секьюритизация)
	Государственного сектора

Критерий	Типология
Виды секьюритизированных продуктов	Ценные бумаги, обеспеченные ипотекой (MBS)
	Ценные бумаги, обеспеченные активами (ABS)
	Обеспеченные долговые обязательства (CDO)
В зависимости от механизма получения инвестором дохода	Сквозная секьюритизация
	Платежный долговой инструмент
По виду актива	Ипотечные активы
	Автокредиты
	Права требования банка к владельцам кредитных карт
	Дебиторская задолженность
	Права требования банка к владельцам потребительские кредиты
	Будущие денежные потоки (например, поступления от оплаты проезда по платным дорогам)
Возможные секьюритизируемые активы перечисленные Международной финансовой корпорацией Всемирного банка	Налоговые поступления
	Коммунальные платежи
	Роялти за интеллектуальную собственность
	Музыкальные каталоги
	Доходы спортивных команд
Типы ценных бумаг, связанных с секьюритизацией ипотеки	Облигации с ипотечным покрытием (ипотечные облигации)
	Ипотечные сертификаты участия (ИСУ)
Подходы к оценке секьюритизации с точки зрения бухгалтерского и налогового учета	Продажа актива
	Займ как инструмент привлечения заемного капитала
Типы облигационных ценных бумаг в зависимости от риска инвестора	Старшие
	Средний (мезонинные)
	Младшие (акционные)

Разберем некоторые типы более подробно. В зависимости от инициатора:

- Финансовая (банковская, небанковская)
- Нефинансовая (секьюритизация активов капиталоемких компаний и бюджетных учреждений) [3]

По виду актива:

- ипотечные активы
- автокредит
- права требования банка к владельцам кредитных карт
- дебиторская задолженность
- права требования банка к владельцам потребительские кредиты
- будущие денежные потоки (например, поступления от оплаты проезда по платным дорогам) [4]

Теоретически любой актив или право, представляющий собой будущий, предсказуемый денежный поток, может быть секьюритизирован при условии, что он

может быть эффективно передан SPV через реальную продажу или если инициатор считается «отдаленным для банкротства».

Это расширение привело к некоторым неожиданным возможностям секьюритизации. Международная финансовая корпорация Всемирного банка перечисляет следующее:

- Налоговые поступления
- Коммунальные платежи
- Роялти за интеллектуальную собственность
- Музыкальные каталоги
- Доходы спортивных команд

Ключевым моментом является то, что эти активы должны генерировать разумно предсказуемый поток дохода. Однако давайте обратимся к наиболее часто секьюритизируемым активам.

Типы ценных бумаг, связанных с секьюритизацией ипотеки:

- облигации с ипотечным покрытием, или просто ипотечные облигации — облигации, частично или полностью обеспеченные ипотечными платежами;
- ипотечные сертификаты участия (ИСУ) — бумаги, удостоверяющие право на долю в общей собственности на ипотечное покрытие. Они дают право получать определенный процент от активов. Сейчас их постепенно выводят из оборота [5]

Подходы к оценке секьюритизации с точки зрения бухгалтерского и налогового учета:

- продажа актива (когда продавец списывает имущество с баланса в пользу покупателя – третьего лица);
- займ как инструмент привлечения заемного капитала (только в отличие от обеспеченного займа, когда обеспечение используется лишь в случае нарушений условий договора, либо в рамках конкурсного производства заемщика, при секьюритизации активов обеспечение передается инвесторам путем фидуциарной уступки в пользу трасти)

Типы облигационных ценных бумаг в зависимости от риска инвестора:

- Старшие транши;
- Средний (мезонинные) – могут не быть;
- Младшие (акционные).

После проведения всех соответствующих расчетов рейтинговые агентства должны сообщить о возможной корректировке старшего транша ценных бумаг. Присвоение высокого рейтинга позволяет старшим траншам претендовать на

государственную гарантию. Исходя из этого, старшие выпуски в итоге продаются более консервативным и не склонным к риску инвесторам, которые обычно вкладывают свои ресурсы в корпоративные облигации инвестиционного класса с фиксированным доходом или в суверенные облигации [6]

Младшие транши выплачиваются в последнюю очередь, уже после того, как все остальные (старшие и мезонинные) будут полностью погашены. По сути, младший транш представляет собой структурное увеличение кредита как для мезонинного, так и для старшего траншей.

В статье были рассмотрены ключевые аспекты секьюритизации как финансового инструмента, а также его типология. Секьюритизация представляет собой сложный процесс, в ходе которого активы преобразуются в ценные бумаги, что позволяет привлекать инвестиции и управлять рисками. Введение понятия секьюритизации помогает лучше понять механизмы, стоящие за этим процессом.

Типология инструментов секьюритизации, включая ипотечные облигации, обеспеченные долговые обязательства и другие формы. Важно, что она демонстрирует разнообразие подходов к структурированию активов. Каждая категория инструментов имеет свои особенности и предпосылки к применению в зависимости от инвестиционных целей и способствует более эффективному управлению активами

References

1. Улюкаев С. Секьюритизация активов и секьюритизация банковских активов: как отличать, понимать и трактовать? //Экономическая политика. – 2010. – №. 1. – С. 42-46.
2. Рачкевич А. Ю., Алексеева И. А. Секьюритизация: характерные признаки и определение //Деньги и кредит. – 2008. – №. 8. – С. 22-31.
3. Омельченко, А. Н. Ключевые виды секьюритизации и их характеристика: научный подход / А. Н. Омельченко, А. С. Тягунов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 10 (405). — С. 44-48. — URL: <https://moluch.ru/archive/405/89407/>
4. Чайка, А. А. Развитие секьюритизации на российском рынке ценных бумаг / А. А. Чайка. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 10 (90). — С. 840-844. — URL: <https://moluch.ru/archive/90/18716/>
5. Павельева Е. А., Сысоева Е. Ф. Организационно-методическое обеспечение процесса секьюритизации активов на российском финансовом рынке. – Центр научно-технической информации, 2014. – С. 184-184.

6. Пашковская, И. В. Формы и методы участия государства в секьюритизации проблемных кредитов коммерческих банков / И. В. Пашковская // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14. — № 3. — URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN322.pdf>

7. Тимофеева К. Н. Факультет «Финансы и кредит» Кафедра «Ценные бумаги и финансовый инжиниринг».

8. Веретенникова О. Б., Мезенцева И. А. Сущность и виды секьюритизации банковских активов // Journal of new economy. – 2012. – №. 4 (42). – С. 20-24

UDC 33

El Sherif Karim Hossam Salah. The specifics of the development of the environmental products market in the household chemicals segment

Специфика развития рынка экологической продукции в сегменте бытовой химии

El Sherif Karim Hossam Salah,

Master's student, Department of Integrated Communications and Advertising, Faculty of Advertising and Public Relations, Institute of Mass Media and Advertising, Russian State University for the Humanities

Эль Шериф Карим Хоссам Салах,
магистрант, кафедра интегрированных коммуникаций и рекламы, факультет рекламы и связей с общественностью, институт массмедиа и рекламы, Российский Государственный Гуманитарный университет

Abstract. *The article provides an analysis of current trends in the development of the environmental products market. The features of the formation of modern trends in the segment of household chemicals, which was affected by the demand for environmental friendliness and safety, are highlighted. The features of the positioning of eco-products in the market are determined, which is largely built by defining it as a premium segment. It is concluded that the demand for this product category is steadily growing, which requires a review of the existing product line and marketing strategy from manufacturers of household chemicals.*

Keywords: *environmental products, household chemicals, marketing analysis, market development, environmental products market*

Аннотация. В статье приводится анализ современных тенденций развития рынка экологической продукции. Выделены особенности формирования современных трендов в сегменте бытовой химии, которую затронул спрос на экологичность и безопасность. Определены особенности позиционирования эко-продукции на рынке, который во многом выстраивается за счет определения ее в качестве премиального сегмента. Делается вывод о том, что спрос на данную категорию продукции стабильно растет, что требует пересмотра существующей продуктовой линейки и реализуемой маркетинговой стратегии от производителей бытовой химии.

Ключевые слова: экологическая продукция, бытовая химия, маркетинговый анализ, развитие рынка, рынок экологической продукции

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение. Тенденцией последних десятилетий становится более активное внимание потребителей к безопасности и экологичности потребляемой продукции. Тренд на применение продукции, которая не оказывает негативного влияния на окружающую среду и здоровье человека переместился от пищевой промышленности в сферу бытовой химии. Современные потребители, особенно молодое и осознанное поколение, все чаще выбирают продукты с натуральным составом, биоразлагаемыми

компонентами и безопасной упаковкой, что стимулирует производителей переходить на «зеленые» технологии и экологичные ингредиенты [1]. Данная группа потребителей становится достаточно активной и определяет ведущие тренды на рынке бытовой химии, что в сочетании с трансляцией приоритета экологичности в социальных сетях, усиливает ее влияние на потребительское поведение. При высоком уровне конкуренции в данном сегменте (по данным Центра развития перспективных технологий, в 2024 году в системе маркировки косметики и бытовой химии было зарегистрировано более 11 тыс. участников рынка, из них порядка 900 производителей и 700 импортеров [5]), производителю необходимо учитывать существующие тренды. Согласно исследованиям [8], около 74% потребителей проявляют выраженный интерес к экологичным средствам для стирки и уборки, что ставит этот сегмент в один ряд с продуктами питания и косметикой по уровню спроса.

Влияние экологической продукции на развитие рынка бытовой химии. Значение экопродукции в продвижении бренда на рынке описывается в литературе достаточно широко. Прежде всего определимся с содержанием данного направления продукции. Ю.Д. Назаркова-Бабкина дает определение, согласно которому под эко-средством понимается «товар (продукция), отличающийся минимальным негативным воздействием на окружающую среду на всех этапах жизненного цикла и безопасностью для человека» [7, с. 203]. Исходя из приведенного определения, в контексте маркетинга эко-средство представляет собой экологически чистый, «зеленый» товар, удовлетворяющий потребности потребителей без ущерба для окружающей среды.

Я.В. Мамлеева определяет экологический вектор в маркетинге как «механизм взаимодействия продавцов и покупателей по продаже и покупке экологических товаров на основе определения их цен и количества (спроса и предложения)» [6, с. 8]. В рамках данной трактовки экологический рынок представляет собой сложную систему экономических и социальных взаимоотношений, которые складываются в процессе производства, распространения и обмена благами, обладающими экологическими характеристиками или направленными на решение экологических задач. Подобный подход к понятию экологического рынка отражает его двойственную природу: с одной стороны, он функционирует на основе классических рыночных механизмов, таких как спрос и предложение, ценообразование и конкуренция, а с другой – регулируется специфическими социальными и экологическими стандартами, обусловленными актуальными требованиями устойчивого развития.

А.А. Соколова указывает, что «рынок экологически чистых товаров и услуг включает совокупность производителей и потребителей, ориентированных на экологичность, и определяет критерии отнесения продукции к категории эко-товаров»

[9, с. 31]. Всемирные тренды и ужесточение экологического регулирования стимулируют бизнес предлагать более устойчивые товары и услуги, расширяя тем самым экологический рынок. Приведенные тезисы исследователей подтверждают, что эко-ориентация производителя является одним из ключевых элементов, влияющих на продвижение бренда на рынке, в том числе и в сегменте бытовой химии.

Основные тенденции на рынке бытовой химии. В 2025 году рынок бытовой химии в России продолжает динамично развиваться, несмотря на уход части иностранных производителей из-за введенных санкций в 2022 г. На рисунке 1 представлена динамика оборота рынка бытовой химии в 2020 – 2024 гг.

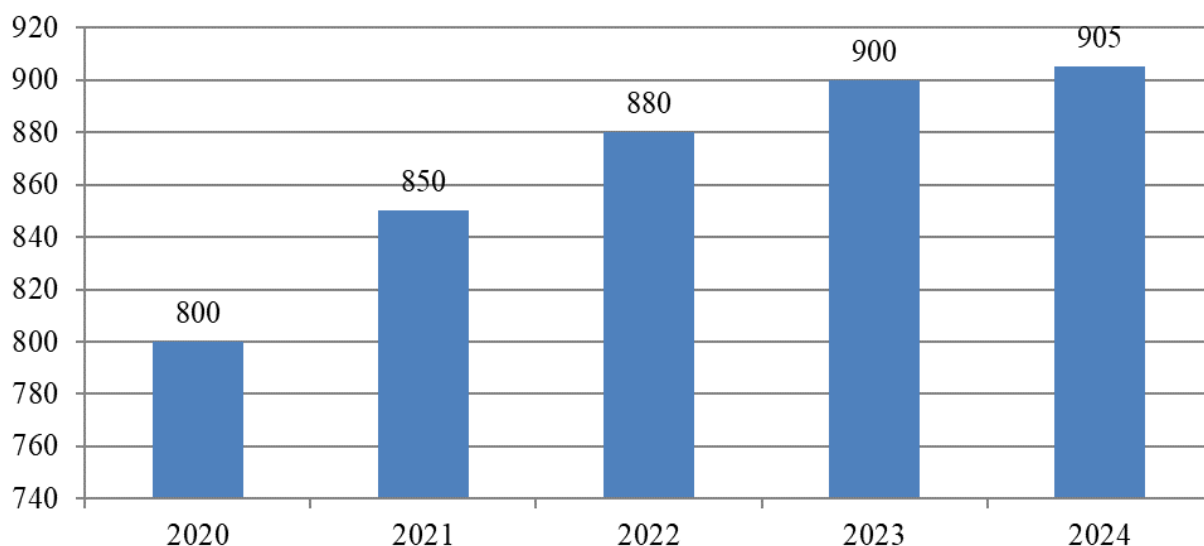

Рисунок 1 – Динамика рынка бытовой химии в Российской Федерации в 2020 – 2024 гг., млрд. руб.

Источник: составлено автором на основании данных [1]

На основании представленных данных можно сформулировать вывод о том, что, начиная с 2021 г., отмечается стабильное увеличение объема рынка с постепенным снижением скорости роста. После введения антироссийских санкций в 2022 г., произошли изменения в структуре производителей, часть ушедших компаний была заменена отечественными, тем не менее, на объемах реализации продукции это не сказалось. Рост обороты рынка частично связан и с высоким уровнем инфляции, которая также сказывается на стоимости товаров и финансовых результатах отрасли. В анализируемый период времени происходит увеличение производства бытовой химии в Российской Федерации. На рисунке 2 наглядно видно изменение данных показателей. Анализ данных о производстве бытовой химии в России за период с 2020 по 2024 год показывает, что отрасль демонстрирует относительно стабильное состояние с

небольшими колебаниями, но в целом с тенденцией к росту. Исходя из представленных данных видно, что в 2022 г. началось значительное сокращение производства бытовой химии до 3,25 млн. т., что связано с нарушением логистики и поставок сырья из-за введенных антироссийских санкций с дальнейшим планомерным ростом до 3,51 млн. т. в 2024 г. Данный рост отражает спрос потребителей на рынке бытовой химии.

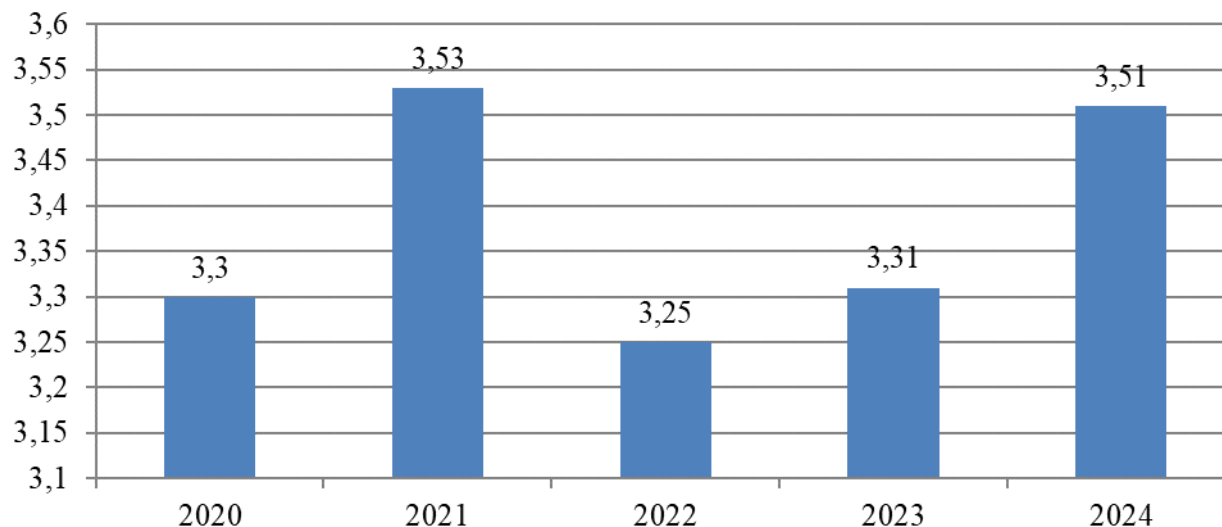

Рисунок 2 – Динамика производства бытовой химии в РФ в 2020 – 2024 гг.,
млн. тонн

Источник: составлено автором на основании данных [1, 3]

Исходя из представленных на рисунке 2 данных, можно сделать вывод, что российская индустрия бытовой химии демонстрирует способность к адаптации и постепенному росту, что создает благоприятные перспективы для ее дальнейшего развития и укрепления на внутреннем рынке. В целом, несмотря на временные колебания, производство бытовой химии в России сохраняет устойчивый потенциал роста.

На развитие рынка экологичной бытовой химии повлияли совокупность факторов:

- изменения в законодательстве и стандартах, новые экологические стандарты и требования к безопасности продукции стимулируют производителей к переходу на более чистые и безопасные формулы;
- уход иностранных компаний и импортозамещение связаны с тем, что сокращение присутствия западных брендов и дефицит импортных компонентов создали окно возможностей для отечественных производителей, которые оперативно адаптируют составы и налаживают новые поставки;

- рост осведомленности и изменение потребительских предпочтений. Активное информирование через СМИ, социальные сети и экологические движения повышает спрос на эко-продукты;

- технологические инновации, разработка новых биоразлагаемых компонентов, концентрированных формул и экологичной упаковки делает эко-продукцию более доступной и эффективной;

- экономические и социальные тренды, рост доходов населения, особенно в регионах, и увеличение готовности тратить на качественные и безопасные товары стимулируют развитие сегмента бытовой химии в виде эко-продукции [10].

Обобщая вышесказанное, развитие отрасли напрямую определяется сочетанием экономических, социальных, технологических и политических причин. Оценивая сегмент экопродукции, представленный на рынке бытовой химии в российской Федерации, следует отметить следование мировым тенденциям: количество марок стабильно растет, хотя официальная статистика и не выделяет отдельно показатели производства по данной группе товаров. По данным маркетинговых исследований [1] наблюдается устойчивый рост количества таких продуктов и брендов с ежегодным увеличением порядка 17–20%. Это связано с растущим спросом на экологичные товары, развитием отечественного производства и расширением ассортимента.

На основании анализа маркетинговых стратегий продвижения брендов [10], можно сформулировать вывод о том, что производители бытовой химии при реализации экологической линейки своих товаров используют следующие подходы, которые должны привлечь внимание потребителя:

- производители все активнее применяют перерабатываемую упаковку, часто из вторсырья, и внедряют системы скидок за возврат тары, что способствует уменьшению отходов и поддержанию циркулярной экономики;

- пандемия COVID-19 ускорила переход потребителей к онлайн-покупкам, к 2025 г. значительная часть продаж бытовой химии, включая экологичные товары, происходит через маркетплейсы и интернет-магазины, что расширяет доступность и ассортимент продукции;

- для выделения на рынке производители создают специализированные продукты – гипоаллергенные, биоразлагаемые, с несколькими функциями – и внедряют инновационные технологии, отвечающие требованиям устойчивого развития, тем самым расширяя присутствие на рынке бытовой химии без создания нового бренда;

- обязательного регулирования экомаркировки товаров, относящихся к сегменту бытовой химии, в Российской Федерации на 2025 г. нет, ключевую роль играют инициативы производителей, отраслевых организаций и добровольная сертификация,

что создает условия для гибкого развития рынка и стимулирует повышение качества продукции [10].

Исходя из представленных тенденций, можно сформулировать вывод о том, что рынок экологической продукции в сегменте бытовой химии в России развивается динамично, опираясь на растущий спрос осознанных потребителей и добровольные экологические стандарты. Производители активно внедряют безопасные ингредиенты и экологичную упаковку, расширяют ассортимент специализированных и инновационных продуктов, а также используют цифровые каналы продаж. Несмотря на отсутствие обязательного государственного регулирования, рынок движется в сторону устойчивого развития и повышения экологической ответственности, что создает благоприятные перспективы для дальнейшего роста и укрепления доверия потребителей.

Более активное потребление экологических продуктов в сегменте бытовой химии выстраивается на позиционировании в качестве премиального, на что указывается в работе [11]. Экопродукты воспринимаются не просто как товары, а как выражение социальной и экологической ответственности бренда, что создает у потребителей ощущение приобретения чего-то более ценного – продукта, который заботится о здоровье, безопасности и будущем планеты. Такая позиция усиливает имидж бренда и выделяет его среди конкурентов.

Исследования [2] показывают, что экологичная упаковка воспринимается как упаковка премиум-класса. Потребители связывают биоразлагаемые или перерабатываемые материалы с высоким качеством и эксклюзивностью товара. Более того, 43% потребителей готовы платить больше за нее, что снижает ценовой барьер и укрепляет статус премиального продукта. Так, например, кейс компании SYNERGETIC (российский бренд, специализирующийся на экологичных средствах для дома, включая бытовую химию, средства для ухода и детской гигиены) демонстрирует, что производители экологичной бытовой химии, ориентированные на натуральность, безопасность и минимизацию отходов, способны успешно конкурировать на современном рынке. Компания начала экологическое производство в 2013 году и сохраняет акцент на биоразлагаемых компонентах, отказе от пластика и просветительской работе с потребителями создаёт устойчивое конкурентное преимущество и отвечает актуальным трендам эко-потребления [11]. ООО «Белая Мануфактура» – российский производитель экологичной бытовой химии, косметики и средств гигиены, представленных под брендом Econe1. Линейка включает около 25 товарных позиций: средства для стирки, уборки пола, стен, сантехники, бытовой техники, удаления засоров, очистки стекол и зеркал, а также освежители воздуха. Все

продукты разработаны с учётом современных требований к экологичности и безопасности. Ecolife позиционируется как бренд, полностью соответствующий требованиям экологической безопасности и качества, что подтверждается экомаркировками и наградами, включая победу в номинации «Лучшее очищающее экосредство для дома» на Green Awards [11]. Данные компании занимают устойчивую позицию на рынке бытовой химии России, приведенные кейсы подтверждают эффективность стратегии реализации экологичной бытовой химии в качестве конкурентного преимущества при разработке маркетинговой стратегии бренда.

Современные потребители, особенно молодое и образованное поколение, все больше ориентируются на ценности устойчивого развития и готовы платить премию за товары, которые соответствуют их убеждениям, благодаря тому, что экологические продукты удовлетворяют потребность в «хорошем выборе», который приносит пользу не только им самим, но и обществу в целом. На это опираются бренды, позиционирующие себя как экологически ответственные. Они активно используют экологический маркетинг – открытость, сотрудничество с инфлюенсерами, образовательные программы и социальные инициативы, что формирует доверие и лояльность, которые характерны для премиальных продуктов, поскольку потребители ощущают сопричастность к важным экологическим изменениям.

Внедрение экологических принципов становится неотъемлемой частью маркетинговой стратегии, позволяющей компаниям выделяться на рынке и создавать конкурентные преимущества. Экологичность перестает быть лишь трендом и превращается в фактор устойчивого развития бизнеса и повышения его стоимости в глазах потребителей и инвесторов.

По прогнозам аналитического агентства ЮРБЕС [11], доля средств под знаком «Эко» на рынке моющих и чистящих средств в ближайшем будущем может вырасти с 6% до 20%, что отражает изменение потребительских предпочтений в сторону безопасности и экологичности.

Вывод. На основании проведенного исследования особенностей развития рынка экологической продукции в сегменте бытовой химии можно сформулировать вывод о том, что данное направление демонстрирует динамичное развитие, обусловленное растущим спросом на безопасные и устойчивые товары, изменением потребительских привычек и технологическими инновациями. Отсутствие жесткого государственного регулирования в Российской Федерации компенсируется активной добровольной сертификацией и экологическими инициативами производителей. Рост онлайн-продаж и специализация продуктов создают благоприятные условия для расширения рынка и повышения его конкурентоспособности. Для успешного развития в сегменте бытой

химии компаниям необходимо ориентироваться на экологические стандарты, внедрять инновационные решения, развивать каналы онлайн-продаж и активно взаимодействовать с потребителями, демонстрируя прозрачность и ответственность в вопросах экологии. Такой подход позволит не только удовлетворить растущие ожидания клиентов, но и укрепить позиции на рынке бытовой химии в условиях спроса на устойчивое развитие и экологические приоритеты.

Таким образом, рынок экологичной бытовой химии в России демонстрирует устойчивый рост, обусловленный сочетанием законодательных изменений, ухода зарубежных конкурентов, технологических инноваций и повышения экологической сознательности потребителей. Эти факторы формируют благоприятные условия для развития отечественных производителей, внедрения новых форматов продукции и расширения каналов продаж, особенно в онлайн-сегменте. В ближайшие годы ожидается дальнейшее усиление тренда на устойчивое потребление и экологичность в бытовой химии.

References

1. Анализ рынка бытовой химии в России - 2025. Показатели и прогнозы // TEBIZ GROUP: аналитическая компания [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tebiz.ru/mi/rynok-bytovoj-khimii-v-rossii> (дата обращения: 30.05.2025)
2. Бирюкова Т.В. Анализ потребительских предпочтений на рынке продуктов питания в РФ / Т.В. Бирюкова, Т.И. Ашмарина, Н.А. Ягудаева, Е.В. Энкина, А.Н. Лосев, Д.Л. Кушнарева // Известия ТСХА. – 2024. – №6. – С. 181 – 190.
3. Бытовая химия: рынок России [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Бытовая_химия_\(рынок_России\)?ysclid=mbbozm5ej1542520926](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Бытовая_химия_(рынок_России)?ysclid=mbbozm5ej1542520926) (дата обращения: 31.05.2025)
4. Влияние глобальных событий на оптовые продажи бытовой химии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mineral-opt.ru/blog/novosti/vliyanie-globalnykh-sobytiy-na-optovye-prodazhi-bytovoy-khimii/> (дата обращения: 30.05.2025)
5. За пять лет число российских производителей косметики выросло на 30% // Ведомости [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/10/10/1067734-chislo-rossiiskih-kosmetiki-viroslo> (дата обращения: 30.05.2025)
6. Мамлеева Я.В. Организационно-экономические инструменты развития экологического предпринимательства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2008. – 26 с.

7. Назаркова-Бабкина, Ю.Д. Экологически безопасная продукция: проблемы и перспективы / Ю.Д. Назаркова-Бабкина // Вестник науки. – 2021. – № 10(43). – С. 203–209.
8. Новые критерии экологичности для бытовой химии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://recyclemag.ru/article/novie-kriterii-ekologichnosti-bitovoi-himii> (дата обращения: 31.05.2025)
9. Соколова А.А. Рынок экологически чистых товаров и услуг через призму общего подхода экономической теории // Наука, образование и культура. – 2019. – № 3(37). – С. 31–35.
10. Тенденции в маркетинге на 2025 год: что необходимо учитывать производителям бытовой химии и товаров для личной гигиены [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ruhim.ru/article/marketing-v-2025-godu.htm> (дата обращения: 31.05.2025)
11. Химия под знаком «Эко». Стоит ли игра [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.urves.ru/blog-expert/khimiya-pod-znakom-eko-stoit-li-igra-svech/> (дата обращения: 31.05.2025)

UDC 339

Guo Jiyuan. Branding in international markets: strategies and approaches

Брендинг на международных рынках: стратегии и подходы

Guo Jiyuan

master's student,
Southern Federal University
Го Цзюань
магистрант,
Южный федеральный университет

Abstract. In today's globalised environment, branding in international markets has become particularly important. Companies seeking to successfully promote their goods and services face the need to take into account the cultural, economic and social characteristics of different regions. This makes the study of strategies and approaches to international branding an urgent task, which helps not only to understand the mechanisms of successful entry into new markets, but also contributes to the competitiveness of brands. The paper examines the evolution of branding strategies in international markets, tracing the shift from a standardised approach to one that integrates localisation and cultural resonance, highlighting the critical role of understanding cultural differences, consumer behaviour and market dynamics in achieving successful international brand development. The paper analyses key strategies such as market research, segmentation, targeting, positioning (STP), localised marketing and continuous adaptation, and highlights the challenges of maintaining brand identity in diverse cultural contexts. **The aim** of this study is to explore the transformation of branding strategies in international markets, focusing on the shift from standardisation to a balanced approach that incorporates localisation and cultural aspects. **Methods:** the study uses a literature review on the topic of international branding strategies, analysing approaches such as market research, STP, localised marketing and competitive analysis. **Research findings:** cultural differences create significant barriers, requiring brands to find a balance between standardisation (for uniformity) and customisation (for local relevance) in order to maintain their identity while meeting diverse preferences.

Keywords: branding, international market, cultural resonance, brand image.

Аннотация. В современных условиях глобализации брендинг на международных рынках приобрел особую значимость. Компании, стремящиеся к успешному продвижению своих товаров и услуг, сталкиваются с необходимостью учитывать культурные, экономические и социальные особенности различных регионов. Это делает исследование стратегий и подходов к международному брендингу актуальной задачей, которая помогает не только понять механизмы успешного выхода на новые рынки, но и способствует конкурентоспособности брендов. В статье рассматривается эволюция стратегий брендинга на международных рынках, прослеживается переход от стандартизированного подхода к подходу, который интегрирует локализацию и культурный резонанс, подчеркивается важнейшая роль понимания культурных различий, поведения потребителей и динамики рынка в достижении успешного развития международного бренда. В документе анализируются ключевые стратегии, такие как маркетинговые исследования, сегментация, таргетинг, позиционирование (STP), локализованный маркетинг и непрерывная адаптация, а также подчеркиваются проблемы сохранения идентичности бренда в разнообразных культурных контекстах. **Целью** данного исследования является изучение трансформации стратегий брендинга на международных рынках, с упором на переход от стандартизации к сбалансированному подходу, включающему локализацию и культурные аспекты. **Методы:** в исследовании используется обзор литературы по теме международных стратегий брендинга, проводится анализ таких подходов, как маркетинговые исследования, STP, локализованный маркетинг и конкурентный анализ. **Результаты исследования:** культурные различия создают значительные препятствия, требуя от брендов находить баланс между стандартизацией (для единообразия) и индивидуализацией (для соответствия местным условиям), чтобы сохранить свою идентичность и при этом соответствовать разнообразным предпочтениям.

Ключевые слова: брендинг, международный рынок, культурный резонанс, имидж бренда.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение. Эволюцию брендинга на международных рынках можно проследить до появления глобализации, которая существенно повлияла на то, как бренды работают за пределами национальных границ. По мере того, как рынки начали интегрироваться, бренды столкнулись с множеством проблем при выходе на новые страны. Этот переход подчеркнул важность культурных соображений в стратегиях брендинга, поскольку бренды больше не ограничивались внутренней аудиторией и должны были ориентироваться в сложностях разнообразного потребительского поведения и предпочтений [2]. Изначально бренды стремились поддерживать единообразную идентичность на различных рынках, придерживаясь принципов стандартизации. Считалось, что такой подход сократит затраты клиентов на поиск и воспринимаемые риски, предоставляя единый имидж бренда. Однако, по мере того, как бренды расширялись на международном уровне, они быстро столкнулись с необходимостью культурной адаптации. Непонимание культурных нюансов может привести к разрушительному недопониманию, которое, в свою очередь, может поставить под угрозу репутацию бренда и его присутствие на рынке [3]. Таким образом, исторический контекст брендинга на международных рынках иллюстрирует переход от чисто стандартизированного подхода к подходу, включающему локализацию и культурный резонанс как основные стратегии успеха бренда [6]. Такие бренды, как Coca-Cola, McDonald's и Disney, служат яркими примерами того, как эффективная культурная адаптация может способствовать принятию бренда на разнообразных рынках. Эти компании справились с трудностями кросс-культурного брендинга, адаптировав свои продукты к местным обычаям и ценностям, что демонстрирует решающий баланс между сохранением идентичности бренда и принятием культурного разнообразия.

Успешная международная стратегия брендинга подразумевает баланс между преимуществами стандартизации и необходимостью локализации. Стандартизация обеспечивает эффективность затрат и единообразное послание бренда, в то время как локализация обеспечивает, что маркетинговые усилия находят отклик у местных культур и предпочтений потребителей [4]. Чтобы создать конкурентное преимущество, компании должны тщательно оценивать культурные различия, правовые требования и поведение потребителей [9].

Методы и методология. В исследовании используется обзор литературы по теме международных стратегий брендинга. Оно опирается на существующие академические источники для синтеза знаний о культурной адаптации и динамике рынка. Кроме того, проводится анализ таких подходов, как маркетинговые исследования, STP, локализованный маркетинг и конкурентный анализ.

Эксперимент. Развитие бренда на международных рынках требует тонкого подхода, который уравнивает локальную релевантность с глобальной согласованностью. Следующие стратегии имеют решающее значение для эффективного создания и развития бренда в различных культурах.

1. Понимание потребностей клиентов и тенденций рынка

Успешное развитие бренда выходит за рамки простых изменений визуальной идентичности или запуска продуктов; оно требует глубокого понимания потребностей клиентов и динамики рынка. Бренды должны принять культуру непрерывного совершенствования, регулярно собирая отзывы клиентов и анализируя рыночные данные, чтобы информировать о постепенных улучшениях своих предложений [8]. Этот подход, основанный на данных, позволяет организациям оставаться актуальными и конкурентоспособными, согласовывая свои стратегии с меняющимися предпочтениями своей глобальной аудитории.

2. Проведение комплексного исследования рынка

Прежде чем выходить на новые рынки, бренды должны провести тщательное исследование рынка, чтобы понять уникальные культурные ценности, нормативно-правовые базы и конкурентные ландшафты своих целевых местоположений. Это фундаментальное исследование позволяет брендам локализовать свои предложения продуктов, способствуя более глубокой связи с местной аудиторией и в конечном итоге повышая лояльность к бренду [7]. Хотя сохранение единообразия бренда имеет жизненно важное значение, адаптация к местным потребностям не менее важна для успеха.

3. Сегментация, таргетинг и позиционирование (STP)

Универсальный подход неэффективен на международных рынках. Вместо этого бренды должны использовать модель STP — сегментацию, таргетинг и позиционирование — чтобы разбить рынок на управляемые сегменты на основе различных критериев, таких как демографические и психографические данные. Это позволяет брендам выбирать определенные сегменты, которые соответствуют их видению, и создавать уникальные ценностные предложения, которые находят отклик у этих аудиторий [8].

4. Локализованные маркетинговые стратегии

Локализация выходит за рамки простого перевода маркетинговых материалов; она включает в себя адаптацию продуктов к местной культуре и предпочтениям потребителей. Эта стратегия усиливает взаимодействие и способствует более прочной связи с местными клиентами. Однако управление многочисленными локализованными кампаниями может привести к увеличению затрат и сложностям, требуя от брендов нахождения баланса между сохранением основной идентичности и предложением локальной релевантности [5].

5. Создание ценностей и идентичности бренда

Основные ценности и индивидуальность бренда имеют основополагающее значение для создания эмоциональной связи с потребителями в разных культурах. Компании должны строго определять и последовательно сообщать эти ценности в своих маркетинговых инициативах. Этот процесс требует тщательного самоанализа и сотрудничества с заинтересованными сторонами для обеспечения подлинности опыта бренда. Перевод этих абстрактных ценностей в осязаемый опыт может оказаться сложной задачей, требующей внимания к культурным нюансам и менталитету потребителей [8].

6. Конкурентный анализ

Понимание конкурентной среды имеет решающее значение для развития бренда. Компании должны проводить глубокий анализ позиционирования и стратегий конкурентов, чтобы оценить их сильные и слабые стороны в локальном и глобальном контексте. Это может включать мониторинг рекламных кампаний и присутствия в социальных сетях, а также использование передовых инструментов аналитики данных для целостного представления динамики рынка [8].

7. Особое внимание к непрерывному обучению и адаптации

Эффективное развитие бренда — это непрерывный процесс, который включает в себя адаптацию к обратной связи рынка и меняющимся условиям. Компаниям следует развивать мышление обучения и инноваций, используя современные технологии, такие как ИИ и машинное обучение, чтобы ориентироваться в сложностях глобального брендинга. Этот проактивный подход не только повышает капитал бренда, но и позволяет компаниям быстро реагировать на новые тенденции и предпочтения потребителей [8].

Результаты. Культурные различия представляют собой одну из основных проблем в международном брендинге. Бренды, выходящие на новые рынки, должны тщательно контролировать баланс между стандартизацией и кастомизацией, гарантируя, что они сохраняют свою основную идентичность, адаптируясь к местным вкусам и предпочтениям.

Непонимание культурных нюансов может привести к нарушению межкультурной коммуникации, потенциально оттолкнув целевую аудиторию и нанеся ущерб репутации бренда. Например, определенные цвета, символы и фразы могут иметь разное значение в разных культурах, что требует глубокого понимания местных контекстов, чтобы избежать ошибок.

Потребительское поведение существенно различается в разных регионах, на него влияют такие факторы, как индивидуализм против коллективизма и различные модели потребления. Бренды должны адаптировать свои стратегии, чтобы резонировать с этими поведенческими различиями, чтобы способствовать вовлеченности и лояльности. Например, сообщения, апеллирующие к индивидуалистическим культурам, могут быть не столь эффективны в коллективистских обществах, где преобладают групповые призывы.

Культуры не статичны; они развиваются по мере изменения общественных норм. Идти в ногу с этими преобразованиями — это постоянная проблема для мировых брендов. То, что находит отклик у потребителей сегодня, может не иметь такого же влияния завтра, требуя от брендов адаптации своих стратегий и сообщений в режиме реального времени.

References

1. Alsan M. Why Brands are Investing in Cross-Cultural Marketing // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.weglot.com/blog/cross-cultural-marketing> (дата обращения: 25.05.2025)
2. Cross-Cultural Branding and Leadership // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://martinroll.com/resources/articles/branding/cross-cultural-branding-leadership/> (дата обращения: 25.05.2025)
3. Global Branding and Cultural Considerations // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.hyperwriteai.com/guides/global-branding-cultural-considerations-study-guide> (дата обращения: 25.05.2025)
4. Global branding: Key insights for international success // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.smartling.com/blog/international-brand-management> (дата обращения: 25.05.2025)
5. Global marketing: Strategies, benefits, and examples // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.gelato.com/blog/global-marketing> (дата обращения: 25.05.2025)
6. Grauss D. Achieving global brand consistency through localization // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.nativelocalization.com/achieving->

global-brand-consistency-through-localization/ (дата обращения: 25.05.2025)

7. Graver K. Building a Global Brand: Balancing Consistency and Adaptation // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://startgrowimprove.com/balancing-consistency-and-adaptation-in-international-markets/> (дата обращения: 25.05.2025)

8. Vaught V. A Step-by-Step Guide to Global Brand Development // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.smashbrand.com/articles/global-brand-development/> (дата обращения: 25.05.2025)

9. Williams B. Top 7 International Brand Strategy Techniques // [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://insight7.io/top-7-international-brand-strategy-techniques/> (дата обращения: 25.05.2025)

UDC 33

Oyungerel Delger, Munkhtuya Tseveenbayar, Tamir Oyunbileg. Transformational factors for E-commerce adoption

**Oyungerel Delger,
Munkhtuya Tseveenbayar,
Tamir Oyunbileg**

School of Management, Mongolian University of Science and Technology

Abstract. *This empirical study investigates the key factors influencing the adoption of e-commerce by businesses in Mongolia, with a specific focus on the challenges encountered during digital transformation. The research applies the widely used TOE (Technology–Organization–Environment) framework to analyse perceptions from business organisations. Findings reveal that the most influential factors contributing to successful e-commerce implementation are: the support and attitudes of decision-makers and senior managers; the organisation's internal resources related to e-commerce; and sector-specific challenges. Among the latter, logistics and delivery infrastructure, information technology capacity, consumer readiness, and payment systems emerged as the most pressing issues. Notably, the role of government support was perceived as negligible by surveyed enterprises. The findings contribute valuable insights for policymakers and business practitioners seeking to understand and address the enablers and barriers to e-commerce adoption in developing countries, offering theoretical and practical implications.*

Keywords: *business organisations; organisational factors; environmental factors; technological factors; e-commerce; TOE framework*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Introduction

The 21st century is characterised by the Fourth Industrial Revolution (4IR), which has brought forth a wave of advanced technologies transforming economic and social systems worldwide. As a result, the nature of business competition has shifted from traditional models toward digitally driven dynamics (Koe & Sakir, 2020). In this increasingly digital environment, enterprises are becoming more reliant on information technologies to maintain competitiveness and ensure sustainable growth (Mthembu, Kunene, & Mbhele, 2018).

E-commerce, a rapidly evolving field underpinned by information technology, has emerged as a strategic tool enabling businesses in developing countries to enhance GDP growth and compete more effectively on a global scale (Kabir, M, J, M, & R, 2020). The United Nations Conference on Trade and Development's (UNCTAD) initiative *eTrade for All* (2016) highlights the critical contribution of digital economies—especially e-commerce—to achieving Sustainable Development Goals (SDGs) such as SDG 5 (gender equality and women's empowerment), SDG 8 (inclusive and sustainable economic growth), SDG 9 (resilient

infrastructure, industrialisation, and innovation), and SDG 17 (global partnerships for sustainable development).

Koe and Sakir define e-commerce as the conduct of commercial transactions through digital platforms, particularly the internet. At the micro level, e-commerce enables businesses to expand operations, increase revenue, and access international markets. At the macro level, it serves as a catalyst for economic development—particularly for emerging economies. Therefore, the adoption of e-commerce is becoming an increasingly strategic priority for businesses seeking to remain competitive and resilient in a digitally driven global economy. (Koe & Sakir, 2020)

Research on e-commerce adoption in developing countries has examined a range of influencing factors. These include technological dimensions, e.g., electronic payment infrastructure (Kabir, M, J, M, & R, 2020), logistics networks (Ahmed & Hasan, 2016), organisational aspects, e.g., leadership support, managerial attitudes (Ahmed & Hasan, 2016), (Sila, 2019), (Lekmat, 2018), IT capabilities (Koe & Sakir, 2020), e-commerce competency (Alyoubi, 2015) and environmental conditions, e.g., government policies and initiatives (Rondovic, Djurickovic, & Kascelan, 2019), (Lekmat, 2018), competitive pressures (Kurnia, Choudrie, Mahbubur, & Alzagool, 2015), (Sila, 2019), consumer readiness (Alyoubi, 2015), consumer confidence in product quality (Chawla & Kumar, 2020), online payment tools (Agarwal, 2015), performance perspective (Lekmat, 2018), (Hendricks & Mwapwele, 2023). Numerous studies have analysed these factors using various theoretical frameworks such as the Technology Acceptance Model (TAM), Theory of Reasoned Action (TRA), and Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT). However, the Technology–Organization–Environment (TOE) framework has emerged as one of the most comprehensive and widely applied models in this field (Hendricks & Mwapwele, 2023).

As a developing country, Mongolia holds significant potential to harness e-commerce as a means to expand business operations, increase sales, access international markets, gain competitive advantage, and ultimately stimulate economic growth. However, scientific research on this topic within the Mongolian context remains scarce, with only a few exceptions. For instance, Oyungerel D., Munkhtuya Ts., Erdenetuya N., and Ganbat Ts. (Oyungerel.D, Munkhtuya.Ts, Erdenetuya.N, & Ganbat.Ts, 2019) conducted a study on the “Current State of E-commerce in Mongolia: Payment Systems and Delivery,” while Urandelger G., Burmaa S., and Avirmed D. (Urandelger.G, Burmaa.S, & Avirmed.D, 2021) examined consumer readiness for engaging in e-commerce.

To address this research gap, the present study investigates the organizational, technological, and environmental factors that affect e-commerce adoption by businesses in Mongolia, using the TOE framework. The study seeks to identify the challenges businesses

face during the transition to e-commerce and to assess the relative influence of various internal and external factors. The next section outlines the theoretical background underpinning the study, followed by the methodology and results of the empirical analysis.

Theoretical Background

Researchers have employed various theoretical frameworks—such as the Technology–Organization–Environment (TOE) model, the Technology Acceptance Model (TAM), the Theory of Reasoned Action (TRA), and the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT)—to explore the key determinants influencing the adoption of e-commerce by businesses. Among these, the TOE framework has been the most widely applied (Hendricks & Mwapwele, 2023). The TOE model was introduced by (Tornatzky, 1990) to examine the organizational adoption of technological innovations. The model identifies three dimensions that influence technology adoption within an organization: technological factors, organizational factors, and environmental factors.

Organizational factors typically include indicators such as organizational size, centralization and complexity of managerial structures, human resources, and the availability of slack resources. **Technological factors** refer to both internal technologies currently utilized by the organization and external technologies available in the market. **Environmental factors** encompass the broader ecosystem in which the organization operates, including industry-specific dynamics, competitive pressures, resource availability, and government interactions (Kevin Zhu, 2002).

The TOE framework has been employed to explain a wide range of information systems applications, including inter-organizational systems, online business operations, open systems, and enterprise systems. While the core dimensions of the TOE model remain consistent, prior studies have interpreted and applied specific indicators within these dimensions in diverse ways depending on the context of the research and the nature of the organization studied (Kevin Zhu, 2002). The following subsections review relevant literature by TOE dimension.

Organisational Factors: Organisational factors refer to internal characteristics that influence an enterprise's readiness and capacity to implement e-commerce. One such characteristic is organisational size, which often correlates with the ability to manage and allocate resources such as financial and human capital. Larger organisations typically have greater capacity to invest in and implement technological systems, including e-commerce platforms (Rita Rahayua, 2015).

Organisational conditions relate to the structure and internal processes of the enterprise, including coordination among employees, communication channels, and the availability of slack resources. Senior management plays a critical role in shaping these conditions—leaders

who embrace innovation and align it with strategic goals create an environment conducive to technological adoption. The behaviours and attitudes of senior leaders can significantly influence how innovation is perceived and supported within an organisation. This includes articulating the strategic importance of innovation, motivating lower-level staff, encouraging both formal and informal innovation efforts, highlighting successful innovation cases, and assembling capable implementation teams. Tornatzky notes that organisational conditions form the internal environment that either facilitates or constrains the adoption of technological innovations (Tornatzky, 1990). Numerous studies confirm that organisational structure serves as a strong predictor of technology adoption (Deelert, 2020). For example, (Micheni, 2015) identifies several key components of organizational context, including size, innovativeness, organizational culture, and top management support.

Technological Factors: The rapid development of internet technologies continues to offer significant benefits to enterprises engaged in e-commerce. Technological factors generally encompass the organisation's access to and ability to adopt relevant technologies, including perceived usefulness, compatibility, complexity, ease of use, control, security, and reliability.

Successful e-commerce adoption requires a well-developed technological infrastructure. Various elements—such as the complexity of the implementation process, organisational IT capacity, legislative compliance, and cybersecurity—are closely linked to the innovation process (Preethi, 2018). Technological factors include not only current technologies used by the organisation but also emerging external technologies not yet in use. Existing technologies within an organisation can limit the scope and speed of future innovation, making the assessment of technological readiness crucial (Collins, Hage, & M. Hull, 1988). Three types of innovations relevant to external technological environments are: incremental, synthetic, and disruptive innovations. Incremental innovations introduce new features or improvements to existing technologies and pose minimal risk or disruption to adopting firms. Examples include the transition from CRT monitors to LCD displays or the upgrade from one version of ERP software to another.

Researchers argue that the technological skills of employees represent more valuable intangible resources than physical assets. Skilled innovators can provide organisations with a competitive advantage. However, as digital communication technologies become increasingly complex, data security and privacy emerge as critical challenges. Security refers to the organisation's capacity to protect user data and transaction information during digital exchanges. In many cases, privacy concerns lead individuals to limit or avoid internet usage. Studies confirm that security concerns remain one of the most significant barriers to the adoption of e-commerce technologies (Hart O. Awa, 2016).

Environmental Factors: Environmental factors play a crucial role in determining whether and how an organisation adopts e-commerce technologies. These factors are largely external and are typically distinguished from internal technological and organisational elements.

Environmental conditions include the role and support of government, competitive pressure, and broader socio-economic and cultural dynamics related to e-commerce adoption. They also encompass the institutional and regulatory environment surrounding the enterprise.

Tornatzky defines the external environment as the inter-organisational context in which a business operates (Tornatzky, 1990). Numerous studies conceptualise this external context through variables such as competitive pressure, industry and market demands, and partner influence. Some scholars treat these variables separately, while others combine them under the umbrella term "external pressure". Innovation suppliers and support partners are often regarded as key stakeholders in the external environment. These partners provide critical external support, which refers to the availability of resources or assistance that facilitate the implementation and adoption of innovation (Truc Nguyen, 2017).

Empirical Study

Research Methodology and Measurement. This empirical study aims to identify the factors influencing the adoption of e-commerce in business operations, with a particular focus on the role of organisational leadership, managerial support, internal resources, technological assets, industry-specific challenges, and government support.

The target population for this research includes Mongolian enterprises that either exclusively engage in e-commerce or have already integrated e-commerce strategies into their operations. The TOE framework, as applied in empirical research, varies in its use of specific variables under each of the three main dimensions: technology, organisation, and environment. Therefore, this study draws upon prior scholarly work on e-commerce adoption through the TOE lens to identify relevant constructs.

We designed a structured questionnaire comprising 33 measurement items grouped under six major factors:

- Performance of e-commerce-implementing organizations
- Technological factors (one construct)
- Environmental factors (two constructs: government support and sector-specific challenges)
- Organizational factors (two constructs: managerial support for online business and internal organizational resources necessary for e-commerce implementation)

The questionnaire was developed using a 5-point Likert scale. Detailed factor definitions and their associated items are presented in Table 1.

Table 1

Key Measurement Factors According to the TOE Framework

Key Elements Defining E-commerce Transition	Factor Name	Associated Items
Technological factors	Technology	• Usefulness • Compatibility • Complexity • Ease of Use • Controllability • Security • Reliability
Organization factors	Managerial Support	• Policies and regulations • Change management models • Performance evaluation metrics
	Organisational Resources	• Staff knowledge and skills • Business resources • Technological resources • Information resources
Environmental factors	Government Support	• E-commerce standards • Tax incentives, Legal and regulatory frameworks, Transparency, Policy strategies, Security
	Industry-Specific Challenges	• ICT systems • Technological infrastructure • National financial and payment systems • Information infrastructure • Cultural factors • Public awareness and attitudes • Logistics and delivery systems • Public training and seminars
Performance of E-commerce-Adopting Organisations	Organisational Performance	• Organisational sustainability • Collaboration • Information transparency • Competitiveness • Financial performance
Sources: (Volkan Cosgun, 2012), (Tran, 2015), (Al-Qirim, 2005), (LE Van Huy, 2012), (Kevin Zhu, 2002), (Rita Rahayua, 2015), (Baker, 2011), (Hart O. Awa, 2016), (Truc Nguyen, 2017), (Deelert, 2020), (Aljowaidi, 2015), (Abed, 2020), (Preethi, 2018)), (Dey, 2020)		

Sample Composition and Data Collection. According to National Statistics, there were 301 enterprises in Mongolia that had either adopted or were actively engaged in e-commerce. For this study, a convenience sampling approach was applied, resulting in the participation of 98 e-commerce enterprises during 2022 and 2023. Respondents were senior decision-makers within their organisations. The collected data were analysed using SPSS version 22.0.

Descriptive Statistics. Table 2 summarises the descriptive statistics for the participating organisations. Of the 98 respondents, 46.9% represented small enterprises (fewer than 9 employees), 28.6% medium-sized (10–19 employees), and 24.5% large enterprises (over 50 employees). Regarding years of operation, 70.4% had been operating for less than 10 years, 18.4% for 10–19 years, and 11.2% for more than 20 years. Notably, 51.0% considered e-commerce their primary business activity, while 49.0% used e-commerce as a supplementary channel.

Table 2

Descriptive statistics

Enterprise Information		
Number of Employees	Frequency	Percentage /100%/
0-9	47	47.40%
10-19	11	11.10%
20-49	17	17.20%
50+	23	24.20%
Years in Operation	Frequency	Percentage /100%/
0-3	38	38.30%
4-8	28	28.20%
9+	32	33.30%
Platforms Used for E-commerce	Frequency	Percentage /100%/
Social media (Facebook)	85	86.70%
Website	62	63.30%
Social media (Instagram)	58	59.20%
Social media (Youtube)	26	26.50%
Call center	20	20.40%
Mobile app	17	18.40%
Physical Store	Frequency	Percentage /100%/
Yes	50	50.5%
No	47	48.5%
No response	1	1%

In response to an open-ended question aimed at identifying pressing challenges, 61 organisations provided feedback. Table 3 summarises their responses.

Table 3

Reported Challenges (Multiple Mentions)

Challenge	Frequency	% of Respondents
Consumers / Consumer readiness	22	36%
Delivery / Logistics	13	21%
Technological issues / Software	7	11%
Employee training	7	11%
Shortage of IT specialists	6	10%
Supply chain issues	5	8%
Customs and border clearance	5	8%
Payment system issues	4	7%
Legal and regulatory barriers	4	7%
Human resource shortage	4	7%
Taxation	3	5%
Infrastructure	2	3%
Building of E-commerce ecosystem	2	3%
Lack of resources	2	3%
Transport and logistics	2	3%
Government support	2	3%
Warehouse and warehouse management	2	3%
Inventory management	1	2%
Intellectual property	1	2%
Investment	1	2%
Financial software	1	2%
Product awareness	1	2%
Data security	1	2%
Marketing	1	2%
Branding and Differentiation	1	2%
Addressing and Delivery accuracy	1	2%

The most frequently cited (36%) challenge was consumer-related issues, including the need to educate consumers and enhance their digital literacy. This was followed by delivery and logistics problems (21%).

Validity and Reliability Analysis. To ensure methodological rigour, factor analysis was conducted to assess the construct validity and internal consistency of the measurement variables. Five main factors were identified, and the results are summarised in Table 4. Interestingly, the technological factor did not emerge as a distinct component in the factor analysis. Several potential reasons may explain this:

- Technological factors may have been subsumed under internal organizational aspects, such as resource availability, leadership support, or internal policies.

- The surveyed organizations might already be advanced adopters in their respective industries, having moved past the technological barriers—rendering technology less relevant as a differentiator.

Due to these considerations, the technological factor was excluded from subsequent analyses.

Table 4

Factor Analysis Results (Factor Loadings)

Factors	Component				
	1	2	3	4	5
Environmental factor: Government Support					
E-commerce standards	.890				
Tax incentives	.878				
Legal and Regulatory framework	.858				
Transparency	.834				
Policies and strategies	.828				
Security	.790				
Environmental factor: Industry-Specific Challenges					
ICT systems		.814			
Technological infrastructure		.769			
National financial and payment systems		.767			
Information infrastructure		.709			
Cultural and traditional influences		.690			
Public awareness and attitudes		.687			
Logistics and delivery systems		.659			
Public training and seminars		.649			
Organizational Performance					
Organisational sustainability			.866		
Organisational collaboration			.841		
Information transparency			.745		
Organisational competitiveness			.739		
Financial performance			.728		
Organizational factor: Resources					
Technological resources (e.g., hardware, software)				.827	
Information resources (e.g., databases, data quality and accessibility)				.813	
Staff knowledge and skills				.750	
Business resources (e.g., strategy, transparency, financial policy)				.724	
Organizational factor: Managerial Support					
Structured model for managing e-commerce change					.834
Clear roles and responsibilities through policies					.825
Performance evaluation metrics for e-commerce					.810

To confirm the consistency of the factor analysis, the Kaiser-Meyer-Olkin (KMO) and Bartlett's Test of Sphericity were performed. The results were favourable, as shown in Table 5.

Table 5

KMO and Bartlett's Test Results

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy.		.881
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	2315.472
	df	325
	Sig.	.000

Next, Cronbach's Alpha test was conducted to evaluate the internal reliability of each factor. The results, shown in Table 6, indicate high reliability across all five dimensions. Given these findings, the collected survey data were deemed suitable for further statistical analysis.

Table 6

Reliability Analysis (Cronbach's Alpha)

Factors	Cronbach alpha
Government Support	0.954
Sector-Specific Challenges	0.917
Organizational Performance	0.904
Organizational Resources	0.898
Managerial Support	0.927

Results of Multivariate Regression Analysis. To assess the influence of each factor on organisational performance, mean scores for the five constructs were computed. Among them, organisational resources received the highest mean score ($M = 3.78$), while government support received the lowest ($M = 1.45$). The second-lowest was sector-specific challenges ($M = 2.43$). This suggests that respondents evaluated internal factors—such as performance, resources, and managerial support—more favourably than external environmental factors. Detailed results are presented in Table 7.

Table 7

Mean Scores and Standard Deviations by Factor

	Mean	Std. Deviation	N
Organizational Performance	3.52	1.03401	98
Managerial Support and Attitude	3.14	1.44476	98
Organizational Resources	3.78	1.02378	98
Industry-Specific Challenges	2.43	1.13068	98
Government Support	1.45	1.20365	98

A correlation matrix was also created to evaluate the relationships between variables. As shown in Table 8, significant positive correlations were found among all five factors.

Table 8

Pearson Correlation Coefficients

		Org. Performance	Man.S support and Attitude	Org. Resources	Industry -spec. challenges	Gov. Support
Pearson Correlation	Organizational Performance	1	0.513	0.552	0.473	0.323
	Managerial Support	0.513	1	0.626	0.392	0.393
	Organizational Resources	0.552	0.626	1	0.414	0.336
	Industry-Specific Challenges	0.473	0.392	0.414	1	0.612
	Government Support	0.323	0.393	0.336	0.612	1
Sig. (1-tailed)	Organizational Performance	.	0	0	0	0.001
	Managerial Support	0	.	0	0	0
	Organizational Resources	0	0	.	0	0
	Industry-Specific Challenges	0	0	0	.	0
	Government Support	0.001	0	0	0	.

All correlations were significant at the 0.01 level (1-tailed).

Table 9

Multivariate Regression Results (Dependent Variable: Organizational Performance)

Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	1.263	.325		3.888	.000
Managerial Support and Attitude	.162	.076	.227	2.141	.035
Organizational Resources	.310	.106	.307	2.915	.004
Industry-Specific Challenges	.259	.096	.283	2.681	.009
Government Support	-.037	.089	-.043	-.417	.677

To further validate these findings, a multivariate analysis was conducted to assess the extent to which organisational resources, managerial support and attitude, industry-specific challenges, and government support influence the performance of e-commerce-implementing enterprises. As shown in Table 8, the results of the correlation analysis indicate strong interrelationships among these factors. Table 9 presents the results of the multivariate regression analysis, confirming that organisational resources and managerial support for e-commerce implementation—both of which are internal to the enterprise—have a significant and positive impact on performance. Although government support received the lowest average

rating, the analysis shows that it has no statistically significant effect on organisational performance. In contrast, industry-specific challenges were found to exert a strong influence on organisational performance, based on the assessments of the surveyed respondents.

Conclusion

Research Conclusions and Significance.

This study examined the key determinants of e-commerce adoption among Mongolian businesses using the Technology–Organization–Environment (TOE) framework and empirical data collected from 98 enterprises. The objective was to assess how internal organisational capacities, external environmental conditions, and technological readiness influence enterprise performance in the context of digital transformation.

While both government support and industry-specific challenges emerged as identifiable environmental dimensions, their perceived influence differed notably. Government support received the lowest rating from respondents and was found to have no statistically significant impact on organisational performance. This outcome suggests either a lack of awareness among business operators regarding available governmental initiatives or a substantive gap in government involvement in the e-commerce sector. It also implies that the current level of public-sector engagement may not be sufficient to serve as a lever for firm-level performance enhancement.

By contrast, industry-specific challenges—including limitations in technological infrastructure, national payment systems, public digital literacy, and delivery networks—were found to significantly constrain enterprise performance. This highlights the need for systemic improvements across the e-commerce ecosystem in Mongolia.

From an internal perspective, organisational resources and managerial support had a strong and positive correlation with organisational performance. These findings reaffirm that internal capacities—such as human resources, financial and IT assets, and leadership commitment—are fundamental to successful digital adoption.

In sum, the study confirms that the primary drivers of e-commerce performance in Mongolia are internal organisational conditions, while external environmental enablers remain underdeveloped. The results have strong practical relevance for business owners, policymakers, and development actors seeking to strengthen digital transformation and competitiveness in emerging markets.

Research Limitations and Future Directions

This study also revealed that Mongolian e-commerce firms are commonly constrained by industry-level issues such as consumer readiness, delivery logistics, payment system reliability, and ICT capacity. These systemic issues necessitate coordinated action among industry

stakeholders, even in a competitive market environment. The evidence supports the relevance of “coopetition” strategies—collaborative models among competitors aimed at overcoming shared challenges and accelerating industry-wide advancement.

Although government support was rated low and found statistically insignificant, the need for a more structured and transparent digital policy landscape remains clear. The findings suggest that while firms may currently succeed despite limited state support, public investment in infrastructure and regulation could substantially improve long-term digital outcomes.

Several limitations of this study present avenues for future research:

- The TOE framework, while robust, does not account for managerial characteristics such as strategic mindset, innovation orientation, or risk tolerance. Future studies could integrate behavioural or psychological variables to enrich understanding.
- The data is cross-sectional; longitudinal analysis could track shifts in e-commerce adoption patterns over time and in response to policy interventions.
- Comparative case studies between urban and rural enterprises, or between Mongolian and foreign e-commerce firms, could provide deeper insight into contextual differences.
- More granular focus on specific sub-sectors (e.g., food, apparel, services) could reveal industry-specific adoption dynamics.

Ultimately, e-commerce should not be seen merely as a technology upgrade, but as a strategic business transformation. As digital markets grow and globalise, Mongolian firms must be equipped with both internal readiness and external support mechanisms to fully leverage the benefits of e-commerce. This study serves as a foundational evidence base for designing future digital strategies, institutional policies, and business development programmes tailored to Mongolia’s evolving digital economy.

References

1. Abed, S. S. (2020). Social commerce adoption using TOE framework: An empirical investigation of Saudi Arabian SMEs. *International Journal of Information Management*.
2. Agarwal, J. &. (2015). Factors influencing growth potential of e-commerce in emerging economies: An institution-based N-OLI framework and research propositions. *Thunderbird International Business Review*, 197–215.
3. Ahmed, J. U., & Hasan, H. (2016). A Study on Identification of Key Barriers to E-Commerce in Syria. *World Journal of Business and Management*, 41.

4. Aljowaidi, M. A. (2015). A study of E-commerce Adoption Using the TOE Framework in Saudi Retailers: Firm Motivations, Implementation and Benefits. Melbourne Australia.
5. Al-Qirim, N. (2005). An Empirical Investigation of an e-commerce Adoption-Capability Model in Small Businesses in New Zealand. *Electronic markets*.
6. Alyoubi, A. A. (2015). E-commerce in Developing Countries and how to Develop them during the Introduction of Modern Systems. *Procedia Computer Science*, 479-483.
7. Baker, J. (2011). The Technology–Organization–Environment Framework. *Integrated Series in Information Systems*.
8. Chawla, N., & Kumar, B. (2020). E Commerce and Consumer Protection in India: The Emerging Trend. *Journal of Business Ethics*.
9. Collins, P. D., Hage, J., & M. Hull, F. (1988). Organizational and Technological Predictors of Change in Automaticity. *The Academy of Management Journal*, 512-543.
10. Deelert, J. (2020). THE INFLUENCE OF TECHNOLOGY-ORGANIZATION-ENVIRONMENT (TOE) FRAMEWORK ON FIRM PERFORMANCE WITH ERP CYCLE IMPLEMENTATION. THANYABURI.
11. Dey, P. (2020). Value relevance of integrated reporting: a study of the Bangladesh banking sector. *International Journal of Disclosure and Governance*, 1-13.
12. Hart O. Awa, O. U. (2016). Using T-O-E theoretical framework to study the adoption of ERP solution. *Cogent Business & Management*.
13. Hendricks, S., & Mwapwele, S. D. (2023). A systematic literature review on the factors influencing e-commerce adoption in developing countries. *Data and Information Management*.
14. Kabir, A., M, J., J, B., M, M., & R, H. (2020). The emergence of E-commerce sites and its contribution towards the economic growth of Bangladesh: A qualitative study. *Informatica Economica*, 40–53.
15. Kevin Zhu, K. L. (2002). A Cross-Country Study of Electronic Business Adoption Using the Technology-Organization-Environment Framework. *Twenty-Third International Conference on Information Systems*, (p. ICIS 2002 Best Paper: Conference Theme (93 accepted of 526 submitted papers)). Irvine, CA USA.
16. Koe, W.-L., & Sakir, N. A. (2020). The motivation to adopt E-commerce among Malaysian entrepreneurs. *Organizations and Markets in Emerging Economies*, 189–202.
17. Kurnia, S., Choudrie, J., Mahbubur, R. M., & Alzagool, B. (2015). E-commerce technology adoption: A Malaysian grocery SME retail sector study. *Journal of Business Research*.

18. LE Van Huy, F. R. (2012). An empirical Study of Determinants of E-commerce Adoption in SME's in Vietnam an Economy in Transition. *Journal of Global Information Management*.
19. Lekmat, L. (2018). Antecedents of e-commerce adoption in Thai SMEs. *UTCC International Journal of Business and Economi*.
20. Micheni, E. M. (2015). Using the technology organization environment framework for adoption and implementation of cloud computing in institutions of higher learning in Kenya. *International Journal of Engineering and Scienc*, 37–43.
21. Mthembu, P., Kunene, L., & Mbhele, T. (2018). Barriers to e-commerce adoption in African countries. A qualitative insight from Company Z. *Journal of Contemporary Management*, 265-304.
22. Oyungerel.D, Munkhtuya.Ts, Erdenetuya.N, & Ganbat.Ts. (2019). Current State of E-Commerce in Mongolia: Payment and Delivery. *Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн ЭМХЭТГЭЛ*.
23. Preethi, B. (2018). ADOPTION OF E-COMMERCE AND ITS IMPACT ON BUSINESS PERFORMANCE: AN ANALYTICAL STUDY OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN CHENNAI. CHENNAI.
24. Rita Rahayua, J. D. (2015). Determinant Factors of E-commerce Adoption by SMEs in Developing Country: Evidence from Indonesia. *World Conference on Technology, Innovation and Entrepreneurship*. Istanbul: Elsevier Ltd.
25. Rondovic, B., Djurickovic, T., & Kascelan, L. (2019). Drivers of E-Business Diffusion in Tourism: A Decision Tree Approach. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*.
26. Sila, I. (2019). Antecedents of electronic commerce in developing economies. *Journal of Global Information Management*, 66–92.
27. Tornatzky, L. G. (1990). *The Processes of Technological Innovation*. Lexington: Lexington Books.
28. Tran, Q. (2015). B2B E-Commerce Institutionalization in SME's in Less Developed Countries: A model and Instrument. *International Journal of E-Adoption*.
29. Truc Nguyen, T. E. (2017). Technology Adoption in Norway: Organizational Assimilation of Big Data. *NORWEGIAN SCHOOL OF ECONOMICS*.
30. Urandelger.G, Burmaa.S, & Avirmed.D. (2021). Consumer readiness to use e-commerce.
31. Volkan Cosgun, O. D. (2012). Critical Success Factors Affecting e-Commerce Activities of Small and Medium Enterprises. *Information Technology Journal*, 11:1664-1676.

UDC 332.021.8

Riga A.A. Dynamics and Efficiency of Land Resources Use in Special Economic Zones of the Russian Federation

Динамика и эффективность использования земельных ресурсов в особых экономических зонах Российской Федерации

Riga Andrey Antonovich,

Postgraduate student of the 2nd year of study
State University of Land Management
Russia, Moscow

Рига Андрей Антонович,
Аспирант 2-го курса обучения
Государственный университет по землеустройству
Россия, г. Москва

Abstract. This study investigates the scope and effectiveness of land resource utilization within special economic zones (SEZs) in Russia. Drawing on data from the Ministry of Economic Development for 2019–2023, the research compares territorial development indicators. The economic viability of SEZs is assessed by correlating land use with key economic metrics, such as resident investments and revenue from goods and services. The findings indicate that a substantial portion of SEZ land, particularly in tourist-recreational zones, remains undeveloped, highlighting the need for strategic initiatives to enhance land use efficiency. The article also examines new SEZs established in 2024, the success of the Alabuga SEZ, challenges in tourist-recreational zones, and international practices, including China's SEZ model. Recommendations are provided to improve preferential regimes and attract investments.

Keywords: special economic zones, land resources, investments, income, efficiency, benefits, tourist and recreational zones, international experience.

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению объемов и результативности использования земельных ресурсов в особых экономических зонах (ОЭЗ) России. На основе данных Министерства экономического развития за 2019–2023 годы проведен сравнительный анализ показателей территориального развития ОЭЗ. Экономическая обоснованность функционирования зон оценена через сопоставление объемов используемых земель с ключевыми экономическими параметрами, такими как инвестиции резидентов и доходы от реализации продукции и услуг. Исследование выявило, что значительная часть земель, особенно в туристско-рекреационных зонах, остается неосвоенной, что подчеркивает необходимость разработки стратегических решений для повышения эффективности землепользования. В статье также рассматриваются новые ОЭЗ, созданные в 2024 году, успешный опыт ОЭЗ «Алабуга», проблемы туристско-рекреационных зон и международные практики, включая опыт Китая. Предложены меры по совершенствованию льготных режимов и привлечению инвестиций.

Ключевые слова: особые экономические зоны, земельные ресурсы, инвестиции, доходы, эффективность, льготы, туристско-рекреационные зоны, международный опыт.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

Особые экономические зоны (ОЭЗ) представляют собой стратегический инструмент государственной политики, направленный на стимулирование экономического роста путем привлечения инвестиций, активизации товарооборота, обмена технологиями и укрепления интеграционных процессов. Эти зоны служат центрами экономического развития, оказывая положительное воздействие на регионы их расположения и национальную экономику в целом [1]. Согласно Конституции Российской Федерации, земельные ресурсы являются национальным достоянием, обеспечивающим основу жизнедеятельности населения и выступающим ключевым производственным активом в различных отраслях. При грамотном подходе земельные ресурсы могут стать материальным активом, способствующим экономическому развитию через механизмы аренды, залога и страхования. В контексте ОЭЗ земельные участки формируют фундамент для создания инфраструктуры, а их эффективное использование существенно влияет на достижение целей зон [2, с. 60].

ОЭЗ — это специально выделенные территории, предоставляющие льготные условия для бизнеса, включая налоговые послабления, упрощенные регуляторные процедуры и развитую инфраструктуру, что привлекает как отечественных, так и иностранных инвесторов. В России ОЭЗ классифицируются по специализации: промышленно-производственные (ППТ), технико-внедренческие (ТВТ), туристско-рекреационные (ТРТ) и портовые (ПОЭЗ). Каждая категория ориентирована на развитие определенных секторов экономики, от промышленности до туризма.

В 2024 году сеть ОЭЗ в России продолжила расширяться с созданием трех новых зон: «Система» в Республике Мордовия, «Ростовская» в Ростовской области и «Эммаусс» в Тверской области. Кроме того, были расширены существующие зоны в Калужской и Липецкой областях, что подчеркивает актуальность анализа эффективности использования земельных ресурсов в этих территориях. Расширение сети ОЭЗ отражает стремление государства к диверсификации экономики и укреплению регионального развития.

Методология

Исследование базируется на анализе данных об использовании земельных ресурсов в ОЭЗ России за период 2019–2023 годов, полученных из ежегодных отчетов Министерства экономического развития. Проведено сопоставление таких показателей, как общая площадь ОЭЗ, их количество, полезная площадь, доступная для аренды, и земли, переданные в аренду или собственность резидентам. Данные анализировались отдельно для каждого типа ОЭЗ: промышленно-производственных, технико-внедренческих, туристско-рекреационных и портовых. Экономическая эффективность

оценивалась путем соотнесения земельных показателей с инвестициями резидентов и доходами от реализации продукции и услуг.

Дополнительно изучены новые ОЭЗ, созданные в 2024 году, успешные примеры, такие как ОЭЗ «Алабуга», проблемы туристско-рекреационных зон и международный опыт, в частности модель ОЭЗ Китая. Выбор данных за 2019–2023 годы обусловлен их доступностью и репрезентативностью, позволяющей выявить долгосрочные тенденции. Предложения по улучшению землепользования основаны на анализе выявленных закономерностей и лучших мировых практик.

Результаты

По данным Министерства экономического развития, общая площадь ОЭЗ увеличилась с 62,2 тыс. га в 2019 году до 87,1 тыс. га в 2023 году, а доля полезной площади, предназначенной для аренды, выросла с 16,0% до 23,4% [3]. Эти данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика площади в границах особых экономических зон на территории Российской Федерации, 2019–2023 гг.

Годы	Общая площадь ОЭЗ, (Робщ) га	Количество ОЭЗ, ед.	Полезная площадь для аренды, (Рпол) га	Полезная площадь, %	Суммарная площадь аренде/собственности, (Рисп) га	Суммарная площадь, %
2019	62207,8	26	9941,5	16,0	3670,6	32,7
2020	75694,0	33	11225,1	14,8	4748,0	34,0
2021	79853,4	38	13964,8	17,5	5522,4	34,4
2022	82449,9	44	16053,4	19,5	7040,4	34,6
2023	87134,0	44	20348,0	23,4	8139,2	40,0

Таблица 1 демонстрирует значительный рост общей площади ОЭЗ (на 40%) и почти двукратное увеличение их количества (с 26 до 44). Однако доля полезной площади для аренды, несмотря на рост в абсолютных значениях, остается относительно низкой, что указывает на значительный объем неиспользуемых земель. Ключевым показателем эффективности является доля земель, переданных в аренду или собственность, которая увеличилась с 32,7% до 40% за пять лет.

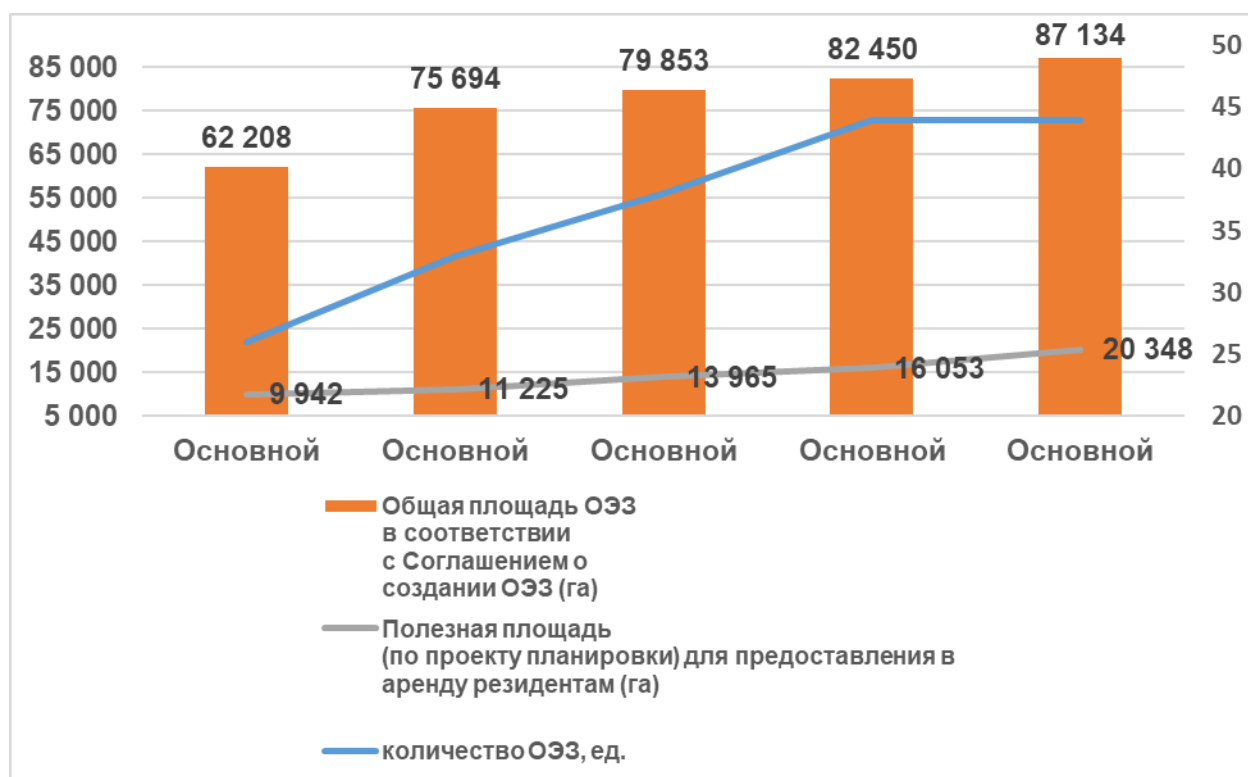

Рисунок 1. Соотношение площади и количества ОЭЗ в Российской Федерации, 2019–2023 гг.

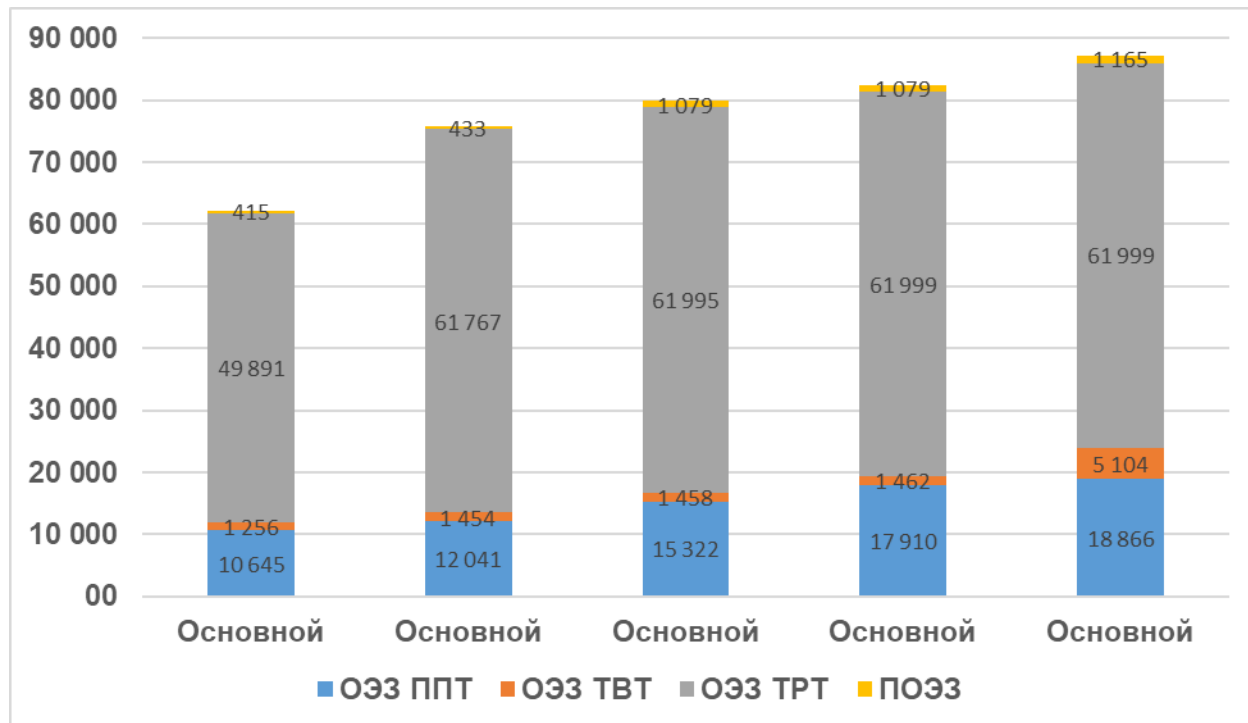

Рисунок 2. Динамика площади различных видов ОЭЗ, 2019–2023 гг

Проанализировав рисунок 2, можно провести следующие наблюдения:

Тенденции:

ОЭЗ ТРТ доминируют по площади (71,1% в 2023 г.), но их полезная площадь минимальна (7,2%). Рост общей площади на 24% (2019–2023) не сопровождается пропорциональным увеличением используемых земель.

ОЭЗ ППТ демонстрируют стабильный рост полезной площади (с 60,9% до 65,6%), что коррелирует с высокими экономическими показателями (24,8 млн руб. инвестиций/га).

ПОЭЗ показывают высокую эффективность (60,2% полезной площади), но малую долю в общей структуре (1,3%).

Выводы:

Низкая эффективность ОЭЗ ТРТ связана с отсутствием инфраструктуры и сложностями управления обширными территориями.

Промышленные зоны (ППТ, ТВТ) подтверждают, что концентрация на узкоспециализированных секторах повышает отдачу на единицу площади.

Таблица 2

Динамика площади в границах ОЭЗ, 2019–2023 гг.

Наименование ОЭЗ	2019 Робщ, га	2019 Рпол, га	2019 Рпол, %	2019 Рисп, га	2019 Рисп, %	2023 Робщ, га	2023 Рпол, га	2023 Рпол, %	2023 Рисп, га	2023 Рисп, %
ОЭЗ ППТ	10645,3	6480,9	60,9	2721,1	36,4	18866,0	12374,0	65,6	4949,6	40,0
ОЭЗ ТВТ	1256,3	665,2	52,9	561,5	65,0	5104,0	2816,0	55,2	2722,0	42,0
ОЭЗ ТРТ	49891,2	2518,4	5,0	476,1	18,3	61999,0	4456,0	7,2	1693,3	38,0
ПОЭЗ	415,0	277,0	66,7	140,4	49,4	1165,0	701,0	60,2	1334,8	53,0
Всего	62207,8	9941,5	16,0	3670,6	32,7	87134,0	20348,0	23,4	8139,2	40,0

Таблица 2 показывает, что ОЭЗ ТРТ занимают наибольшую долю площади, но имеют минимальные показатели полезной и используемой площади. В то же время портовые (ПОЭЗ) и промышленно-производственные зоны (ППТ) демонстрируют более высокую эффективность землепользования. Низкая активность в ОЭЗ ТРТ обусловлена отсутствием инженерной инфраструктуры, нерешенными земельно-имущественными вопросами и сложностями управления обширными территориями. Промышленно-производственные зоны, напротив, показывают устойчивый рост, с полезной площадью 65,6% и используемой — 40% в 2023 году.

Таблица 3

Сопоставление площади ОЭЗ с инвестициями и выручкой, 2019–2023 гг.

Годы	Робщ, га	Кол-во ОЭЗ	Инвестиции, млн руб. (In)	In на 1 га, млн руб.	Выручка, млн руб. (Vn)	Vn на 1 га, млн руб.
2019	62207,8	26	77965,2	1,3	237929,8	3,8
2020	75694,0	33	87522,0	1,2	288325,9	3,8
2021	79853,4	38	150358,3	1,9	438821,0	5,5
2022	82449,9	44	194376,6	2,4	597575,3	7,2
2023	87134,0	44	665371,0	7,6	763754,0	8,8

Таблица 4

Экономические показатели различных видов ОЭЗ

Наименование ОЭЗ	2019 In, млн руб.	2019 In/га	2019 Vn, млн руб.	2019 Vn/га	2023 In, млн руб.	2023 In/га	2023 Vn, млн руб.	2023 Vn/га
ОЭЗ ППТ	33153	3,1	141020	13,2	467394	24,8	376382	20,0
ОЭЗ ТВТ	43167	34,4	95819	76,3	174605	34,2	435333	85,3
ОЭЗ ТРТ	730,3	0,01	621,6	0,01	16214	0,26	1539	0,02
ПОЭЗ	914,9	2,2	469,2	1,1	7158	6,1	7691	6,6
Всего	77965	1,3	237930	3,8	665371	7,6	763754	8,8

Таблицы 3 и 4 отражают экономическую эффективность ОЭЗ. Таблица 3 показывает рост инвестиций и выручки: инвестиции на гектар увеличились с 1,3 млн руб. в 2019 году до 7,6 млн руб. в 2023 году, а выручка — с 3,8 млн руб. до 8,8 млн руб. Это свидетельствует о повышении экономической отдачи на единицу площади, несмотря на неполное использование земель. Таблица 4 подчеркивает различия между типами ОЭЗ: технико-внедренческие зоны (ТВТ) демонстрируют наивысшие показатели инвестиций и выручки на гектар, за ними следуют промышленно-производственные зоны (ППТ), тогда как туристско-рекреационные зоны значительно отстают.

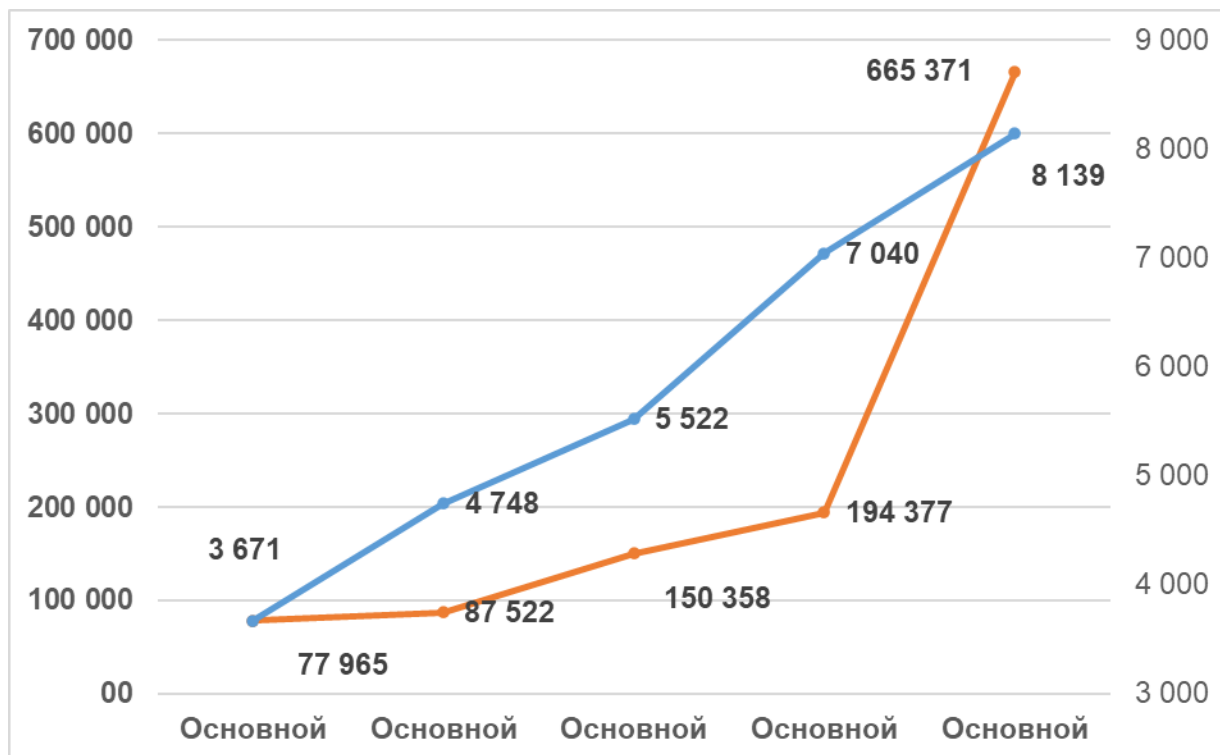

Рисунок 3. Графики инвестиций резидентов I_n и полезной площади ОЭЗ $P_{пол}$

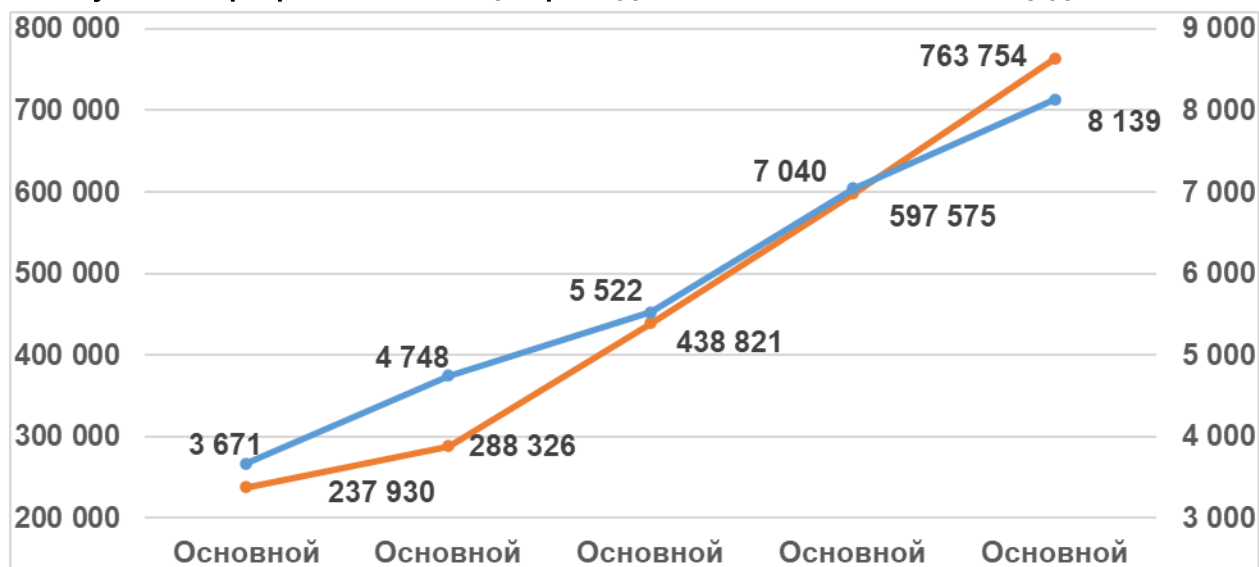

Рисунок 4. Графики выручки V_n и полезной площади ОЭЗ $P_{пол}$

Новые ОЭЗ в 2024 году

В 2024 году Правительство Российской Федерации продолжило расширение сети ОЭЗ, создав три новые зоны: «Система» в Мордовии, ориентированную на производство строительных материалов и электроники; «Ростовская» в Ростовской

области, специализирующуюся на оборудовании для прицепов и холодильной техники; и «Эммаусс» в Тверской области, сосредоточенную на производстве полиэтиленовых труб и металлообработке. Эти зоны, согласно постановлениям правительства, привлекут инвестиции в размере более 58,9 млрд рублей и создадут около 10 тыс. рабочих мест [4]. Кроме того, были расширены ОЭЗ в Калужской области (фармацевтическое производство) и Липецкой области (сельскохозяйственное машиностроение). Создание новых ОЭЗ отражает стремление государства к диверсификации экономики. Например, ОЭЗ «Система» поддерживает развитие строительной и электронной промышленности, которые являются ключевыми для инфраструктурных проектов. ОЭЗ «Ростовская» способствует укреплению логистического и пищевого секторов, а ОЭЗ «Эммаусс» ориентирована на строительство и производство, что подчеркивает стратегический акцент на региональное развитие.

Также современные вызовы, такие как санкционное давление и глобальные экономические кризисы, усилили необходимость адаптации ОЭЗ к новым реалиям. В 2024 году в России запущены пилотные проекты по внедрению «цифровых ОЭЗ», где резиденты получают доступ к облачным сервисам, AI-платформам и блокчейн-решениям для оптимизации логистики и управления ресурсами. Например, ОЭЗ «Иннополис» в Татарстане фокусируется на IT-стартапах, предлагая налоговые каникулы для компаний, разрабатывающих нейросети и робототехнику [5]. Кроме того, усиливается экологическая составляющая: в промышленных зонах внедряются «зеленые» стандарты, такие как использование ВИЭ и рециклинг отходов (например, ОЭЗ «Титановая долина» в Свердловской области).

Пример успешной ОЭЗ: «Алабуга»

ОЭЗ «Алабуга» в Республике Татарстан является образцом успешной промышленно-производственной зоны. Основанная в 2005 году, она занимает 3903,5 га и привлекла более 166 млрд рублей инвестиций к 2023 году, создав свыше 16 тыс. рабочих мест. Выручка резидентов в 2023 году превысила 151 млрд рублей. Зона неоднократно признавалась лучшей в Европе по версии Financial Times в 2015–2020 годах в категориях трансграничного сотрудничества, академического партнерства и развития навыков [6].

Успех «Алабуги» обусловлен несколькими факторами: стратегическим расположением вблизи крупных транспортных магистралей, развитой инфраструктурой (350 МВт электроэнергии, железнодорожные пути, автодороги) и налоговыми льготами (0% на имущество, землю и транспорт). Среди резидентов — компании Ford, Rockwool и Hayat, производящие продукцию для импортозамещения. Кроме того, зона активно

сотрудничает с образовательными учреждениями для подготовки квалифицированных кадров, что делает её привлекательной для высокотехнологичных отраслей.

Проблемы туристско-рекреационных ОЭЗ

Как зоны с наиболее обширными территориями туристско-рекреационные ОЭЗ сталкиваются с рядом препятствий, ограничивающих их развитие. Основные проблемы включают недостаточную прозрачность при выборе резидентов, несогласованность нормативных актов и отсутствие развитой инфраструктуры [7]. Например, ОЭЗ «Бирюзовая Катунь» в Алтайском крае, созданная в 2007 году, демонстрирует низкую эффективность: в 2022 году выручка составила 50,4 млн рублей, а убытки сократились до 2 млн рублей благодаря росту туристического потока, вызванного ограничениями на зарубежные поездки [8].

Отсутствие прозрачности в выборе резидентов может приводить к привлечению инвесторов, не способных эффективно развивать территории. Несогласованность нормативной базы создает неопределенность, отпугивающую потенциальных инвесторов. Недостаток инфраструктуры, включая дороги, коммунальные сети и туристические объекты, затрудняет привлечение посетителей и бизнеса. Решение этих проблем требует усиления государственно-частного партнерства и увеличения инвестиций в инфраструктуру [9].

Международный опыт: ОЭЗ Китая

Китайские ОЭЗ служат примером эффективного использования земельных ресурсов. Исследования показывают, что компании в этих зонах достигают высокой производительности на единицу площади благодаря эффектам отбора, накопления ресурсов и агломерации [10]. Иностранные инвестиции способствуют повышению эффективности через трансфер технологий. Китай столкнулся с проблемой «лихорадки зон», но решил её путем реструктуризации неэффективных зон. Россия может перенять этот опыт, сосредоточившись на привлечении иностранных инвестиций и развитии инноваций в ОЭЗ.

Китайские ОЭЗ сыграли ключевую роль в экономическом росте страны, привлекая значительные объемы прямых иностранных инвестиций, которые обеспечили приток капитала, технологий и управленческого опыта. Эффект агломерации способствовал концентрации отраслей, стимулируя инновации и эффективность за счет обмена знаниями и экономии на масштабе.

Обсуждение

Эффективное использование земель в ОЭЗ является важным фактором их успеха наряду с географическим положением, финансированием инфраструктуры и налоговыми льготами. В 2023 году лишь 23,4% общей площади ОЭЗ были полезными, а

около 60% земель оставались неиспользованными. Туристско-рекреационные зоны требуют особого внимания из-за их низкой эффективности [11].

Недостаточное использование земель в ОЭЗ, особенно в туристско-рекреационных зонах, может быть связано с несоответствием целей зон и реальных возможностей инвесторов. Важно согласовывать типы ОЭЗ с региональными преимуществами и рыночными потребностями. Например, регионы с природными достопримечательностями могут быть успешными для туристско-рекреационного развития при наличии инфраструктуры и маркетинговых усилий. Международный опыт, такой как модель Китая, подчеркивает значимость агломерации и иностранных инвестиций для повышения производительности.

Заключение

Для повышения эффективности ОЭЗ необходимо сосредоточиться на оптимизации использования существующих территорий, а не на создании новых зон. Рекомендуется совершенствовать льготные режимы землепользования, развивать инфраструктуру, особенно в туристско-рекреационных зонах, и использовать земельные активы для привлечения инвестиций. Пример ОЭЗ «Алабуга» демонстрирует, что комплексный подход, включающий инфраструктуру, льготы и стратегическое планирование, может значительно увеличить экономическую отдачу. Перенос опыта Китая, включая привлечение иностранных инвестиций и реструктуризацию неэффективных зон, может способствовать дальнейшему развитию ОЭЗ в России.

Гибкие политики землепользования, позволяющие адаптировать или переклассифицировать земли в зависимости от спроса, могут повысить их эффективность. Развитие инфраструктуры в менее активных зонах, таких как туристско-рекреационные, способно раскрыть их потенциал. Использование земельных активов через механизмы земельных банков или государственно-частного партнерства может привлечь дополнительные инвестиции.

References

1. Таривердиев А.С. Особые экономические зоны в России: современное развитие и перспективы // Труды МАИ. 2023. № 49. URL: <https://mai.ru/upload/iblock/fc7/spetsialnye-ekonomicheskie-zony-v-rocsii-na-sovremennom-etape-razvitiya-i-ikh-perspektivy.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Умеренко Ю.А. Правовое регулирование управления земельными участками в ОЭЗ // Современное право. 2012. № 6. С. 58–66.
3. Отчеты о функционировании ОЭЗ. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации.

URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchety_o_deyatelnosti_oez/ (дата обращения: 25.05.2025).

4. Постановление Правительства РФ от 07.03.2024 № 123 «О создании особых экономических зон». URL: <http://government.ru/docs/51069/> (дата обращения: 25.05.2025).

5. Официальный сайт ОЭЗ «Иннополис». URL: <https://sez-innopolis.ru> (дата обращения: 25.05.2025).

6. ОЭЗ «Алабуга»: официальные показатели. URL: <https://alabuga.ru/ru/information/> (дата обращения: 25.05.2025).

7. Чухломин Н.В. Особые экономические зоны: проблемы и перспективы развития туристско-рекреационных ОЭЗ // Российское предпринимательство. 2009. № 8. С. 45–52.

8. Финансовые показатели ОЭЗ «Бирюзовая Катунь» за 2022 год. URL: <https://www.altai-kurort.ru/oez-biruzovaya-katun/finansovaya-otchetnost/> (дата обращения: 25.05.2025).

9. Коновалова, О. Н. ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ / О. Н. Коновалова, Е. Е. Повагина. – Текст: непосредственный // Инновационная экономика и общество. – 2024. – №4(46). – С. 58-67

10. Gao X. Special Economic Zones and Sustainable Development: Lessons from China // Journal of Urban Economics. 2023. Vol. 102. P. 112–125.

11. Басенко, А.М., Григорян, Э.М. Особые экономические зоны: современные вызовы и стратегии развития // Российская экономика: региональный аспект. – 2021. – № 3. – С. 102–115. Монографический подход к анализу проблем и возможностей развития ОЭЗ в РФ, включая вопросы землепользования и привлечения инвестиций.

UDC 33

Uranbaigal T., Narantsetseg L. Some Research Results on the Competitiveness of Manufacturing Enterprises

Uranbaigal T.

Graduate School of Business Mongolian University of Science and Technology

Narantsetseg L.

Graduate School of Business Mongolian University of Science and Technology

Abstract. *Competitiveness refers to the ability of a company to survive and thrive in the market. The product “Soyolon” LLC’s operational capability is evaluated based on 10 factors: customer satisfaction, technological development, and supply chain. The company’s work is considered fully feasible to improve the company’s work.*

Keywords: *Competitiveness, technological innovation, customer satisfaction, supply chain.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

INTRODUCTION

The purpose of this study is to assess the competitiveness of organizations operating in the manufacturing sector and to study the possibilities of improving competitiveness by identifying the internal factors that constitute it.

The study included the main factors that affect the competitiveness of the organization, such as production productivity, cost management, product quality, technological innovation, customer satisfaction, and supply chain efficiency. Data collection was based on questionnaires and internal information of the organization, and statistical analysis was performed using the SPSS program. The results show that factors such as technological progress, customer satisfaction, and supply chain are at a weak level, which have a negative impact on competitiveness.

Therefore, it is recommended that the management of the organization implement policies and measures to ensure the organization’s market share and sustainable development by rationally managing the main factors that constitute competitiveness and making improvements with a strategic approach.

THEORETICAL OVERVIEW RESEARCH

The specific indicators of industrial competitiveness are used to determine and evaluate how well a company maintains and improves its competitiveness in its industry and market. These indicators are determined by taking into account many factors, such as the company’s strategy, operations, resource utilization, innovation, and external environmental influences.

The main indicators used to measure competitiveness include the following:

10. Productivity

- Capacity Utilization: Measures the percentage of the potential capacity of the company's equipment that is being used.
- High utilization indicates that the operation is being carried out more efficiently.
- Product Output: The number, volume, and quality of products produced each day, month, or year. It can be measured in terms of time or resources spent per unit of product. (Porter, M. E, 1985)

2. Cost Management

- Cost Management: Measures how effectively the total costs (materials, labor, equipment, distribution, etc.) spent on producing a company's products are managed.
- Cost per Unit: The total cost of producing a unit of product. Competitiveness is about controlling and reducing this cost. (Horngren, C. T., Datar, S. M., & Rajan, M. V, 2015)

3. Quality

- Product quality level: It shows the quality characteristics that distinguish it from its competitors. Quality measurement is determined by indicators such as production defect rates, customer satisfaction, returns, and product performance.
- ISO certification: One way to assess the level of quality of a factory is to obtain international quality certification (ISO). (Juran, J. M., & Godfrey, A. B, 1999)

4. Innovation and Technology Development (Innovation and Technology Development)

- New product development time: Measuring the time it takes a factory to produce a new product is an important indicator of competitiveness. It determines the ability to respond quickly to the market.
- Technological innovation: The level of use of new technologies in the industry, innovation processes such as automation and digital transformation, improve competitiveness. (Schumpeter, J. A. 1934).

5. Supply Chain Efficiency

- Supply chain costs: Costs of raw materials, distribution of products, warehousing, etc. A highly efficient supply chain improves competitiveness.
- Supply chain speed: The speed at which a company can deliver its products to the market is one of the indicators that determine its competitiveness. (Chopra, S., & Meindl, P, 2016).

6. Brand Recognition

- Brand Value: How consumers perceive and value a product or service is an important indicator of competitiveness. Customer satisfaction and brand loyalty are clear indicators of this. (Kotler, P., & Keller, K. L, 2016).

7. Customer Satisfaction.

- Customer Feedback and Ratings: The quality of a product, its level of service, and its ability to meet market needs can be measured through customer feedback, ratings, and surveys.
- Return Rate: The percentage of customers who return a product. A low rate indicates good product quality and customer satisfaction. (Kotler, P., & Keller, K. L, 2016).

8. Market Position

- Market Share: A measure of the percentage of the market that a company's products occupy. A high market position indicates a competitive advantage.
- Competitor Comparison: Compare the company's competitive position with its competitors and the areas in which it competes. (Grant, R. M, 2016).

9. Social Responsibility and Sustainability

- Sustainability performance: A company's environmental performance and how it implements its sustainable development activities can be an indicator of its competitiveness.
- Social Responsibility Activities: Sustainable products and activities for the good of society create a positive impression on consumers and increase brand value. (Elkington, J, 1997).

10. Financial Performance

- Revenue and Profitability: A company's revenue and profitability are important indicators of its competitiveness. Financial stability and profitable growth are indicators of its competitiveness.
- Debt Burden: The financial position and level of debt of an organization are also related to its competitiveness. Reducing the amount of debt reduces risk and allows for sustainable development. (Brigham, E. F., & Ehrhardt, M. C, 2013).

RESEARCH SECTION

“Soyolon International” LLC is a nationally invested company established in Mongolia in 2012 and operates in the fields of mining engineering, technical services, production, plant installation, operation, and supply. The company is a group company and operates at the Salkhit silver deposit located in Gurvansaikhan soum, Dundgovi aimag.

Figure 1. “Soyolon International” LLC factory site

According to the theoretical basis methodology, the competitiveness study of the enterprise was conducted using the following indicators. These are:

1. Productivity
2. Cost Management
3. Quality
4. Innovation and Technology Development
5. Supply Chain Efficiency
6. Brand Recognition
7. Customer Satisfaction
8. Market Position
9. Social Responsibility and Sustainability
10. Financial Performance

The above indicators are used to examine the research in depth. Also, when assessing competitiveness, expert methods are used and 4-5 are considered as high levels, 3-4 as medium levels, and 1-2 as low levels.

1. Factory productivity

The 2023–2024 productivity indicators of Soyolon International LLC, Oyu Tolgoi LLC, and Steppe Gold Ltd were compared and evaluated as follows.

Table 1

Production volume

№	Factory location	Production volume (tons)	
		2023	2024
1	“Soyolon International” LLC	279,471.6	302,799.12
2	“Oyu Tolgoi” LLC	39.4m	40m
3	Steppe Gold Ltd	726,059	337,236

Table 2

Actual performance

№	Factory location	Plan/ (tons)		Performance/ (tons)		Average performance percentage
		2023	2024	2023	2024	
1	“Soyolon International” LLC	276,000	294,000	279,471.6	302,799.12	102.1
2	“Oyu Tolgoi” LLC	39.2m	40m	39.4m	40m	100
3	Steppe Gold Ltd	726,059	2.2m	726,059	1.1m	75

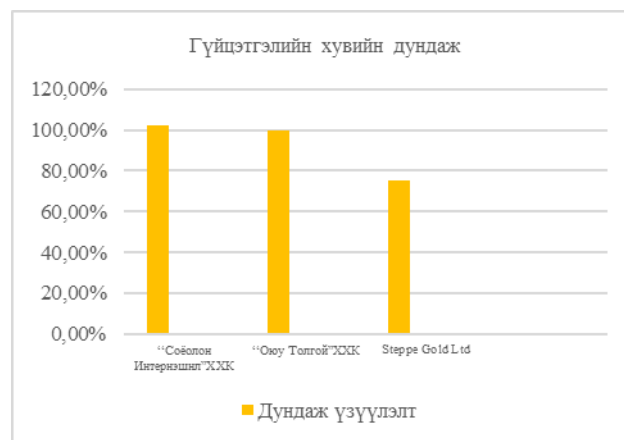

Figure 2. Actual performance (average performance percentage)

Table 3

Productivity

Factory location	Total output	Total cost	Productivity	Competitiveness assessment
“Soyolon International” LLC	1.2 trill	420 terb	2.8	4
“Oyu Tolgoi” LLC	175.09terb	61.2terb	2.8	4
Steppe Gold Ltd	13.62 terb	4.7tern	2.8	4

From the above, it can be seen that although Oyu Tolgoi LLC is in the leading position in terms of plant productivity, when comparing output and costs, it is estimated that the three plants are at the same level in terms of competitiveness.

2. Cost management

When assessing competitiveness through cost management, the ratio of total revenue to expenses of the plants is determined.

Table 4

Amount of money production costs

Company	Total income	Total cost	Competitiveness assessment
“Soyolon International” LLC	1.2 trill	420 terb	4
“Oyu Tolgoi” LLC	175.09 terb	61.2 terb	4
Stepp Gold Ltd	13.62 terb	4.7 terb	3

Note: The low cost for Oyu Tolgoi LLC and Stepp Gold Ltd is due to the fact that only the costs of silver production are taken into account, while for Soyolon International LLC, the amount of income and expenses depends on the direct customer company.

3. Quality

The quality of the companies is determined by the main indicator of product yield.

Many factors influence the determination of the percentage of silver content in the concentrate. The level of content that is considered economically viable depends on the conditions of the mine, the cost of extraction, the market price and other factors.

ECONOMIC VALUE OF SILVER CONTENT:

The content of silver in the concentrate is usually expressed in grams per ton (g/t) or percent (%). The average content is classified as follows:

Table 5

Content classification in silver concentrates

Content in silver concentrate	Description
0.02% – 0.05% (200 – 500 g/t)	Profitable level (economic cut-off)
0.05% – 0.1% and above	High content, high yield
< 0.01% (below 100 g/t)	May be economically inefficient

International practice considers production of silver concentrates with grades of $\geq 0.02\%$ (200 g/t) to be economically viable. However, this threshold may vary depending on factors such as mine conditions, technology, and cost structure.

Table 6

Comparison of metal production by industry

Factor y location	Performance (metal recovery %)		Plan (metal recovery, %)		Completion rate (%)	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024
"Soyolon International" LLC	81.65	84.89	82.1	85.18	99.43	99.65
"Oyu Tolgoi" LLC	56.39	65.08	61.2	65.08	92.14	100
Stepp Gold Ltd	13.8	14.5	21	21	65.7	69.04

Table 7

Comparison of two-year averages

Factory site	Completion rate (%)		Average performance	Competitiveness assessment
	2023	2024		
"Soyolon International" LLC	99.43	99.65	99.54	5
"Oyu Tolgoi" LLC	92.14	100	96.07	4
Stepp Gold Ltd	65.7	69.04	67.37	3

Figure 3. Comparison of averages for 2023 and 2024(average)

The metal recovery indicator is one of the criteria for indicating the quality of technological factors of the enterprise's competitiveness. The fact that the Soyolon International LLC enterprise operates with a metal recovery of 99.5% compared to other enterprises indicates high technological efficiency, well-optimized enrichment operations, and high mining results. Therefore, this superior metal recovery indicator is a basis for concluding that the company's production competitiveness is superior to others.

4. Innovation and technology

Three leading companies in Mongolia's mining sector – Soyolon International LLC, Oyu Tolgoi LLC, and Steppe Gold Ltd – successfully implemented technological innovations and equipment improvements in 2022–2024.

These innovations had a positive impact on their respective production efficiency, environmental impact, and cost savings.

The table below compares the characteristics of these companies' technological innovations:

Table 8

Comparison of technological innovations

Factory location	Update date	Technological innovation	Results of technological innovation	Rating
"Soyolon International" LLC	2022-2024	*Renovation of equipment for the concentrator. *Improvement of mining techniques and equipment	Increased capacity of the concentrator Improved equipment reliability Reduced production costs	3
"Oyu Tolgoi" LLC	2022-2024	*Normet SmartDrive Utimec MF100 battery-powered vehicle *Battery-powered equipment such as Epiroc Boltec E10 and Sandvik LH518iB *Thyssenkrupp high-performance belt conveyor systems	*14+ units of battery-powered equipment put into operation *Reduced smoke emissions and improved mine air quality *Reduced energy consumption and reduced environmental impact	5
Steppe Gold Ltd	2022-2024	*New 1,000 tph crushing plant *110/35/10 kV high voltage power line connection *EPC contract signed with Hexagon and WSP	Crushing capacity increased by 4 times Energy costs reduced by 75% Annual production capacity can reach 4 million tons	4

- Oyu Tolgoi: The introduction of battery-powered equipment has reduced the environmental impact and improved the air quality of the mine. It has also started a trial of battery replacement technology in collaboration with SPIC of China, which is a technologically advanced solution.

- Steppe Gold Ltd: Increased crushing capacity and reduced energy costs, improving production efficiency. Grid connection has significantly reduced operating costs.
- Soyolon International: Upgraded equipment at the concentrator has increased production capacity and reduced costs. However, advanced technological upgrades such as the introduction of battery-powered equipment have not yet been implemented.

These upgrades have had a positive impact on the operations of each company and are contributing to the development of the mining sector in Mongolia.

5. Supply Chain

This document briefly describes the sources and frequency of supply of chemical reagents, spare parts and inventory for Oyu Tolgoi LLC, Steppe Gold Ltd, and Soyolon International LLC.

Table 9

Supply of reagents and spare parts

№	Company	Suppliers	Supply frequency	Competitiveness assessment
1	Oyu Tolgoi LLC	Chemical reagents and equipment are purchased from suppliers in China (Tianjin) and Mongolia (Ulaanbaatar).	Supplies are made on a regular basis, depending on the terms of the contract and the mine's needs.	5
2	Steppe Gold Ltd	We source chemicals, reagents, and spare parts from international and domestic suppliers.	4–6 months of reserves have been created, reducing supply risks. The frequency is regulated by contract.	4
3	Soyolon International LLC	Officially supplied by equipment manufacturers such as Eriez, Multotec, Sanme, and Ampco.	Delivered within the agreed time frame based on customer orders.	3

“Soyolon International” LLC is a company that is an assembly and supply group company and has a fabric department that directly imports its spare parts and materials from external companies.

6. Brand recognition (distinctiveness)

The differentiation of the Soyolon International LLC industrial site was compared based on the deposits it operates and other indicators. The characteristics and differentiation of the

Oyu Tolgoi, the Viyyat silver deposit, and the silver deposits being mined by Steppe Gold Ltd vary in terms of mineral composition, mining technology, product type, investors, and export destinations.

Table 10

Comparison of differences

№	Indicator	Oyu Tolgoi	Salkhit silver deposit	Steppe Gold Ltd (АТӨ өрү)
1	Location	Khanbogd soum, Umnugovi aimag	Dundgovi aimag, Gobi-Ugtaal soum	Дорнод аймаг, Цагаан-Овоо сум
2	Basic minerals	Copper, gold, silver	Silver and gold	Silver and gold
3	Silver content	Medium-grade, released with copper concentrate	High-grade silver	Medium-grade silver
4	Production form	Combined open-pit and underground mining	Open pit mining and enrichment plant	Open pit mining and gravity enrichment
5	Үйлдвэрлэл эхэлсэн он	2013 (deep mining from 2022)	2020	2020
6	Annual production (tons)	25-30 tons	~40 tons	2–4 tons
7	Investor	Rio Tinto, Government of Mongolia	Government of Mongolia (100%)	With Canadian investment
8	Processing	It is found in copper concentrate.	Separates clean money	Produces gold and silver concentrates
9	Export direction	Exports concentrate to China	Net cash exports	China and other markets
10	Features	World-class copper-gold deposits and underground mines	Mongolia's first pure silver processing plant	Low operating costs, planned for phased expansion
Competitiveness assessment		4	5	2

The Salkhit silver deposit, operated by the Soyolon International LLC industrial estate, is the first national project in Mongolia to have a pure silver processing plant, and it has a major advantage over other deposits. This deposit is characterized by its high concentration of silver, not just an accessory mineral. Since it went into operation in 2020, it has produced about 220 tons of pure silver per year and exported as pure products processed domestically, which is important for supporting economic independence and the development of the domestic value chain. The use of technology to separate silver in processing has a positive impact on product quality and export value.

In addition, as it is a 100% Mongolian state-owned project, it is important for economic independence as it is free from the influence of foreign investors and can develop in line with strategic policies.

7. Delivery time

Mongolian mining and manufacturing companies, including Oyu Tolgoi, Soyolon International, and Step Gold, have varying experiences with time to market, contract fulfillment, and reasons for delays. The comparison below highlights the unique characteristics and challenges faced by each.

Table 11

Comparative evaluation of delivery times

Company	Delivery time	Contract fulfillment	The main reason for the delay	Rating (1-5 points)
“Soyolon International” LLC	Unclear	Unclear	The problem of corruption at the management level	2.5
Oyu Tolgoi	Fixed term	It is possible.	Underground mining construction	4.5
Step Gold	Fixed term	Generally fulfilled	Legal disputes	4

As of 2024, Erdenes Silver Resources LLC is operating mining and production operations at the Salkhit silver-gold deposit, with production reserves estimated at 870,497 tons. It is also conducting geological and exploration work in the areas with exploration licenses in Umnugovi and Bayankhongor aimags (erdenesgold.mn). However, corruption issues have arisen related to the company’s management, which may negatively affect delivery times and contract fulfillment (Dobu).

However, Oyu Tolgoi LLC and Stepp Gold Ltd are continuing to operate stably in 2024, and delivery times and contract fulfillment are expected to be met. This comparison shows that while Oyu Tolgoi and Stepp Gold are operating relatively stably, Erdenes Silver Resources LLC may face management-level issues that could lead to uncertainty regarding delivery times and contract fulfillment.

- Oyu Tolgoi LLC received a high score because it is the most stable and delivers on time.
- Stepp Gold Ltd received a small score deduction because its product supply is stable, but legal disputes pose a certain risk.

- Erdenes Silver Resources LLC had management issues and unstable supply negatively impacting its delivery time rating.

8. Market share

Mongolia has processed a total of 3,032 tons of silver over the past two years, earning 8.7 billion tugriks in revenue. Of these, the highest shares of Mongolia's export earnings over the past two years are:

- Soyolon International LLC-13%
- Oyu Tolgoi LLC-2%
- Stepp Gold Ltd-0.1% each.

Figure 4. Mongolia's share in exports (comparative figures)

Table 12

Competitiveness assessment

Company	Competitiveness assessment
"Soyolon International" LLC ("Erdenes Silver Resources" LLC)	5
Oyu Tolgoi	4
Stepp Gold Ltd	2

9. Sustainability and social responsibility

To assess the sustainability and competitiveness of the company in terms of social responsibility, a survey was conducted among the company's senior executives and executives.

Demographics: age, gender, position, and work experience

6-10 years	22	30.1	100.0
------------	----	------	-------

The majority of the respondents were between 20 and 40 years of age. Specifically, 37.0 percent of the respondents were between 20 and 30 years of age, and 38.4 percent of the respondents were between 31 and 40 years of age, accounting for 75.3 percent of the total respondents. 17.8 percent of the respondents were between 41 and 50 years of age, and 6.8 percent of the respondents were between 51 and 61 years of age.

In terms of gender, 72.6 percent were men and 27.4 percent were women. This indicates that the majority of the respondents were men.

In terms of job level, 90.4 percent of the respondents held executive positions, while 9.6 percent held managerial positions.

In terms of work experience, more than half of the respondents, or 52.1 percent, had 1-5 years of experience, while 30.1 percent had 6-10 years of experience, and 17.8 percent had 11 or more years of experience.

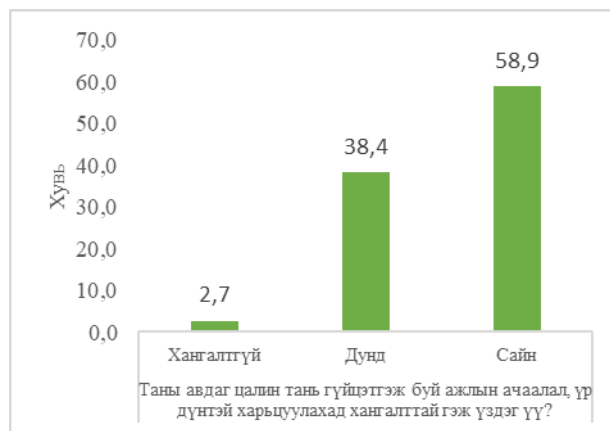

Figure 5. Do you think your salary is adequate compared to the workload and effectiveness of your work?

The figure shows that 58.9 percent of respondents rated their salary as "good" compared to their workload and performance, 38.4 percent rated it "average," and only 2.7 percent rated it "inadequate." This indicates that most employees consider their salary to be commensurate with their work.

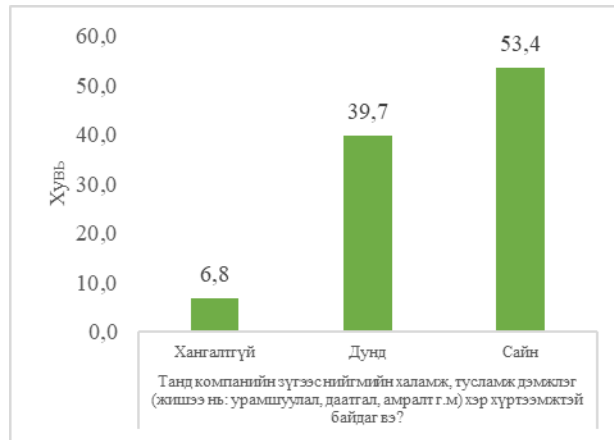

Figure 6. To what extent do you have access to social welfare and support (e.g., bonuses, insurance, vacation, etc.) from your company?

The figure shows that 53.4 percent of participants rated the company's social welfare and support (incentives, insurance, vacation, etc.) as "good," 39.7 percent as "average," and 6.8 percent as "insufficient."

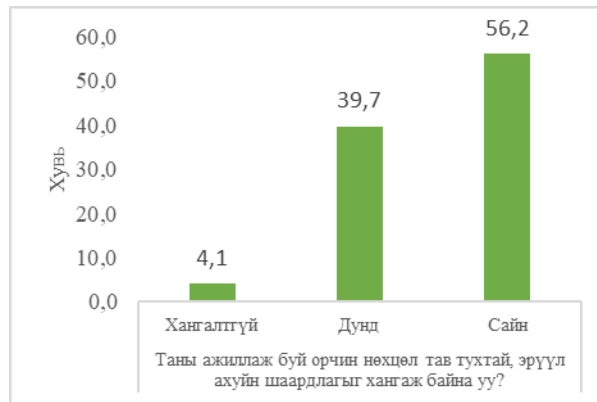

Figure 7. Is your working environment comfortable and meets hygiene requirements?

As can be seen from the figure, regarding the working environment, 56.2 percent of the participants considered the working environment to be comfortable and hygienic, while 39.7 percent said it was "average" and 4.1 percent said it was "insufficient."

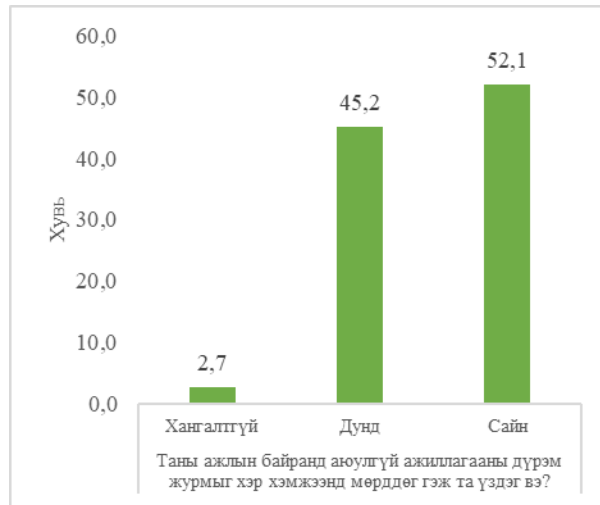

Figure 8. To what extent do you think safety regulations are followed in your workplace?

The figure shows that 52.1 percent of employees rated safety regulations as "good," 45.2 percent as "average," and 2.7 percent as "insufficient." This indicates that most employees believe that safety regulations are relatively well followed.

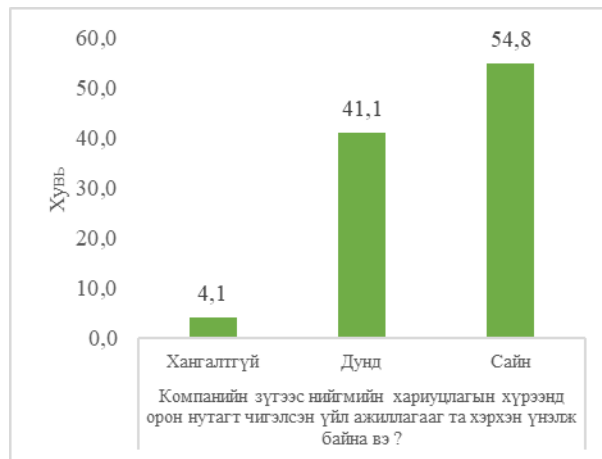

Figure 9. How do you evaluate the company's community-oriented activities within the framework of social responsibility? (poor, average, good)

The figure shows that 54.8 percent rated the company's community-oriented social responsibility activities as "good," 41.1 percent as "average," and 4.1 percent as "insufficient."

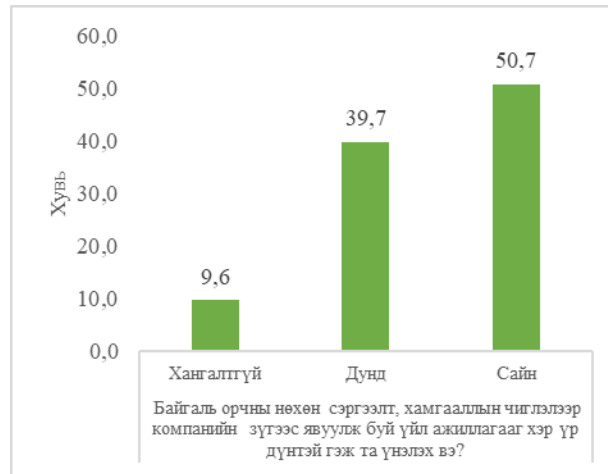

Figure 10. How effective would you rate the company's environmental restoration and protection activities? (insufficient, average, good)

The figure shows that 50.7 percent rated environmental restoration and protection activities as "good," 39.7 percent as "average," and 9.6 percent as "insufficient." This indicates that employees have a relatively positive attitude toward environmental issues.

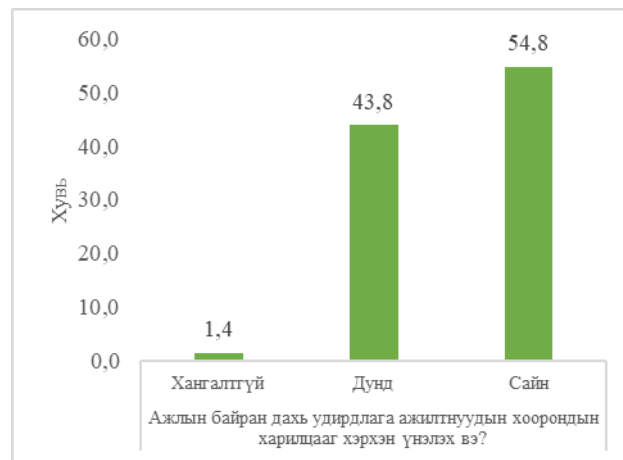

Figure 11. How would management rate the relationship between employees in the workplace? (poor, average, good)

The figure shows that 54.8 percent rated the relationship between management and employees in the workplace as "good", 43.8 percent as "average", and 1.4 percent as "insufficient", indicating that internal relations within the organization are at a good level.

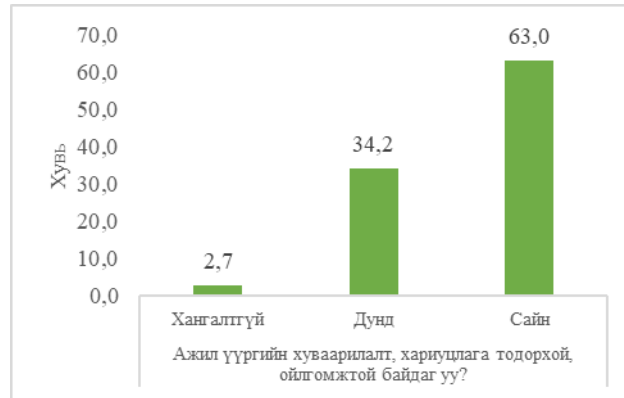

Figure 12. Is the distribution of duties and responsibilities clear and understandable? (poor, moderate, good)

As can be seen from the figure, 63.0 percent of the participants answered "good", 34.2 percent "average", and 2.7 percent "insufficient" regarding the clarity of the distribution of duties and responsibilities, indicating a common understanding of the clarity of duties and responsibilities.

B. A correlation analysis was conducted between the satisfaction questions of the survey participants and groups such as age, gender, position, and years of service.

Table 13

Respondent satisfaction questions and gender analysis

Indicator		Sex		Total	p number
		Male	Female		
How much social welfare and support do you have from your company (e.g., bonuses, insurance, vacation, etc.)?	Insufficient	4	1	5	0.476
	Middle	23	6	29	
	Good	26	13	39	
Is your working environment comfortable and meets hygiene requirements?	Insufficient	2	1	3	0.869
	Middle	22	7	29	
	Good	29	12	41	
To what extent do you think safety regulations are followed in your workplace?	Insufficient	0	2	2	0.045
	Middle	23	10	33	
	Good	30	8	38	
How do you evaluate the company's local-oriented activities within the framework of social responsibility?	Insufficient	1	2	3	0.294
	Middle	22	8	30	
	Good	30	10	40	
How effective would you rate the company's activities in environmental restoration and protection?	Insufficient	5	2	7	0.568
	Middle	23	6	29	
	Good	25	12	37	
How can management in the workplace evaluate relationships between employees?	Insufficient	1	0	1	0.694
	Middle	22	10	32	
	Good	30	10	40	
Are the distribution of duties and responsibilities clear and understandable?	Insufficient	2	0	2	0.573
	Middle	19	6	25	
	Good	32	14	46	

The table shows that there is a statistically significant difference between genders in the level of compliance with safety regulations in the workplace ($p = 0.045$). Female employees tended to give an "insufficient" rating in this area, indicating a more negative attitude compared to men. This indicates the need to ensure that the organization's safety regulations are equally accessible and understandable to all employees. However, no statistical differences were found for questions such as access to social welfare and support ($p = 0.476$), working conditions and hygiene requirements ($p = 0.869$), community-oriented activities within the framework of corporate social responsibility ($p = 0.294$), environmental restoration and protection activities ($p = 0.568$), relations between management and employees ($p = 0.694$), and understanding of the distribution of duties and responsibilities ($p = 0.573$).

Table 14

Analysis of satisfaction questions and age group of respondents

Indicator		Your age				Total	P number
		20-30	31-40	41-50	More than 51		
Do you think your salary is adequate compared to the workload and effectiveness of your work?	Insufficient	1	1	0	0	2	0.703
	Middle	7	12	7	2	28	
	Good	19	15	6	3	43	
How much social welfare and support do you have from your company (e.g., bonuses, insurance, vacation, etc.)?	Insufficient	0	3	2	0	5	0.313
	Middle	14	9	5	1	29	
	Good	13	16	6	4	39	
Is your working environment comfortable and meets hygiene requirements?	Insufficient	0	1	1	1	3	0.421
	Middle	13	11	4	1	29	
	Good	14	16	8	3	41	
To what extent do you think safety regulations are followed in your workplace?	Insufficient	0	1	1	0	2	0.515
	Middle	16	11	4	2	33	
	Good	11	16	8	3	38	
How do you evaluate the company's local-oriented activities within the framework of social responsibility?	Insufficient	1	2	0	0	3	0.729
	Middle	13	10	4	3	30	
	Good	13	16	9	2	40	
How effective would you rate the company's activities in environmental restoration and protection?	Insufficient	2	2	3	0	7	0.563
	Middle	11	10	6	2	29	
	Good	14	16	4	3	37	
How can management in the workplace evaluate relationships between employees?	Insufficient	0	0	0	1	1	0.022
	Middle	12	14	5	1	32	
	Good	15	14	8	3	40	
Are the distribution of duties and responsibilities clear and understandable?	Insufficient	0	0	1	1	2	0.076
	Middle	10	12	3	0	25	
	Good	17	16	9	4	46	

Relationships between management and employees in the workplace ($p = 0.022$). There were statistically significant differences between age groups in this indicator. It is particularly evident that employees over the age of 51 rated this indicator slightly lower or “insufficient”, and there is a tendency to perceive a lack of support and understanding from management as they get older. This indicates the need for organizations to ensure that internal communication and a culture of cooperation are accessible to all ages. There were no statistically significant differences between age groups in all the criteria below. In other words, regardless of the age group of the employees, the evaluations were similar: Whether the salary is adequate compared to the workload and efficiency ($p = 0.703$), the availability of social welfare, assistance, and support ($p = 0.313$), the adequacy of the working environment and hygiene requirements ($p = 0.421$), compliance with safety regulations ($p = 0.515$), the evaluation of community-oriented activities within the framework of social responsibility ($p = 0.729$), the evaluation of environmental restoration and protection activities ($p = 0.563$), and the clarity of the distribution of duties and responsibilities ($p = 0.076$) were not statistically significant.

Table 15

Respondents' satisfaction questions and job-related analysis

Indicator		Position		Total	p number
		Executive position	Management position		
Do you think your salary is adequate compared to the workload and effectiveness of your work?	Insufficient	2	0	2	0.879
	Middle	25	3	28	
	Good	39	4	43	
How much social welfare and support do you have from your company (e.g., bonuses, insurance, vacation, etc.)?	Insufficient	1	4	5	0.000
	Middle	26	3	29	
	Good	39	0	39	
Is your working environment comfortable and meets hygiene requirements?	Insufficient	2	1	3	0.166
	Middle	25	4	29	
	Good	39	2	41	
To what extent do you think safety regulations are followed in your workplace?	Insufficient	2	0	2	0.171
	Middle	32	1	33	
	Good	32	6	38	
How do you evaluate the company's local-oriented activities within the framework of social responsibility?	Insufficient	3	0	3	0.221
	Middle	29	1	30	
	Good	34	6	40	
How effective would you rate the company's activities in environmental restoration and protection?	Insufficient	3	4	7	0.000
	Middle	27	2	29	
	Good	36	1	37	

Indicator		Position		Total	p number
		Executive position	Management position		
How can management in the workplace evaluate relationships between employees?	Insufficient	1	0	1	0.733
	Middle	28	4	32	
	Good	37	3	40	
Are the distribution of duties and responsibilities clear and understandable?	Insufficient	2	0	2	0.387
	Middle	21	4	25	
	Good	43	3	46	

Access to social welfare, assistance, and support ($p = 0.000$). A statistically significant difference was observed on this indicator between management and executive positions. In particular, the higher tendency of management officials to rate it as “insufficient” indicates that the social support policy and access for them may be weak. While the majority of executive employees gave a “good” rating, it indicates that management is dissatisfied. Also, environmental restoration and protection activities ($p = 0.000$). A statistical difference was also found on this criterion. The percentage of those rated “insufficient” is higher among management officials. This indicates that management officials may observe and evaluate the implementation of environmental policies more deeply. No statistical difference was found in the ratings of management and executive officials on the following criteria. This shows that their attitudes and assessments are common: There are no differences between executive and managerial employees in the questions on salary-to-workload ratio ($p = 0.879$), working environment and hygiene requirements ($p = 0.166$), compliance with safety rules and regulations ($p = 0.171$), community-oriented activities within the framework of social responsibility ($p = 0.221$), assessment of workplace relationships ($p = 0.733$), and clarity of job distribution and responsibilities ($p = 0.387$), so the company's policies and activities are implemented in these areas in a relatively balanced manner.

Table 16

Analysis of the relationship between satisfaction questions and years of service among respondents

Indicator		Employment status			Total	p number
		1-5 years	Over 11 years	6-10 years		
How much social welfare and support do you have from your company (e.g., bonuses, insurance, vacation, etc.)?	Insufficient	1	3	1	5	0.025
	Middle	19	5	5	29	
	Good	18	5	16	39	
Is your working environment	Insufficient	0	2	1	3	0.137

Indicator		Employment status			Total	p number
		1-5 years	Over 11 years	6-10 years		
comfortable and meets hygiene requirements?	Middle	16	3	10	29	
	Good	22	8	11	41	
To what extent do you think safety regulations are followed in your workplace?	Insufficient	0	1	1	2	0.274
	Middle	19	3	11	33	
	Good	19	9	10	38	
How do you evaluate the company's local-oriented activities within the framework of social responsibility?	Insufficient	1	0	2	3	0.509
	Middle	16	7	7	30	
	Good	21	6	13	40	
How effective would you rate the company's activities in environmental restoration and protection?	Insufficient	2	4	1	7	0.045
	Middle	17	5	7	29	
	Good	19	4	14	37	
How can management in the workplace evaluate relationships between employees?	Insufficient	0	1	0	1	0.088
	Middle	13	7	12	32	
	Good	25	5	10	40	
Are the distribution of duties and responsibilities clear and understandable?	Insufficient	0	2	0	2	0.040
	Middle	12	4	9	25	
	Good	26	7	13	46	

Access to social welfare and support ($p = 0.025$). The difference in the assessment of this indicator depending on the years of employment is statistically significant. In particular, the relatively high "insufficient" rating among those who have worked for more than 11 years indicates dissatisfaction that they do not receive sufficient care and support despite having worked for more years. Assessment of environmental restoration and protection activities ($p = 0.045$). The assessment of environmental activities varies depending on the length of service. For example, the highest "insufficient" rating among those who have worked for more than 11 years indicates that older employees may be critical of the implementation of environmental protection policies and activities. Clarity of task distribution and responsibilities ($p = 0.040$). Statistical differences are also observed for this indicator. The tendency of those who have worked for more than 11 years to assess it as "insufficient" may be related to the fact that the organizational structure, responsibilities, and organization are unclear and unclear to some employees. The differences in ratings were not statistically significant regardless of years of service for the following indicators. In other words, it shows that participants have a common understanding and rating regardless of length of service: Working environment and hygiene ($p = 0.137$), compliance with safety regulations ($p = 0.274$), community-oriented activities within the framework of social responsibility ($p = 0.509$), and management-employee relations ($p = 0.088$).

The majority of our survey participants were between 20 and 40 years old, with a male predominance. Most of the participants, 90.4 percent, were in executive positions, while the majority of them had worked for 1-5 years and 6-10 years. The survey results show that most employees are satisfied with factors related to salary, working conditions, social welfare, and safety. In addition, most employees consider the company's social responsibility policy aimed at the local community and the environment to be effective, indicating that the organization has a good impact and attitude in the external environment.

Compliance with safety regulations in the workplace is rated poorly by women, while those who have worked for many years tend to rate the relationship between management and employees in the workplace as poor. The availability of social welfare, assistance, and support is high among senior employees, but those who have worked for many years are dissatisfied. Environmental restoration, on the other hand, is rated as "insufficient" by senior employees, and the distribution of tasks and clarity of responsibilities is rated as insufficient by many employees, which is statistically significant.

10. Financial indicators

When evaluating the Soyolon International LLC industrial site based on price factors, we compared it with companies such as Oyu Tolgoi LLC and Stepp Gold Ltd, which are engaged in silver production in Mongolia.

Table 17

Output of silver production companies to the Chinese market over the past 2 years (net silver)

Year	"Soyolon International" LLC	"Oyu Tolgoi" LLC	Stepp Gold Ltd	Export volume
2023	168 tons	25.51tons	2.22tons	913tons
2024	210tons	40.41tons	2.92tons	2119tons

The market price of 1 ton of silver in 2023 was approximately 2.5 billion tugriks, and in 2024 it was 3.09 billion tugriks. This price is based on the average international market price and does not take into account additional costs such as importing and processing in Mongolia (Bank of Mongolia).

Table 18

Amount of profit from money production

Year	"Soyolon International" LLC	"Oyu Tolgoi" LLC	Stepp Gold Ltd	Export volume
2023	494 terb	65.32 terb	5.68 terb	2.2 trill
2024	661 terb	109.77 terb	7.94 terb	6.5 trill
Total profit	1.2 trill	175.09 terb	13.62 terb	8.7 trill

Table 19

Competitiveness assessment

Company	Competitiveness assessment
"Soyolon International" LLC ("Erdenes Silver Resources" LLC)	5
Oyu Tolgoi	4
Stepp Gold Ltd	4

Overall results of the study

"Soyolon International" LLC Industrial Estate sets competitive prices that meet market demand and are acceptable to consumers, resulting in:

- A larger market share,
- A higher profit margin.
- This indicates that the pricing strategy of the organization is effective and that it offers consumers a reasonable combination of price and quality.

Therefore, in terms of price factors, the organization can be considered a highly competitive and effective player in the market.

Table 20

Summary of Competitiveness Assessment

№	Company	"Soyolon International" LLC	"Oyu Tolgoi" LLC	Stepp Gold Ltd
	Competitive ability indicators			
1	Factory productivity	4	4	4
2	Cost Management	4	4	3
3	Quality	5	4	3
4	Innovation and Technology Development	3	5	4

№	Company	“Soyolon International” LLC	“Oyu Tolgoi” LLC	Stepp Gold Ltd
	Competitive ability indicators			
5	Supply Chain Efficiency	3	5	4
6	Brand Recognition	4	5	2
7	Customer Satisfaction	2.5	4.5	4
8	Market Position	5	5	2
9	Social Responsibility and Sustainability	4	4	4
10	Financial Performance	5	4	4

“Soyolon International” LLC evaluated the industrial site based on 10 factors and the 3 factors with the best rating and the 3 factors with the worst rating are as follows:

3 factors with good ratings:

1. Quality - 5 points
2. Market Position - 5 points
3. Financial Performance - 5 points

3 factors with bad ratings:

1. Customer Satisfaction - 2.5 points
2. Innovation and Technology Development - 3 points
3. Supply Chain Efficiency - 3 points

Conclusion

In order to improve the competitiveness of an organization, it is necessary to really assess internal factors and improve them systematically. According to the results of the research, the main factors that negatively affect the competitiveness of “Soyolon international” llc are low consumer motivation, insufficient technological innovation, and weak supply network efficiency. Also, despite the high competitiveness of product quality and market position, the inadequate after-sales service and customer complaint resolving system are issues that need management's attention.

Therefore, it is advisable to improve the customer complaint resolution system, gradually introduce innovation and technological innovation, and optimize the supply chain by installing intelligent systems such as ERP. By implementing these measures, the competitiveness of the organization, customer satisfaction, and operational efficiency can be increased, and the market share can be further secured. The study findings are also of practical importance to organizations engaged in similar activities.

References

1. Brigham, E. F., & Ehrhardt, M. C. (2013). Financial Management: Theory & Practice (14th ed.). Cengage Learning.
2. Chopra, S., & Meindl, P. (2016). Supply Chain Management: Strategy, Planning, and Operation (6th ed.). Pearson.
3. Elkington, J. (1997). Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business. Capstone.
4. Grant, R. M. (2016). Contemporary Strategy Analysis: Text and Cases Edition (9th ed.). Wiley.
5. Horngren, C. T., Datar, S. M., & Rajan, M. V. (2015). Cost Accounting: A Managerial Emphasis (15th ed.). Pearson.
6. Juran, J. M., & Godfrey, A. B. (1999). Juran's Quality Handbook (5th ed.). McGraw-Hill.
7. Kotler, P., & Keller, K. L. (2016). Marketing Management (15th ed.). Pearson Education.
8. Porter, M. E. (1985). Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. The Free Press.
9. Schumpeter, J. A. (1934). The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. Harvard University Press.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37

Yakovlev R.D. Research competence of a school teacher as a psychological and pedagogical category

Исследовательская компетентность педагога школы как психолого-педагогическая категория

Yakovlev Ruslan Dmitrievich,

postgraduate student, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen,
St. Petersburg

Яковлев Руслан Дмитриевич,
аспирант, РГПУ им А.И.Герцена, г. Санкт-Петербург

Abstract. *The modern educational paradigm places high demands on the professional competence of a teacher. In the context of rapid socio-cultural changes, digitalization of education and the introduction of innovative pedagogical technologies, the research competence of a teacher is of particular importance. The research competence of a modern school teacher is an important psychological and pedagogical category, which is at the intersection of the cognitive, personal and activity spheres of human development. It is becoming not just a desirable, but a necessary component of the professionalism of a modern school teacher. In connection with the above, the author of this article attempted to scientifically analyze and critically understand the research competence of a school teacher as a psychological and pedagogical category.*

Keywords: *educational development, school education, school teacher, research competence of a teacher, psychological and pedagogical category.*

Аннотация. Современная образовательная парадигма предъявляет высокие требования к профессиональной компетентности педагога. В условиях стремительных социокультурных изменений, цифровизации образования и внедрения инновационных педагогических технологий особую значимость приобретает исследовательская компетентность учителя. По мнению автора настоящей статьи, исследовательская компетентность современного педагога школы представляет собой важную психолого-педагогическую категорию, которая находится на пересечении когнитивной, личностной и деятельностной сфер развития человека. Она становится не просто желательным, но необходимым компонентом профессионализма современного педагога школы. В связи с вышеизложенным, автором настоящей статьи, была предпринята попытка научного анализа и критического осмысления исследовательской компетентности педагога школы как психолого-педагогической категории.

Ключевые слова: *развитие образования, обучение в школе, педагог школы, исследовательская компетентность педагога, психолого-педагогическая категория.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Исследовательская компетентность педагога школы представляет собой интегративное профессионально-личностное качество, характеризующееся готовностью и способностью к самостоятельной исследовательской деятельности в

сфере образования, направленной на решение профессиональных задач, совершенствование образовательного процесса и собственного профессионального развития. [2, с. 129]

Как показало проведенное исследование, в психолого-педагогической литературе можно выделить несколько подходов к пониманию сущности исследовательской компетентности педагога:

1. Функциональный подход рассматривает исследовательскую компетентность как способность эффективно выполнять исследовательские функции в профессиональной деятельности (В.А. Сластенин, Л.С. Подымова);

2. Личностно-деятельностный подход определяет исследовательскую компетентность как интегративное качество личности, проявляющееся в готовности и способности к исследовательской деятельности (А.В. Хуторской, В.И. Загвязинский); [7, с. 699]

3. Акмеологический подход трактует исследовательскую компетентность как показатель профессионального мастерства педагога, характеризующий высший уровень его профессионального развития (А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина); [4, с. 123]

4. Системный подход рассматривает исследовательскую компетентность как сложную систему, включающую когнитивный, мотивационный, деятельностный и рефлексивный компоненты (И.А. Зимняя, А.А. Вербицкий).

По мнению отечественных ученых, что исследовательская компетентность педагога школы имеет свою специфику по сравнению с исследовательской компетентностью ученого или студента. Она непосредственно связана с профессиональной педагогической деятельностью и направлена на совершенствование образовательного процесса. Педагогическое исследование выступает как средство решения профессиональных задач, повышения эффективности обучения и воспитания. [6, с. 109]

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет выделить структурные компоненты исследовательской компетентности педагога школы.

Таблица 1

Структура исследовательской компетентности педагога школы

Структура	Описание
Мотивационно-ценностный компонент включает	- устойчивую мотивацию к исследовательской деятельности; интерес к научному познанию в сфере образования; - ценностное отношение к педагогическому исследованию как способу совершенствования образовательного процесса; - потребность в профессиональном развитии и самореализации через исследовательскую деятельность. [5, с. 11]

Структура	Описание
Когнитивный компонент предполагает	- знание методологии педагогического исследования; - понимание логики и этапов исследовательского процесса; - знание методов психолого-педагогического исследования; - владение понятийно-категориальным аппаратом педагогической науки; - знание актуальных проблем современного образования.
Деятельностно-практический компонент включает	- умение определять проблему исследования; - способность выдвигать гипотезы и планировать исследовательскую работу; - владение методами сбора и анализа эмпирических данных; - умение разрабатывать и апробировать инновационные педагогические модели; - навыки представления и внедрения результатов исследования в практику.
Рефлексивно-оценочный компонент предполагает	- способность к критическому анализу собственной исследовательской деятельности; - умение оценивать эффективность применяемых методов исследования; - навыки корректировки исследовательского процесса; - способность к профессиональной рефлексии.
Коммуникативный компонент включает	- умение работать в исследовательском коллективе; - навыки представления результатов исследования педагогическому сообществу; - способность к научной дискуссии; - умение транслировать исследовательский опыт коллегам.

Таким образом, все компоненты исследовательской компетентности педагога взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их гармоничное развитие обеспечивает эффективность исследовательской деятельности учителя в профессиональной сфере.

В процессе исследования было установлено, что с психологической точки зрения исследовательская компетентность педагога школы связана с развитием ряда профессионально значимых качеств и психических процессов:

1. Познавательные процессы – развитое аналитическое мышление педагога школы, наблюдательность, способность к обобщению и систематизации, гибкость и критичность мышления; [9, с. 8]

2. Творческие способности педагога школы – креативность, способность к генерированию новых идей, нестандартному решению педагогических проблем;

3. Волевые качества педагога школы – целеустремленность, настойчивость, способность преодолевать трудности в процессе исследования;

4. Эмоциональные характеристики педагога школы – эмоциональная устойчивость, толерантность к неопределенности, способность работать в ситуации информационной избыточности или недостаточности;

5. Метакогнитивные способности педагога школы – умение планировать, контролировать и оценивать собственную познавательную деятельность, осознавать свои когнитивные стратегии.

Так же необходимо отметить, что важным психологическим аспектом исследовательской компетентности педагога школы является формирование исследовательской позиции – особого личностного отношения к профессиональной деятельности, характеризующегося стремлением к научному познанию педагогической реальности, критическим осмыслением существующих практик, готовностью к экспериментированию и инновациям.

По мнению автора, исследовательская компетентность тесно связана с профессиональной идентичностью педагога, его самоопределением в профессии. Педагог-исследователь воспринимает себя не только как транслятора знаний, но и как активного субъекта развития образовательной практики, создателя новых педагогических подходов и технологий.

На основе проведенного анализа имеющихся трудов отечественных ученых, отметим, что в педагогическом контексте исследовательская компетентность учителя имеет несколько важных аспектов:

1. Методологический аспект связан с освоением педагогом школы методологии научного познания, принципов и методов педагогического исследования, формированием методологической культуры; [3, с. 21]

2. Технологический аспект предполагает овладение педагогом школы технологией исследовательской деятельности, включающей постановку проблемы, выдвижение гипотезы, планирование исследования, сбор и анализ данных, формулирование выводов;

3. Практико-ориентированный аспект связан с направленностью исследовательской деятельности школьного педагога на решение практических задач образовательного процесса, совершенствование методик обучения и воспитания;

4. Инновационный аспект предполагает использование исследовательской деятельности педагогом школы как средства разработки и внедрения педагогических инноваций;

5. Профессионально-развивающий аспект связан с влиянием исследовательской деятельности на профессиональное развитие школьного педагога, формирование его профессионального мастерства.

По мнению автора настоящей статьи, исследовательская компетентность педагога школы реализуется в различных формах профессиональной деятельности: в разработке и апробации авторских программ и методик; в организации опытно-экспериментальной работы; в руководстве учебно-исследовательской деятельностью обучающихся; в участии в научно-практических конференциях и профессиональных конкурсах; в подготовке научно-методических публикаций.

Отметим так же, что в развитии исследовательской компетентности педагога школы можно выделить несколько уровней.

Таблица 2

Уровни развития исследовательской компетентности педагога школы

Уровень развития	Описание уровня
Адаптивный уровень	Характеризуется фрагментарными исследовательскими знаниями и умениями, ситуативным интересом к исследовательской деятельности, преимущественно репродуктивным характером профессиональной деятельности. На этом уровне педагог способен участвовать в исследовательской работе под руководством более опытных коллег. [1, с. 33]
Репродуктивно-аналитический уровень	Предполагает наличие базовых исследовательских знаний и умений, устойчивого интереса к исследовательской деятельности, способности к анализу педагогических явлений. Педагог может самостоятельно проводить локальные исследования по заданному алгоритму.
Творческо-поисковый уровень	Характеризуется системными исследовательскими знаниями и умениями, устойчивой мотивацией к исследовательской деятельности, способностью к самостоятельному определению проблемы исследования и выбору методов ее решения. На этом уровне педагог способен проводить самостоятельные исследования, направленные на совершенствование образовательного процесса.
Научно-методологический уровень	Предполагает высокий уровень методологической культуры, системное владение методами научного познания, способность к теоретическому осмыслению педагогической реальности, разработке и научному обоснованию инновационных педагогических моделей. Педагог этого уровня выступает как эксперт, консультант, руководитель исследовательских проектов.

Таким образом, движение педагога от одного уровня к другому обеспечивается системой непрерывного профессионального образования, включающей формальное, неформальное и информальное образование.

В процессе написания данной статьи, автором определены факторы развития исследовательской компетентности педагога школы:

1. Внешние факторы: образовательная политика государства, требования профессионального стандарта педагога, инновационная среда образовательной организации, система методической работы в школе, возможности профессионального образования и повышения квалификации, профессиональное сообщество; [8, с. 27]

2. Внутренние факторы: мотивация профессионального развития, познавательные потребности и интересы, профессиональные ценности и установки, предыдущий опыт исследовательской деятельности, индивидуально-психологические особенности.

Как отмечается многими современными исследователями, эффективное развитие исследовательской компетентности педагога школы требует создания специальных условий. Прежде всего, необходимо включение педагогов в

инновационную деятельность образовательной организации и организация научно-методической работы, ориентированной на исследовательскую деятельность. Не лишним будет создание профессиональных обучающихся сообществ и стимулирование публикационной активности педагогов. Осуществляются мероприятия по поддержке участия педагогов в научно-практических конференциях и профессиональных конкурсах и развитию сетевого взаимодействия с научными и образовательными организациями.

По мнению многих ученых, исследовательская компетентность особенно актуальна в плане обеспечения готовности педагога к работе в условиях постоянных изменений в системе образования. Исследовательская компетентность поможет освоить новые образовательные стандарты через их аналитическое осмысление и адаптацию к конкретным условиям. Данная компетентность дает возможность педагогу возможность эффективного использования цифровых технологий при изучении дидактического потенциала. Данная компетенция способствует преодолению профессиональных стереотипов благодаря критическому мышлению педагога и рефлексивному анализу собственной деятельности.

Выводы

В заключение проведенного исследования, необходимо сделать следующие выводы:

Отметим, что по мнению автора настоящей статьи, исследовательская компетентность является одним из ключевых компонентов профессионализма современного педагога, играя многогранную роль в его деятельности и профессиональном развитии.

В процессе исследования было установлено, что исследовательская компетентность педагога школы является многомерным феноменом, значение которого проявляется на различных уровнях: личностном, профессиональном, организационном и социальном. Она выступает не только как важнейший фактор профессионального развития самого педагога, но и как необходимое условие повышения качества образования, развития образовательной организации и системы образования в целом.

В качестве заключения необходимо отметить, что в современных условиях исследовательская компетентность трансформируется из желательного дополнения к базовым профессиональным компетенциям педагога в обязательный компонент его профессионализма, обеспечивающий адаптивность, конкурентоспособность и эффективность педагогической деятельности.

References

1. Ахмедова, Э. М. Исследовательская компетентность педагогов как аспект непрерывного профессионального образования / Э. М. Ахмедова, А. А. Машковский // Вестник Московской международной академии. – 2024. – № 1. – С. 32-34.
2. Голубова, А. В. Психологические аспекты цифровой компетентности педагога в современной школе / А. В. Голубова // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Т. 6, № 6. – С. 126-131.
3. Жуина, Д. В. Исследовательская компетентность как фактор развития карьерной направленности педагогов общеобразовательных организаций / Д. В. Жуина // Учебный эксперимент в образовании. – 2022. – № 4(104). – С. 18-23.
4. Зарипова, А. А. Развитие исследовательской компетентности педагога в школе / А. А. Зарипова // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2020. – № 3. – С. 121-124.
5. Зулкарнаева, Ж. А. Особенности реализации исследовательской компетентности будущих педагогов / Ж. А. Зулкарнаева // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 8(113). – С. 10-12.
6. Ильевич, Т. П. Развитие исследовательской компетентности педагогов в аспекте стратегий непрерывного профессионального образования / Т. П. Ильевич, А. В. Мельничук, Е. В. Жолтяк // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6. – С. 109.
7. Коршунова, В. В. Модель формирования цифровой компетентности педагогов школы на основе научно-методического сопровождения / В. В. Коршунова, А. Н. Абрамов, Ю. В. Шнайдер // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 9, № 8. – С. 696-702.
8. Костюшина, Е. В. Формирование исследовательской компетентности у будущих педагогов / Е. В. Костюшина // Наука и Образование. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 24-29.
9. Пирожкова, О. Б. Исследовательская компетентность педагога: сущность и диагностика / О. Б. Пирожкова, И. С. Бубнова // Педагогическая перспектива. – 2022. – № 1. – С. 3-9.

HEALTHCARE AND MEDICAL ETHICS

UDC 611.314

Rastrosa M.M., Derevyanko A.A., Tynda D.A., Lukyanov G.S., Bogacheva E.V. Analysis of the frequency of dental visits and the level of stomatophobia among students

Анализ частоты посещения стоматолога и уровня стоматофобии у студентов

Rastrosa Maria Mikhailovna

Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Derevyanko Alina Alekseevna

Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Tynda Dmitry Alekseevich

Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Lukyanov Gleb Sergeevich

Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph. D., Associate Professor
Department of Management in
Health Care Department,
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
Растроса Мария Михайловна
Институт стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Деревянко Алина Алексеевна
Институт стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Тында Дмитрий Алексеевич
Институт стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Лукьянов Глеб Сергеевич
Институт стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Богачева Елена Васильевна
к.ф.-м.н., доцент кафедры
Управления в здравоохранении
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

Abstract. Regular visits to the dentist are an important aspect of preventing dental diseases and maintaining oral health. According to the World Health Organization (2023), oral diseases affect about 3.5 billion people worldwide, with untreated caries of permanent teeth remaining the most common disease [1]. The situation is particularly acute in Russia.: According to the Ministry of Health of the Russian Federation (2024), only 30% of the population regularly visit the dentist for preventive purposes [2]. However, despite the availability of dental services, many people postpone visits to the doctor due to fear, financial constraints or lack of awareness of the need for prevention.

Research shows that stomatophobia (fear of dental treatment) remains one of the key causes of low dental treatment rates. According to a number of studies, up to 40% of patients experience a pronounced fear of going to the dentist, which leads to late treatment and deterioration of their teeth [3, 4].

Of particular interest is the attitude towards dental health among students, including medical schools, since their habits can influence future medical practice and the formation of a responsible attitude towards the health of patients.

Keywords: stomatophobia, analysis, students, causes, prevention

Аннотация. Регулярное посещение стоматолога является важным аспектом профилактики стоматологических заболеваний и поддержания здоровья полости рта. По данным Всемирной организации здравоохранения (2023), заболевания полости рта поражают около 3,5 миллиардов человек во всем мире, причем нелеченый кариес постоянных зубов остается самым распространенным заболеванием [2]. В России ситуация особенно остра: как отмечает Министерство здравоохранения РФ (2024), только 30% населения регулярно посещают стоматолога с профилактической целью [2]. Однако, несмотря на доступность стоматологических услуг, многие люди откладывают визиты к врачу из-за страха, финансовых ограничений или недостаточной осведомленности о необходимости профилактики.

Исследования показывают, что стоматофобия (страх перед стоматологическим лечением) остается одной из ключевых причин низкой обращаемости за стоматологической помощью. По данным ряда исследований, до 40% пациентов испытывают выраженный страх перед посещением стоматолога, что приводит к позднему обращению за лечением и ухудшению состояния зубов [3, 4].

Особый интерес представляет отношение к стоматологическому здоровью среди студентов, в том числе медицинских вузов, поскольку их привычки могут влиять на будущую врачебную практику и формирование ответственного отношения к здоровью у пациентов.

Ключевые слова: стоматофобия, анализ, студенты, причины, профилактика

Рецензент: Петрова Марина Михайловна - Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ. Первый проректор, зав. кафедрой поликлинической терапии и семейной медицины с курсом ПО. Член рабочей группы РКО «Терапевтические аспекты кардиологической практики», член правления РКО, член центрального совета РНМОТ

Основная цель работы: дать оценку частоты посещения стоматологических клиник, причины обращения за стоматологической помощью и уровень стоматофобии среди студентов.

Материалы и методы: Проведено анкетирование среди студентов, включая обучающихся ВГМУ им. Н.Н. Бурденко (56%) и других учебных заведениях (44%). Выборка составила n=500 респондентов, что обеспечивает репрезентативность с доверительной вероятностью 95% ($p \leq 0,05$). Обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики.

Результаты: В структуре стоматологической активности студентов выявлены четкие поведенческие паттерны, которые можно рассматривать как основу для разработки профилактических программ. Среди респондентов преобладают лица в

возрасте 18-25 лет ($64,0 \pm 2,1\%$), при этом гендерное распределение показывает значительное преобладание женщин ($67,0 \pm 2,1\%$) над мужчинами ($33,0 \pm 2,1\%$).

В отношении психологического компонента стоматологической помощи установлено, что $39,0 \pm 2,2\%$ студентов испытывают выраженный страх перед визитами к стоматологу, тогда как $61,0 \pm 2,2\%$ не демонстрируют значимой тревожности ($p < 0,05$). При анализе частоты посещений выявлено, что $60,0 \pm 2,2\%$ респондентов обращаются к стоматологу 1 раз в год, в то время как $40,0 \pm 2,2\%$ посещают врача 2-3 раза в год и чаще ($p < 0,05$).

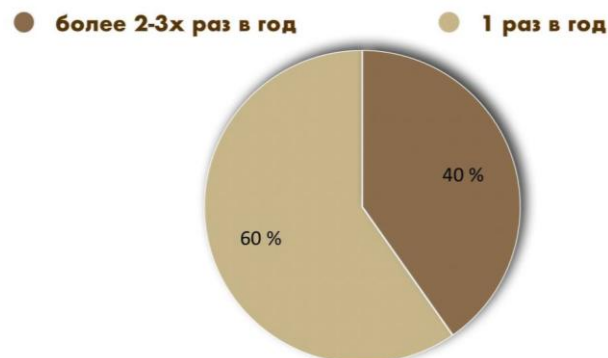

Диаграмма 1. Посещение стоматолога

Целевая направленность визитов распределилась следующим образом: $75,0 \pm 1,9\%$ студентов посещают стоматолога исключительно при наличии конкретных проблем, тогда как лишь $25,0 \pm 1,9\%$ приходят на профилактические осмотры ($p < 0,01$).

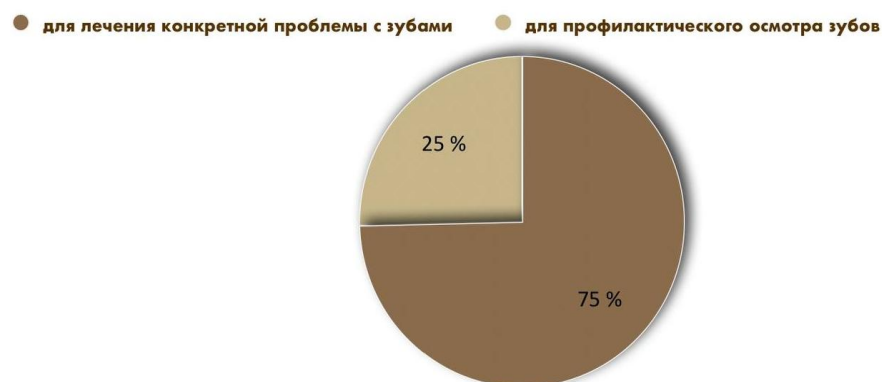

Диаграмма 2. Причины посещения стоматолога

Временной анализ последних посещений показал: $45,0 \pm 2,2\%$ были у стоматолога в феврале-марте 2025 года, $34,0 \pm 2,1\%$ - в июне-августе 2024 года, и $21,0 \pm 1,8\%$ - в сентябре-ноябре 2024 года.

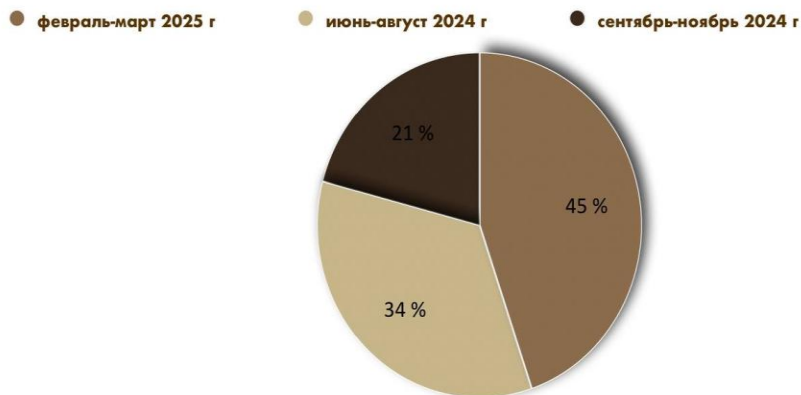

Диаграмма 3. Временной анализ посещения врача

Заключение: Полученные данные свидетельствуют о том, что значительная часть студентов (39%) испытывает страх перед стоматологическим лечением, что согласуется с результатами других исследований [4]. При этом только 25% респондентов посещают врача для профилактики, что указывает на недостаточную осведомленность о важности регулярных осмотров.

Выявленная тенденция к обращению за помощью только при наличии острой проблемы (75%) может приводить к более сложному и дорогостоящему лечению в будущем. Это подтверждается данными о том, что профилактические визиты снижают риск развития осложнений на 40–60% [4].

Результаты исследования показывают необходимость:

- Повышения информированности студентов о важности профилактических осмотров.
- Внедрения психологических методов снижения стоматофобии (например, разъяснительных бесед, адаптационных программ).
- Стимулирования регулярных визитов через образовательные программы и льготные условия обслуживания.

References

1. Минздрав РФ. Отчет о стоматологической помощи. М., 2024.
2. Лунева С.Н., Петрова М.М. Стоматофобия: причины и методы коррекции // Стоматология для всех. – 2020. – № 3. – С. 45-49.
3. Иванов А.В., Смирнова Е.Д. Психологические аспекты страха перед стоматологическим лечением // Клиническая психология в медицине. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 78-84.
4. Кузнецова О.А. Профилактика стоматологических заболеваний среди студентов // Здоровье и образование в XXI веке. – 2019. – Т. 21, № 4. – С. 112-117.

UDC 611.314

Yuryeva Ya.V., Guba A.A., Zhuchkov G.G., Bogacheva E.V. Floss in daily hygiene: who uses it and why are many ignored?

Флосс в повседневной гигиене: кто использует и почему многие игнорируют?

Yureva Yana Vladimirovna

student of the Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko

Guba Anastasia Alekseevna

student of the Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko

Zhuchkov Gleb Georgievich

Student of the Institute of Dentistry, group C-207
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph. D., Associate Professor
Department of Management in
Health Care Department,
Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
Юрьева Яна Владимировна
студентка Института стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский
университет имени Н.Н. Бурденко
Губа Анастасия Алексеевна
студентка Института стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский
университет имени Н.Н. Бурденко
Жучков Глеб Георгиевич
студент Института стоматологии, группа С-207
Воронежский государственный медицинский
университет имени Н.Н. Бурденко
Богачева Елена Васильевна
к.ф.-м.н., доцент кафедры
Управления в здравоохранении
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н.
Бурденко

Abstract. Despite the wide availability of information on oral hygiene, the use of dental floss remains an insufficiently widespread practice among the population. Studies show that even among people who regularly take care of their teeth, many neglect additional means of cleaning the interdental spaces, which increases the risk of caries and periodontal diseases. Despite the wide availability of information on oral hygiene, the use of dental floss in Russia remains

extremely low. Statistical data indicate the extremely low popularity of floss in Russia - only 15-20% of citizens use it systematically, while in countries with a developed dental culture this figure is twice as high [1]. This situation is directly related to the high prevalence of dental pathologies - about 90% of the adult population of the country is confronted with various periodontal diseases [2].

Surveys indicate a low level of awareness about the correct technique of using floss, its types and the need for application. At the same time, some respondents do not see the need for this, while others cite a lack of motivation, time, or high cost of hygiene products [4]. Of particular concern is the fact that a significant proportion of respondents receive information about dental floss not from dentists, but from random sources (the Internet, acquaintances), which can contribute to the formation of misconceptions [3].

In this regard, it becomes relevant to study the factors that prevent regular flossing, such as lack of information or lack of motivation. The results of the study will help identify key areas for raising public awareness and developing effective prevention programs.

Keywords: dental floss, oral hygiene, interdental cleaning, floss usage, frequency of hygiene routines, reduce risk of disease, time and cost saving.

Аннотация. Несмотря на широкую доступность информации о гигиене полости рта, использование зубной нити (флосса) остается недостаточно распространенной практикой среди населения. Проведенные исследования показывают, что даже среди людей, регулярно ухаживающих за зубами, многие пренебрегают дополнительными средствами очистки межзубных промежутков, что повышает риск кариеса и заболеваний пародонта. Несмотря на широкую доступность информации о гигиене полости рта, использование зубной нити в России остается крайне низким. Статистические данные свидетельствуют о крайне низкой популярности флосса в России - лишь 15-20% граждан используют его систематически, в то время как в странах с развитой стоматологической культурой этот показатель в два раза выше [1]. Подобная ситуация напрямую связана с высокой распространенностью стоматологических патологий - около 90% взрослого населения страны сталкивается с различными заболеваниями пародонта [2].

Опросы свидетельствуют о низком уровне осведомленности о правильной технике использования флосса, его видах и необходимости применения. При этом часть респондентов не видит в этом необходимости, а другие ссылаются на отсутствие мотивации, времени или высокой стоимости средств гигиены [4]. Особую тревогу вызывает тот факт, что значительная доля опрошенных получает информацию о зубной нити не от стоматологов, а из случайных источников (интернет, знакомые), что может способствовать формированию неверных представлений [3].

В связи с этим актуальным становится изучение факторов, препятствующих регулярному использованию зубной нити, - недостатка информации или отсутствия мотивации. Результаты исследования помогут определить ключевые направления для повышения осведомленности населения и разработки эффективных профилактических программ.

Ключевые слова: зубная нить, гигиена полости рта, межзубная чистка, использование флосса, регулярность гигиенических процедур, снижение риска заболеваний, экономия времени и средств.

Рецензент: Петрова Марина Михайловна - Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ. Первый проректор, зав. кафедрой поликлинической терапии и семейной медицины с курсом ПО. Член рабочей группы РКО «Терапевтические аспекты кардиологической практики», член правления РКО, член центрального совета РНМОТ

Цель работы: проанализировать причины низкой распространенности использования зубной нити среди населения, оценив уровень информированности, мотивации и основные барьеры, препятствующие применению флосса в ежедневной гигиене полости рта.

Материалы и методы: В исследовании приняла участие репрезентативная выборка из 42 респондентов (погрешность $\pm 15\%$, доверительная вероятность 95%), сбалансированная по полу и возрастным группам (18–30, 31–55, 56+ лет). Анкетирование проводилось в 2025 году и включало вопросы о частоте чистки зубов, использовании дополнительных средств гигиены, осведомленности о видах и технике применения флосса, источниках информации, а также причинах отказа от зубной нити. Статистическая обработка данных выполнялась с помощью методов описательной статистики и сравнения относительных показателей в подгруппах. Анализ позволил выявить ключевые факторы, влияющие на применение зубной нити, и определить наиболее эффективные каналы коммуникации для повышения грамотности населения в вопросах гигиены полости рта.

Результаты исследования: Анкетирование студентов и преподавателей ВГМУ им. Н.Н. Бурденко выявило значительные гендерные различия в составе респондентов: женщины составили 73,8% участников исследования, тогда как доля мужчин оказалась существенно ниже - 26,2%. Возрастная структура опрошенных распределилась следующим образом: 42,9% респондентов относятся к возрастной группе 18-30 лет, 33,3% - к категории 31-55 лет, и 23,8% участников представляют возрастную группу 56 лет и старше. По профессиональному статусу выборка разделилась на 40,5% студентов, 11,9% преподавателей и 47,6% других категорий респондентов.

В вопросах гигиены полости рта большинство опрошенных (64,3%) чистят зубы дважды в день, тогда как 31% ограничиваются одной чисткой. Среди дополнительных средств гигиены наиболее популярными оказались ополаскиватель (61,9%) и зубочистки (47,6%), при этом зубную нить регулярно используют 42,9% респондентов. Уровень осведомленности о правильной технике использования флосса оказался невысоким: только 42,9% уверенно владеют этой информацией, а 45,2% выразили неуверенность в своих знаниях. Знания о разновидностях зубной нити (вощёная, невощёная, суперфлосс) продемонстрировали лишь 40,5% участников, тогда как 59,5% не смогли назвать ни одного вида.

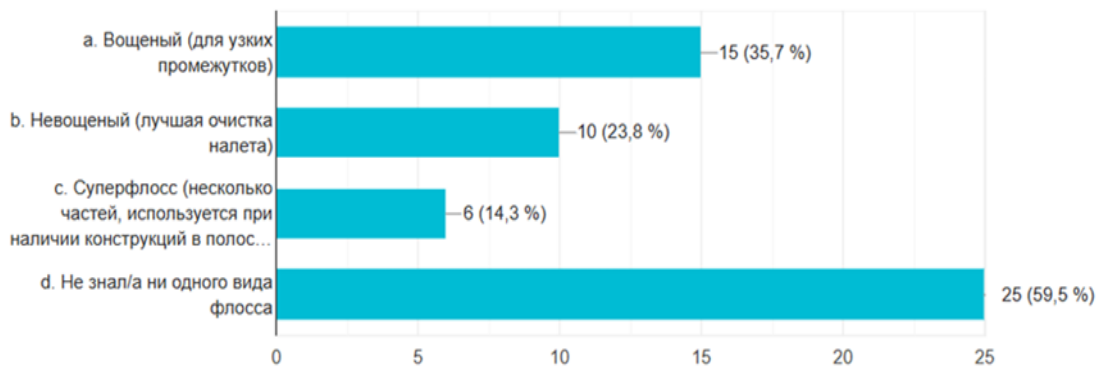

Диаграмма 1. Знаете ли вы о различных видах флосса и их показаниях

Основными источниками информации о зубной нити выступили интернет (42,2%) и стоматологи (26,2%), при этом 9,5% респондентов вообще не располагали какой-либо информацией о флоссе. Среди причин отказа от использования зубной нити 14,3% считают её применение необязательным, 9,5% не знали о её существовании, а 7,1% указали на отсутствие мотивации, при этом ни один участник не сослался на нехватку времени. Подавляющее большинство респондентов (85,7%) оценили уровень информированности населения о зубной нити как недостаточный, а в качестве предпочтительных каналов получения информации назвали консультации стоматологов (35,7%), интернет-ресурсы (23,8%) и образовательные учреждения (23,8%).

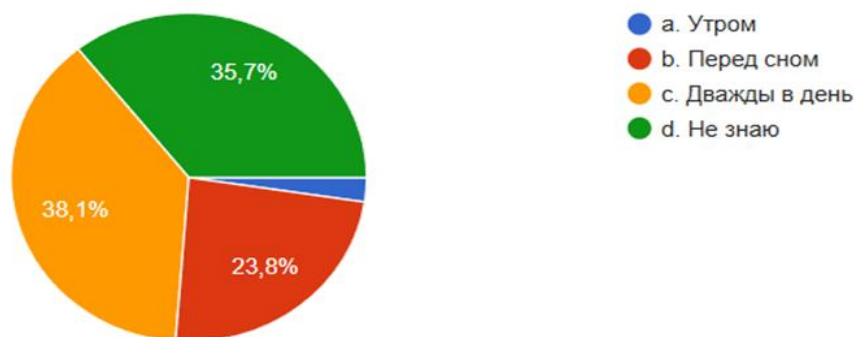

Диаграмма 2. Знаете ли вы, когда нужно использовать флосс.

Закключение: Использование зубной нити (флосса) – важный элемент повседневной гигиены полости рта, помогающий предотвращать кариес, воспаление дёсен и другие стоматологические проблемы. Однако, несмотря на доказанную пользу, многие люди продолжают игнорировать этот инструмент. Основные причины –

недостаток осведомлённости о правильной технике, нехватка времени или убеждённости в достаточности чистки зубов щёткой.

При включении зубной нити в ежедневный уход, отмечается улучшение состояния дёсен, свежесть дыхания и снижение частоты визитов к стоматологу. Популяризация знаний о важности межзубной чистки, а также появление более удобных альтернатив (например, флоссеров или ирригаторов) могут способствовать увеличению числа приверженцев этой полезной привычки. Таким образом, флосс остаётся недооценённым, но крайне эффективным средством гигиены. Его регулярное применение – простой способ сохранить здоровье зубов и дёсен, что в долгосрочной перспективе сэкономит время, деньги и избавит от серьёзных проблем. Внедрение этой практики в повседневность, требует как личной дисциплины, так и просветительской работы со стороны стоматологов.

References

1. Кузьмина Э.М., Янушевич О.О. Распространенность и интенсивность стоматологических заболеваний среди взрослого населения России // Стоматология. - 2018. - Т.97, №4. - С. 81-85.
2. Леус П.А. Эпидемиология болезней пародонта в Российской Федерации // Пародонтология. - 2019. - Т.24, №2(91). - С. 4-9.
3. Иванова А.А., Петрова С.М. Анализ осведомленности населения о средствах гигиены полости рта // Стоматолог. - 2020. - №5. - С. 34-38.
4. Миронова М.В. Современные подходы к гигиеническому воспитанию населения в вопросах профилактики стоматологических заболеваний // Профилактическая медицина. - 2021. - Т.24, №3. - С. 112-117.

INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES AND DIPLOMACY

UDC 342.37

Neznaeva S.A., Brager D.K. Parliamentary monarchy: problems of classification

Neznaeva Sofia Aleksandrovna,
student,

Far Eastern State Transport University

Brager Dmitry Konstantinovich,

candidate of legal sciences, associate professor,
Far Eastern State Transport University

***Abstract.** This article reveals the issue of classification of parliamentary monarchy, common and distinctive features, and also makes a comparison between the identified features of parliamentary monarchy and two existing states.*

***Keywords:** theory of state and law, monarchy, characteristics, distinctive features.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

A parliamentary monarchy is a complex system of government that combines features of a monarchy and a democracy, which makes it difficult to classify unambiguously. Although the presence of a monarch who passes power by inheritance is a feature of a monarchical system, his powers are strictly regulated by the constitution and controlled by an elected parliament. At the same time, the actual governance of the country is carried out by a government formed by parliament and accountable to it, which brings this form of government closer to republican models [9].

The criteria for classifying parliamentary monarchies proposed by different researchers vary. The key factor determining these differences is the degree of involvement of the monarch in the political process.

Despite attempts to classify parliamentary monarchies, a universal and generally accepted system has not yet been developed. The specifics of historical development, political culture and constitutional structure of each country determine significant differences that prevent the creation of a single typology.

The classification of parliamentary monarchies is complicated by the variability of the mechanisms of interaction between the monarch, parliament and government. Existing classification schemes often do not reflect the diversity of political systems, cultural characteristics and historical trajectories, which creates methodological difficulties and gives rise to disagreements in the academic community.

For the analysis of parliamentary monarchy, it is fundamentally important to establish a precise definition of this term. Theoretical models of parliamentary monarchy have undergone significant changes due to the development of political institutions and the transformation of social structures.

A key element in the analysis of parliamentary monarchy is the study of the balance of power between the monarch and parliament, as well as the influence of other government bodies. In this case, it is necessary to take into account the historical conditions and unique features inherent in each specific national model.

The evolution of political systems in Europe towards constitutional monarchies is a complex and multi-stage process. The limitation of monarchical absolutism and the expansion of parliamentary powers became possible due to the complex influence of socio-economic factors, revolutionary events and the institutionalization of democratic principles [5].

The key models of parliamentary monarchy development are the British, Belgian and Dutch, each of which is characterized by specific features determined by the historical, cultural and political context. The constitutional and legal framework of a parliamentary monarchy regulates the distribution of state power, determines the legal status of the monarch in the system of state administration and establishes the procedure for his interaction with parliament. In most cases, the monarch performs primarily representative functions, acting as a symbol of national unity. At the same time, in some cases, the monarch retains certain prerogatives in the areas of foreign policy and defense. Mechanisms of interaction with parliament may include the monarch's right to appoint a prime minister, dissolve parliament and approve legislative acts.

In the framework of this study, a comparative analysis of the interpretations of the features of a parliamentary monarchy presented in textbooks on the theory of state and law by five different authors was conducted.

An analysis of the works of different authors revealed common features of a parliamentary monarchy, but at the same time some discrepancies in their understanding were discovered.

We identified some similarities in the works of the authors of several textbooks, namely Klishas A.A., Bakarjiev Ya.V., Gavrikov V.P., Komarov S.A. and Lazarev V.V.

1. "The government is formed from representatives of a certain party (or parties) that received the majority of votes in the elections to parliament" [3], [4], [5], [6], [7], [9].

2. "The power of the monarch in the legislative, executive and judicial spheres is symbolic, in fact, absent, he "reigns" but does not rule" [3], [4], [5], [6], [7], [9]. 3. "The government, according to the constitution, is responsible not to the monarch, but to the parliament" [3], [4], [5], [6], [7], [9].

I also came across certain differences present in the textbook by Bakadzhiev Ya.V.

1. "The leader of the party with the largest number of parliamentary seats heads the government and becomes the de facto head of the executive branch" [3].

2. "The leader of the party with the largest number of parliamentary seats becomes the head of state" [3].

3. "Legislative acts are adopted by parliament and formally signed by the monarch" [3].

Based on all of the above, we can conclude that there are "common" features of parliamentary monarchies and "additional" ones. Each author highlights his own "additional" features in order to classify a parliamentary monarchy.

Now let's look at the powers of the monarchs of Great Britain and Japan and compare them with the above features. A set of powers known as the Royal Prerogative is formally vested in the British monarch [1].

Here are some of the powers of the British monarch:

1. Opening sessions of Parliament

In the UK, supreme power rests with Parliament, not the monarch. However, the monarch retains certain powers, including the right to open the annual parliamentary session in May, marking the beginning of a new political year [1], [11].

2. Making laws

Parliament makes laws, but they only come into force with the monarch's approval. Parliamentarians seek "Royal Assent" - the monarch's signature, which signifies their agreement to the law [1], [11].

3. Appointing ministers of the Crown

While most government positions in the UK are filled through elections, the monarch has the power to appoint key figures, such as ministers of the Crown, advisers, and cabinet ministers [1], [11].

4. Pardon criminals

The head of state, at his own discretion, has the right to pardon convicted persons. In modern realities, this prerogative is rarely used. Historically, pardon served to cancel death sentences, which are currently not applied. In addition to the complete abolition of punishment, pardon can also be expressed in reducing the term of imprisonment [1], [11].

5. Issue/withdraw passports

The issuance of each British passport is sanctioned by the monarch, and he can also deprive a citizen of this document [1], [11].

6. Command the armed forces

In the UK, the monarch is the head of all armed forces. The oath of allegiance to the monarch is a mandatory ritual for everyone who joins the ranks of the British army [1], [11].

7. Declare war

Only the monarch in the UK has the power to declare war on other states [1], [11].

8. Dissolve parliament

The monarch has the power to stop the current parliament and call new elections if he deems it necessary [1], [11].

9. Grant honorary titles

The British monarch has the right to personally award honorary titles to outstanding citizens in recognition of their merits. The basis for the award can be a wide range of achievements, from charity and art to scientific discoveries. The most common of these titles are knight (sir) and dame [1], [11].

Let's consider each of the prerogatives separately and compare them with the features of a parliamentary monarchy.

1. Open sessions of parliament

In general, this procedure is purely formal and ceremonial, so there is nothing unusual about it.

2. Give legal force to laws

The monarch can reject a law proposed by parliament, and therefore have power over it. A parliamentary monarchy excludes this.

3. Appoint ministers of the Crown

This prerogative directly affects the monarchy. The monarch can independently appoint a minister without consulting parliament, which means that the monarch does not completely lose power. This also contradicts a parliamentary monarchy.

4. Pardon criminals

The monarch can influence the judicial system bypassing parliament, reducing the criminal's sentence or pardoning them. This also gives the monarch power independent of parliament.

5. Issue/remove passports

The right to withdraw a passport from a citizen means depriving him of the privileges of possessing this very passport. Which can also be done bypassing parliament.

6. Command the armed forces

7. Declare war

These privileges directly affect the country's foreign policy, and mean that parliament does not control this part.

8. Dissolve parliament

This prerogative is a direct influence on parliament, changing its structure. This completely contradicts the characteristics of a parliamentary monarchy.

9. Grant honorary titles

Honorary titles are the status of a citizen. This means that the monarch can change the status of any person he deems necessary. This also contradicts the statement "the monarch reigns, but does not rule."

To summarize, we can see that the powers of the monarch include such prerogatives that contradict the characteristics of a parliamentary monarchy, namely: "the monarch reigns, but does not rule." Looking at his powers, it is quite possible to conclude that the monarch of Great Britain is endowed with more power than a parliamentary monarchy allows itself.

Articles 3 and 4 of the Constitution of Japan clearly delineate the role of the Emperor, depriving him of any powers in the sphere of state power. Any actions of the Emperor related to state affairs are carried out solely on the basis of consultation and with the approval of the Cabinet, which bears full responsibility for these actions [2]. Below are some key factors that help to understand why Japan may deviate from the generally accepted idea of a parliamentary monarchy:

1. In modern Japan, the Emperor, currently Naruhito, is primarily a symbol of the state. Unlike monarchs in some other countries with a parliamentary system, he does not have political power and performs mainly ceremonial duties.

2. The Constitution of Japan, dated 1947, enshrines the Emperor's status as a "symbol of the state and the unity of the people." This provision of constitutional law distinguishes the powers of the Emperor from those of the head of state, defining his role as symbolic.

3. The Japanese parliament, or National Assembly, has a bicameral structure consisting of the House of Representatives and the House of Councilors. At the same time, the key role in the legislative process is assigned to the parliament, which is formed through direct elections. The Prime Minister, who heads the government, is elected from among the deputies of the lower house, the House of Representatives.

4. In Japanese politics, the key role is played by the Liberal Democratic Party (LDP), which has long been the ruling party. Its dominant position has a significant impact on political processes and government decision-making.

5. The Japanese monarchy, which has its roots deep in history, has undergone significant transformations. A particularly important period was the post-World War II era,

when Japan transitioned to a democratic form of government, which significantly affected the political system and, as a result, the role of the emperor [8]. Thus, unique historical features, an emphasis on the symbolic role of the emperor and a political structure in which real power is concentrated in parliament and the government make Japan's system special. Although the country is formally a parliamentary constitutional monarchy, its structure differs from the classical understanding of this type of government.

References

1. Constitution of the United Kingdom. – URL: <https://legalns.com> (date of access: 16.04.2025).
2. Constitution of Japan. – URL: <https://legalns.com> (date of access: 16.04.2025).
3. Bakargiev Ya. V., Romashov R. A., Rybakov V. A. Theory of State and Law in 2 Parts. Part 1. - Moscow: Yurait, 2024. - 196 p.
4. Gavrikov, V. P. Theory of State and Law: textbook and workshop for secondary vocational education / V. P. Gavrikov. - 2nd ed., revised. and additional. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 461 p.
5. Komarov, S. A. General Theory of State and Law: textbook for universities / S. A. Komarov. - 10th ed., corrected. and additional. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 528 p.
6. Klishasa, A. A. Theory of State and Law: textbook / Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute. - Moscow: Statut, 2019. - 512 p.
7. Lazarev, V. V. Theory of State and Law: textbook for universities / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. - 5th ed., corrected. and additional. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 521 p.
8. Likh, M. A. The Institute of Monarchy in Japan, its Features // Bulletin of the International Institute of Economic Policy. – 2014. – No. 2 (15). – P. 56–62.
9. Melehin A.V. Theory of State and Law: Textbook with Teaching Aids. – 2nd ed., supplemented and revised. – Moscow, 2009. – 545 p.
10. Salikov D.Kh. The Place and Role of the Monarch in the System of State Power in Modern Great Britain // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2015. – No. 10. – P. 151–156.
11. Bobrova O.D. The Monarch of Great Britain: Peculiarities of the Status as Head of State // Contentus. – 2023. – No. 9.

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 34

Opilat M.V. Section of residential premises purchased using funds of the maternal (family) capital

Раздел жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала

Opilat Maria Vladimirovna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law
at the Kemerovo State University Law Institute.

Опилат Мария Владимировна,
старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института
Кемеровского Государственного Университета.

Abstract. The author analyzes certain provisions of the Federal Law "On additional measures of state support for families with children" dated December 29, 2006 No. 256-FZ. The article discusses some of the problems of dividing residential premises acquired using the funds of the maternal (family) capital.

Keywords: family, maternity capital, real estate, social security, improvement of housing conditions, shared ownership.

Аннотация. Автор анализирует отдельные положения Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ. В статье рассматриваются некоторые проблемы раздела жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала.

Ключевые слова: семья, материнский капитал, недвижимость, социальное обеспечение, улучшение жилищных условий, долевая собственность.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Правовое регулирование данной проблематики, которая безусловно существует в настоящее время, по сути, ограничивается двумя правовыми актами: Семейным Кодексом Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ и Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ.

В настоящее время под материнским капиталом понимаются средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных настоящим Федеральным законом (ст. 2

Закона № 256-ФЗ). Условно можно сказать, что это одна из мер государственной поддержки, направленных на увеличение рождаемости детей в Российской Федерации.

В соответствии с ч. 3 ст. 7 Закона № 256-ФЗ лица, получившие сертификат, могут распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объеме либо по частям по следующим направлениям:

- 1) улучшение жилищных условий;
- 2) получение образования ребенком (детьми);
- 3) формирование накопительной пенсии женщиной или мужчиной, имеющим право на получение материнского капитала (за некоторым исключением);
- 4) приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов;
- 5) получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет.

Отметим, что Федеральным законом от 28.02.2025 № 24-ФЗ «О внесении изменения в ст. 13 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» действие программы материнского капитала продлено до конца 2030 года, при этом сам срок использования материнского капитала временем не ограничен. Владелец сертификата может использовать его в любое время по своему усмотрению (ч. 6, 6.1 ст. 7 Закона № 256-ФЗ).

Безусловным преимуществом такого сертификата является и то, что его можно расходовать одновременно на несколько целей: например, часть средств направить на улучшение жилищных условий, а часть на получение образования детей или получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (ч. 4 ст. 7 Закона № 256-ФЗ).

Кроме того, согласно ФЗ от 26.12.2024 № 495-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», Постановлению Правительства РФ от 04.02.2025 № 101 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» с 01.01.2025г. для покупки жилого помещения за счет средств материнского капитала требуется заключение о его пригодности для проживания.

Обязанность по выделению долей в жилом помещении несовершеннолетним детям предусмотрена ст. 10 Закона № 256-ФЗ, согласно которой средства (часть средств) материнского капитала в соответствии с заявлением о распоряжении могут направляться:

- 1) на приобретение (строительство) жилого помещения, включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах;

2) на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства, реконструкцию дома блокированной застройки;

3) на строительство объекта индивидуального жилищного строительства.

Пунктом 4 указанной статьи предусмотрена обязанность лица, получившего сертификат, его супруга оформить жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Правовая конструкция данной статьи, к сожалению, не предусматривает конкретный размер долей, которые должны быть выделены супругам и несовершеннолетним детям. Однако исходя из сложившейся практики, в т.ч. и судебной, следует, что размер долей на детей выделяется пропорционально вложенным средствам МСК.

Следует отметить, что в данном случае не действует запрет на совершение действий с долями в праве собственности на жилое помещение, если в результате таких действий площадь помещения, приходящаяся на долю каждого из собственников, составит менее 6 кв. м общей площади такого помещения на каждого собственника (ч. 4 ст. 10 Закона № 256-ФЗ; [п. 15](#) (1) Постановления Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий»).

При этом, законом о материнском капитале предусмотрен обязательный выдел долей на всех членов семьи в режиме общей долевой собственности. Указанная специальная норма требует выполнения таких действий от супругов в императивном порядке.

Если супруги достигли соглашения о выделе долей, то спор, соответственно, отсутствует. Такое соглашение о выделе долей в жилом помещении, приобретенном за счет средств материнского капитала, супруги могут составить и без его нотариального удостоверения. Вместе с тем, выделение супругами долей в простой письменной форме - без оказания помощи нотариуса, на практике, чаще всего, являются не верно рассчитанными, так как родители не включают в расчет своих совершеннолетних детей.

Однако, соглашение об определении размеров долей в праве общей собственности родителей и детей на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала и совместных средств супругов, содержащее по выбору супругов элементы брачного договора или соглашения о разделе общего имущества супругов, должно быть нотариально удостоверено (Письмо

Министерства юстиции РФ от 15 июля 2020 г. № 12/79244-МБ «О виде и форме сделки, заключаемой во исполнение обязательства получателя государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, по приобретению объекта недвижимости в общую долевую собственность второго супруга и детей»).

При этом обратим внимание, что доли выделяются на всех детей именно матери и ее супруга, если они состоят в зарегистрированном браке. Если же отец ребенка не состоит с матерью в зарегистрированном браке, то доля на него не выделяется.

Однако на практике часто встречаются ситуации, когда доли на детей выделены, а между супругами продолжает действовать режим общей совместной собственности либо соглашение о размере долей между ними не достигнуто.

Ответ на этот вопрос также дает Письмо Министерства юстиции РФ от 15 июля 2020 г. № 12/79244-МБ: в случае, если жилое помещение приобретено не только за счет средств материального капитала, но и за счет собственных средств супругов, для оформления жилого помещения, приобретенного в общую долевую собственность родителей (супругов) и детей должно быть прекращено право совместной собственности супругов на данный объект.

Таким образом, исходя из анализа норм ст.ст. 7, 10 Закона о материнском капитале, ст.ст. 38, 39 Семейного кодекса РФ и действующей судебной практики следует, что жилое помещение по указанным правилам подлежит разделу следующим образом: доля в имуществе, которая была оплачена за счет средств материнского капитала делится в равных долях между супругами и родителями, а остальная часть имущества признается совместной собственностью и подлежит разделу исключительно между супругами, так как дети не имеют права на долю в общей совместной собственности супругов.

Нередко на практике приходится сталкиваться и со следующим вопросом – выдел доли бывшему супругу. Такая проблема возникает, когда сертификат был получен в браке и супруги реализовали его в качестве первого взноса на покупку жилого помещения или погашения основного долга либо процентов за ипотеку, однако потом развелись. При этом направление средств материнского капитала на погашение основного долга по договору купли-продажи жилого помещения с рассрочкой платежа до достижения ребенком трех лет недопустимо (п. 4 Обзора, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016г). Зачастую супруги, к сожалению, не знают о том, что даже спустя несколько лет после расторжения брака все равно придется выделять долю бывшему супругу, даже если детские доли ранее были выделены.

Кроме того, обозначенная проблема осложняется еще и тем, что дети могут быть рождены в разных браках. Это означает, что при продаже жилого помещения с использованием средств материнского капитала, необходимо получить разрешение бывшего супруга. Действующий супруг также может возражать против выдела долей, спорить относительно их размера, находиться в длительной командировке или местах лишения свободы, что может привести к невозможности получения такого согласия.

Анализ действующей судебной практики подтверждает, что доли в праве на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, определяются исходя из равенства долей родителей и детей исключительно на средства материнского (семейного) капитала, а не на все средства, за счет которых была приобретена квартира.

При разделе жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского капитала, суды применяют общий вышеуказанный порядок. Однако, поскольку средства материнского капитала не подлежат разделу и являются целевыми денежными средствами, которые выплачиваются из федерального бюджета, то следует учитывать не только нормы публичного права, но и специальные, частноправовые.

В соответствии со ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов, а также в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов в общем имуществе супругов. Общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению. Соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, должно быть нотариально удостоверено. Ст. 39 СК РФ также установлено, что при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами, то есть презумпция равенства долей.

Исходя из приведенных норм следует, что раздел жилого помещения, находящегося под обременением в виде ипотеки или залога банка не является препятствием к его разделу как вовремя брака, так и после его расторжения.

Определенную ясность в данный вопрос внес в свое время Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016г., согласно которым исходя из положений части 4 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2006г. № 256-ФЗ следует, что законодатель определил вид собственности на жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского капитала, - общая долевая собственность родителей и детей.

Пунктом 11 вышеуказанного Обзора установлено, что наличие обременения в виде ипотеки на приобретенный за счет средств материнского (семейного) капитала объект недвижимости (жилой дом, квартиру) не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования супругов о разделе данного имущества и определении долей детей в праве собственности на это имущество (обзор).

Подводя итог отметим, что Законом № 256-ФЗ определен круг субъектов, в чью собственность поступает жилое помещение, которое был приобретено с использованием средств материнского (семейного) капитала, а также установлен вид собственности - общая долевая. Таким образом, несовершеннолетние дети также признаются участниками общей долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского (семейного) капитала.

Отметим также, что при невыполнении владельцем сертификата обязанности по оформлению жилого помещения, приобретенного за счет средств материнского капитала, в общую долевую собственность родителей и детей, указанных лиц можно обязать оформить жилое помещение в общую долевую собственность в судебном порядке.

References

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 04.02.2025 № 101 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.10.2023 № 2-КГ23-5-К3 (УИД 35RS0009-01-2022-000882-77), от 28.03.2023 № 78-КГ23-2-К3 (УИД 78RS0015-01-2020-001261-37), от 15.06.2021 № 49-КГ21-13-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016г. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Письмо Министерства юстиции РФ от 15 июля 2020 г. № 12/79244-МБ «О виде и форме сделки, заключаемой во исполнение обязательства получателя государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, по приобретению объекта недвижимости в общую долевую собственность второго супруга и детей» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Левушкин А.Н. Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству / А.Н. Левушкин // Наследственное право. 2021. № 1. С. 17 - 20.

10. Левушкин А.Н. Юридические факты в семейном праве России и других государств - участников СНГ / А.Н. Левушкин // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 11 - 14.

11. Чашкова С.Ю. Защита права собственности на жилое помещение членов семьи при реализации дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей / С.Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 35 - 43.

12. Чашкова С.Ю. Круг членов семьи, имеющих право на жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств материнского (семейного) капитала / С.Ю. Чашкова // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 43 - 47.

UDC 343

Zalikhanova L.I., Akezhev A.A. Distinguishing arbitrariness from unapproachable behavior

Отграничение самоуправства от непроступного поведения

Zalikhanova Leila Ibragimovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Kabardino-Balkarian State University, Institute of Law, Economics and Finance

Akezhev Amirkhan Alimovich

Master's degree, Criminal Law, Criminology, Kabardino-Balkarian State University, Institute of Law, Economics and Finance

Залиханова Лейла Ибрагимовна
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарский государственный университет, Институт права, экономики и финансов
Акежев Амирхан Алимович

магистр, направление уголовное право, криминология, Кабардино-Балкарский государственный университет, Институт права, экономики и финансов

Abstract. *The article presents an analysis of some of the problems of determining the composition of criminally punishable arbitrariness and its separation from administrative offenses and civil law torts. This issue is relevant in connection with the problems of bringing to justice for arbitrariness that arise in the practice of investigative bodies and courts.*

Keywords: *arbitrariness, criminalization, administrative misconduct, damage.*

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых проблем определения состава уголовно-наказуемого самоуправства и его отграничения от административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов. Данный вопрос является актуальным в связи с возникающими в практике следственных органов и судов проблемами привлечения к ответственности за самоуправство.

Ключевые слова: самоуправство, криминализация, административный проступок, ущерб.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Для правонарушений, имеющих смешанную противоправность, то есть предусмотренных в законах разных отраслей права, наиболее актуальным вопросом выступает определение отраслевой принадлежности совершенного девиантного поведения. Варианты самоуправного поведения предусмотрены в различных законах, что требует исследования проблемы разграничения уголовно наказуемого самоуправства и смежных правонарушений.

Между преступлением и иными правонарушениями существуют тесная взаимосвязь и взаимодействие. Об этом свидетельствует, во-первых, постоянно

происходящий процесс декриминализации, в результате которого деяния, признаваемые ранее преступлениями, могут переводиться в ранг иных правонарушений. Во-вторых, общественные отношения, на которые посягают смежные проступки, охраняются и уголовно-правовыми средствами, и мерами воздействия, предусмотренными в других отраслях права. По вопросу о разграничении преступлений и административных правонарушений (и иных проступков) в литературе существуют две точки зрения.

Общественная опасность как свойство каждого преступления производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения является той границей, по которой следует проводить отличие преступления от иных правонарушений. Вместе с тем общественную опасность характеризуют все элементы состава преступления и, соответственно, социальную вредность проступка, поэтому ограничительные признаки необходимо искать во всех элементах состава правонарушения.

Самоуправство как административный проступок (ст. 19.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях) определяется как самовольное, вопреки установленному федеральным законом или иным нормативным правовым актом порядку осуществление своего действительного или предполагаемого права, не причинившее существенного вреда гражданам или юридическим лицам.

Сопоставление уголовного и административного законодательства позволяет утверждать, что объекты уголовно наказуемого самоуправства и аналогичного административного правонарушения совпадают. Непосредственным объектом административно наказуемого самоуправства выступает установленный государством порядок осуществления своих прав. Вместе с тем необходимо заметить, что дополнительный объект в административно наказуемом самоуправстве исключается, поскольку вред не является конструктивным признаком правонарушения, предусмотренного ст. 19.1 КоАП РФ.

Одним из признаков объективной стороны самоуправства как административного проступка является осуществление виновным своего действительного или предполагаемого права. Как мы доказали, уголовно наказуемое самоуправство характеризуется не только совершением этих действий, но и иным самоуправным поведением (например, захват земли). Таким образом, объективная сторона преступного самоуправства сформулирована шире, чем у административного правонарушения.

При описании объективной стороны самоуправства как административного правонарушения законодатель вполне обоснованно не указывает обязательность оспариваемости правомерности действий самоуправца. Такой подход представляется

более удачным и, как мы уже отмечали, он должен быть заимствован при подготовке нового уголовного закона; о борьбе с преступным самоуправством.

Наличие либо отсутствие признака существенности причиненного вреда, наступившего в результате самовольных действий лица, является наиболее важным критерием разграничения уголовно наказуемого и административно взыскиваемого самоуправства. Самоуправство как административный проступок не причиняет существенного вреда правоохраняемым интересам. Это означает, что если вопрос о существенности преступных последствий остается не решенным либо решенным не до конца, то действия виновных могут быть расценены лишь как проступок, но не преступление.

Вместе с тем основная сложность установления вреда заключается в том, что данный признак относится к оценочным категориям. В этом плане следует рекомендовать правоприменителю использовать выработанные критерии определения существенности вреда. В частности, по каждому делу следует учитывать:

- а) характер причиненного вреда;
- б) размер причиненного ущерба;
- в) продолжительность развития негативных изменений в объекте уголовно-правовой охраны, вызванных самоуправным поведением виновного.

Следует указать различные формулировки описания потерпевших от самоуправства в уголовном и административном законе. Используемая в Кодексе РФ об административных правонарушениях формулировка «гражданам или юридическим лицам», на наш взгляд, более предпочтительна, чем формулировка УК РФ: «организацией или гражданином», так как понятие юридического лица шире термина «организация». Очевидно, в случае неостребованности предложенной нами редакции ст. 330 УК РФ законодателю следует унифицировать в этой части понятия административно и уголовно наказуемых самоуправств.

Наличие в уголовно наказуемом самоуправстве преступных последствий и отсутствие таковых при совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.1 КоАП РФ, свидетельствует о том, что они отличаются по способу описания объективной стороны состава правонарушения и моменту окончания. Преступное самоуправство окончено с момента причинения существенного вреда, тогда как административно наказуемое самоуправство является оконченным с момента совершения самоуправных действий.

Субъективные признаки исследуемых деликтов, относящиеся к субъекту и субъективной стороне состава правонарушения, полностью совпадают.

Изучение правоприменительной практики показывает, что вопрос о разграничении

преступного самоуправства и деяния, преследуемого в административном порядке, не всегда решается правильно. В результате к уголовной ответственности подчас привлекаются лица, которые должны нести административную ответственность. Так, распространены случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 330 УК РФ за ненасильственное изъятие имущества у недобросовестного должника, нарушившего установленные договором сроки, совершенное кредитором с целью погашения долга. Здесь следует отметить, что если стоимость самоуправно изъятых имущества не превышает суммы долга, при ненасильственном способе его изъятия, на наш взгляд, нельзя говорить о существенном вреде законным интересам должника.

Резюмируя изложенное, отметим, что состав самоуправства как административного правонарушения налицо, если отсутствуют последствия в виде существенности вреда, не применяется насилие или угроза его применения, а также если имеет место причинение вреда только одному объекту правовой охраны.

Значительные сложности вызывает разграничение самоуправства и самозащиты гражданских прав, поэтому представляется целесообразным подробно остановиться на этой проблеме.

В юридической науке под самозащитой гражданских прав понимается совершение управомоченным лицом не запрещенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов, интересов и прав других лиц и государства. Самозащита логически вытекает из принципа диспозитивности, провозглашенного ст. 9 ГК РФ, в которой сказано: «Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права».

Законодатель определяет право на самозащиту в общих чертах, не пытаясь его детализировать. Вместе с тем в ст. 13 ГК РФ перечисляет пути, по которым можно защищать гражданские права, и одним из таких способов названа самозащита. «Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению, и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» (ст. 14 ГК РФ). Тем самым самозащита гражданских прав может осуществляться разными путями, начиная с простого удержания вещи и кончая активными действиями вплоть до применения насилия.

В цивилистике способ самозащиты определяется как действие или система действий по защите гражданских прав, принимаемые управомоченным на то в силу закона или договора лицом, без обращения в соответствующие государственные и иные правоохранительные органы.[1] Выбор способа самозащиты зависит от характера и степени опасности нарушения. Как правило, закон устанавливает, на случай совершения определенного нарушения, конкретные способы защиты нарушенных прав

без обращения потерпевших в государственные или иные органы. Например, если должник не исполнил в срок обязательства по оплате вещи, находящейся у кредитора и подлежащей передаче должнику, или возмещению связанных с ней издержек и других убытков, кредитор может удерживать эту вещь до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет выполнено. Кроме того, правом удержания обладает подрядчик в отношении результата выполненных работ при неисполнении контрагентом встречных обязательств, связанных с расчетами (ст. 712 ГК РФ), перевозчик - в отношении перевозимого груза и багажа (ст. 790 ГК РФ) и т.п.

Между тем важным является правильность выбора того или иного способа самозащиты, поскольку при несоблюдении таких условий действия по самозащите нарушенных прав могут перерасти в правонарушения (злоупотребление правом, самоуправство).

В теории гражданского права определяется, что правомерность самозащиты возможна при соблюдении следующих условий:

- защите подлежит только действительное право;
- вред, причиненный реализацией права на самозащиту, не должен явно не соответствовать реальному или возможному предотвращенному вреду;
- способы самозащиты не должны выходить за пределы действий, необходимых для их реализации.

Отсутствие хотя бы одного из этих условий порождает у лица, против которого применяется самозащита, право на возмещение причиненных убытков.

Таким образом, между нормами о самоуправстве и самозащите наблюдается тесная связь: самоуправное поведение является способом осуществления своих прав, который по сравнению с самозащитой должен быть обозначен как недопустимый. Более того, зафиксированная уголовно-правовая норма о самоуправстве призвана установить ограничения в применении самостоятельной (негосударственной) защиты прав и свобод человека.

Однако гражданское законодательство конкретизирует основные условия самозащиты гражданских прав, которые могут послужить ограничительными критериями от уголовно наказуемого самоуправства.

Основным является наличие юридического состава, то есть совокупности юридических фактов, как порождающих право на осуществление самозащиты, так и определяющих ее соразмерность. Согласно принципам самозащиты право, принадлежащее лицу и защищаемое путем самозащиты, должно быть действительным, приобретенным согласно способам, указанным в ст. 8 ГК РФ, то есть либо быть прямо предписанным в законе, либо основываться на действиях граждан и юридических лиц,

которые хотя и не предусмотрены в законе, но порождают гражданские права и обязанности. Кроме того, гражданское право предоставляет сторонам самим определять свои взаимоотношения, и их содержание отражается в преобладании диспозитивных гражданско-правовых предписаний, обычно содержащих возможность участникам самостоятельно избирать наиболее для них целесообразный вариант поведения. Более того, они вольны по своему усмотрению использовать или не использовать предоставленные гражданским правом средства защиты их интересов.[2] В этом плане следует заметить, что теряет смысл существование нормы о самоуправстве как осуществлении каких-либо действий, правомерность которых оспаривается. Несостоятельность абстрактной дефиниции «какие-либо действия», а также оспаривания самоуправных действий как условия привлечения к уголовной ответственности за самоуправство подтверждается также условиями осуществления самозащиты гражданских прав.

Различия, как нам представляется необходимо проводить и по степени причиненного вреда. Суть этого критерия, отграничивающего самоуправство от самозащиты гражданских прав, заключается в том, что вред, наносимый в процессе осуществления способов самозащиты, не должен явно не соответствовать реальному или возможному вреду от нарушения. Следовательно, для признания содеянного самоуправством должен быть установлен факт причинения существенного вреда.

Факт существенности вреда, являющийся необходимым признаком объективной стороны самоуправства, подлежит обязательному установлению. В этом смысле явное несоответствие реальному вреду, который причиняется праву лица, получающему в результате этого возможность применения самозащиты, выражается в причинении существенного материального, морального, организационного вреда.

В гражданском праве под вредом понимается всякое умаление личного или имущественного блага. С этой точки зрения различаются моральный и материальный вред. Материальный вред представляет собой имущественные потери - уменьшение стоимости поврежденной вещи, уменьшение или утрата доходов, необходимость новых расходов. В этом смысле понятие существенности вреда, причиняемого самоуправством, поглощается понятием вреда в гражданско-правовом смысле, ибо гражданское право не устанавливает определенный размер убытка, превышение которого должно караться мерами, более строгими, чем гражданско-правовые взыскания.

Характеризуя оценочное понятие существенности вреда при самоуправстве, мы отмечали, что таковой, помимо материальных убытков и упущенной выгоды, может включать и другие последствия. В связи с этим обратимся к определению морального

вреда, используемому в гражданском праве. Моральный вред определяется как физические или нравственные страдания гражданина, вызванные нарушением его личных неимущественных прав или умалением иных его личных (нематериальных) благ - посягательствами на его честь, достоинство, неприкосновенность личности, здоровье и т.п. (ст. 151 ГК РФ). Моральный вред может влечь имущественные потери (то есть быть источником материального вреда) либо, не причиняя прямых материальных потерь, нанести иные неприятные последствия (умаление его чести, причинение физического, организационного вреда и т.д.).

Некоторые исследователи отмечают обязательность признака времени совершения самозащиты, обоснованно полагая, что недопустима самозащита права после окончания нарушения, так как эти действия будут выходить за пределы, допускаемые законом, и будут носить характер самоуправства либо злоупотребления правом.[3]

Пределы применения мер самозащиты определяются теми основаниями, при наличии которых управомоченное лицо вправе прибегнуть к ним, а также условия их правомерной реализации. Если такие условия предусмотрены в законе, то они носят общеобязательный характер, если же стороны достигли соглашения о применении в случае нарушения обязательства иных способов самозащиты, то, соответственно, пределы применения и реализации этих способов устанавливаются сторонами самостоятельно, сообразно с принципом свободы договора в гражданском праве.

Пределы осуществления гражданских прав - это законодательно очерченные границы деятельности управомоченных лиц по реализации возможностей, составляющих содержание данных прав. Пределы осуществления самозащиты гражданских прав могут определяться правилами о недопустимости или допустимости тех или иных способов их осуществления. Пределы применения мер самозащиты определяют те основания, при наличии которых управомоченное лицо вправе прибегнуть к ним, а также условия правомерной их реализации. При самостоятельной защите, например, нарушенного права собственности на имущество или отдельного его правомочия (владения, пользования или распоряжения) лицо, имеющее намерение прибегнуть к самозащите путем причинения физического вреда нарушителю, должно потребовать от последнего воздержаться от противоправных действий.

Следует отметить, что превышение пределов самозащиты гражданских прав может проявляться не только в самоуправстве, но и в злоупотреблении правом. Злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного

ему общего типа поведения.[4]

В теории гражданского права формы злоупотребления правом классифицируют на два вида: а) злоупотребление правом, совершенное в форме действия, осуществленного исключительно с намерением причинить вред другому лицу; б) злоупотребление правом, совершенное без намерения причинить вред, но объективно причиняющее вред другому лицу.[5]

Таким образом, необходимо констатировать, что действующая редакция нормы о самоуправстве значительно осложняет соотношение исследуемых деликтов. Их разграничение необходимо проводить по условиям правомерности самозащиты гражданских прав. Самоуправство будет иметь место тогда, когда осуществляемое лицом право не предусмотрено ст. 8 ГК РФ, степень причиненного вреда свидетельствует о его существенности и, наконец, способы и пределы самозащиты не вытекают из оснований, при наличии которых управомоченное лицо вправе прибегнуть к ним.

References

1. Страунинг Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав. Учебное пособие. М. 2002. С. 93.
2. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.] ; отв. ред. — Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 720 с. — (Серия «Классический университетский учебник» / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова). С. 34.
3. Свердлых Г.А., Страунинг Э.Л. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав // Государство и право. 1998. № 11. С. 17-24.
4. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. С.68.
5. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. М., 2002. С. 586.

UDC 343

Zalikhanova L.I., Gorchkhanov T.V. Improvement of measures to prevent crimes in the field of customs activity

Совершенствование мер по предупреждению преступлений в области таможенной деятельности

Zalikhanova Leila Ibragimovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminology
Kabardino-Balkarian State University,
Institute of Law, Economics and Finance

Gorchkhanov Timerkhan Vakhtangovich

Master's degree in Criminal Law, Criminology, Kabardino-Balkarian State University,
Institute of Law, Economics and Finance

Залиханова Лейла Ибрагимовна
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики

Кабардино-Балкарский государственный университет,
Институт права, экономики и финансов
Горчханов Тимерхан Вахтангович

магистр, направление уголовное право, криминология, Кабардино-Балкарский государственный университет,
Институт права, экономики и финансов

Abstract. *In modern society, the problem of countering customs offenses is becoming increasingly important. They are part of an extensive group of economic offenses and have their own characteristics that require a unique approach within the framework of criminological assessment. The article is devoted to the analysis of the crime prevention system in the field of customs activity. A system for improving the quality of this work is proposed in the direction of improving criminal law instruments and directly practical techniques and methods of this struggle.*

Keywords: *smuggling, customs activities, crime, prevention, prevention.*

Аннотация. *В современном обществе проблема противодействия правонарушениям в области таможенной сферы приобретает все большее значение. Они входят в обширную группу экономических правонарушений и обладают своими характеристиками, которые требуют уникального подхода в пределах криминологической оценки. Статья посвящена анализу системы предупреждения преступлений в сфере таможенной деятельности. Предложена система улучшения качества этой работы по направлению совершенствования уголовно-правовых инструментов и непосредственно практических приемов и методов этой борьбы.*

Ключевые слова: *контрабанда, таможенная деятельность, преступление, профилактика, предупреждение.*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Одной из важнейших задач уголовно-правовой стратегии государства в настоящее время является формирование эффективной структуры борьбы с преступлениями в сфере таможенной деятельности.

Преступления в сфере таможенной деятельности следует определять как действия или бездействия, явно запрещенные уголовным законом, которые могут навредить порядку и условиям перемещения товаров через таможенную границу, взиманию таможенных платежей, процессу таможенного оформления, контролю и прочим механизмам, вовлеченным в таможенную область.

Планы по противодействию преступлениям в области таможенной сферы требуют не только эффективности, но также гибкости, способности к адаптации к меняющимся обстоятельствам и ситуациям на глобальных рынках. Важно осознавать, что незаконная передача технологий, научно-технической информации и услуг, применяемых для производства вооружения и военной техники, а также другие противоправные действия, включая уклонение от уплаты таможенных платежей и контрабанду, рассматриваются как серьезные нарушения законодательства. Такие преступления как незаконная вывозка опасных технологий, отказ от возврата ценностей культурного наследия и уклонение от уплаты пошлин. Эти поступки могут вызвать серьезные консеквенции как для страны, так и для общества в целом.

В соответствии со статьями 189, 190, 194 и прочими положениями Уголовного кодекса России, незаконные манипуляции в области таможенного бизнеса подлежат строгим наказаниям. Для увеличения эффективности юридической системы нужно обратить специальное внимание на исправление данных сложностей и усовершенствование взаимодействия между разнообразными инстанциями. Только таким способом возможно гарантировать соблюдение закона и обеспечить защиту прав всех участников процесса применения законов.

У таможенной службы есть несколько важных задач, в частности, комплексное обеспечение полного и своевременного поступления в бюджет платежей за товары, которые ввозят в Россию, предотвращение незаконного ввоза товаров, запрещенных к свободному обороту. С 1 апреля 2024 года установлена ответственность за незаконное перемещение через госграницу РФ алкогольной и табачной продукции. Продукцию внесли в правительственный перечень стратегически важных товаров и ресурсов, за незаконное перемещение которых через госграницу РФ или таможенную границу ЕАЭС наступит ответственность уже по ст. 226.1 УК РФ. Соответственно с этого срока статья 200.2 об ответственности за незаконное перемещение только через таможенную границу Таможенного союза утратила силу.

Статистика показывает, что количество уголовных дел в сфере таможенного дела

имеет тенденцию к снижению. Так, общее количество дел в 2023 году составило 1827, что меньше, чем в предыдущие годы.[1]¹ Особенно заметно сокращение дел по статьям, связанным с контрабандой наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих, ядовитых, взрывчатых веществ, а также уклонением от уплаты таможенных платежей, что подтверждает повышение эффективности работы таможенных и иных правоохранительных органов в сфере предупреждения и пресечения преступлений в таможенной сфере. Так, уголовные дела по признакам статьи 194 УК РФ об уклонении от уплаты таможенных платежей, возбуждаемые таможенными органами РФ, характеризуются значительным количеством и тесно переплетены с административными правонарушениями, связанными с незаконным трансграничным перемещением товаров и денежных средств. Важно отметить, что такие административные правонарушения не образуют состав преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, в частности, при перемещении товаров, не отнесенных к предметам преступления согласно закону.[2]² Этот факт свидетельствует о том, что масштабы нелегальной деятельности в сфере таможенного законодательства значительно шире, чем кажется на первый взгляд, и требует тщательного изучения и разработки эффективных мер противодействия. Незаконное перемещение товаров подлежит квалификации как административное правонарушение, а уклонение от уплаты таможенных платежей в крупных размерах рассматривается как преступление, предусмотренное статьей 194 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно статистике, количество правонарушений, связанных с контрабандой, остается высоким, что подчеркивает необходимость четкой формулировки ее понятия и содержания. Административное законодательство содержит определение признаков незаконного перемещения товаров, таких как транспортировка товаров и транспортных средств международной перевозки через границу в обход установленных пунктов пропуска.[3]³ Однако в диспозиции ст. 16.1 КоАП РФ указано только перемещение через таможенную границу и таможенную территорию, без упоминания государственной границы Российской Федерации и ее территории. Этот недостаток формулировки особенно существенен в контексте таможенного законодательства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в котором не предусмотрено внутренних таможенных границ. Таким образом, внешние границы

¹ Федеральная таможенная служба Российской Федерации // Официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 22.04.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ЕАЭС могут не совпадать с границами государств-членов. Следовательно, описание правонарушения, связанного с незаконным перемещением товаров через внешние границы ЕАЭС, является неполным в текущей формулировке ст. 16.1 КоАП РФ.

Исходя из представленных данных необходимо выделить следующие проблемы:

Проблема квалификации преступлений в сфере таможенного дела, связанная с необходимостью чёткой формулировки понятия и содержания контрабанды. Недостаток формулировки в КоАП РФ, который делает описание правонарушения, связанного с незаконным перемещением товаров через внешние границы ЕАЭС, неполным.

Для решения проблем, связанных с квалификацией преступлений в сфере таможенного дела и недостатками формулировок в КоАП РФ, необходимо внести следующие изменения:

Внести уточнения в определение контрабанды, чтобы обеспечить более чёткую квалификацию преступлений в сфере таможенного дела;

Дополнить статью 16.1 КоАП РФ, указав в ней не только перемещение через таможенную границу и таможенную территорию, но и через государственные границы Российской Федерации и её территории, чтобы обеспечить полное соответствие законодательству ЕАЭС.

В результате более чёткая формулировка понятия контрабанды позволит избежать разночтений и ошибок при квалификации преступлений. Уточнение определения контрабанды и дополнение статьи 16.1 КоАП РФ позволят таможенным органам более эффективно бороться с нарушениями таможенного законодательства, а дополнение статьи 16.1 КоАП РФ обеспечит соответствие российского законодательства нормам и правилам ЕАЭС.

Совершенствование законодательства, безусловно, представляет собой важный инструмент предотвращения преступлений в сфере таможенного дела, однако, по нашему мнению, наиболее эффективным способом недопущения подобных правонарушений является их профилактика и контроль, что требует использования современных цифровых инструментов. К таким инструментам относятся например, такие как система управления рисками; электронные декларации; центры электронного декларирования; мобильные инспекционно-досмотровые комплексы.

Использование этих инструментов позволяет автоматизировать процесс проверки товаров, что снижает человеческий фактор и вероятность ошибок, ускорить таможенное оформление, делая его более прозрачным и предсказуемым, выявлять потенциальные нарушения на ранних этапах, предотвращая их совершение, а также повысить эффективность контроля за перемещением товаров через таможенную

границу.

В современном обществе, где становится все более важным вопрос противодействия таможенным правонарушениям, следует уделить внимание современным цифровым средствам предотвращения таких преступлений. Это даст возможность улучшить процедуру выявления преступлений в области таможенного ведомства, увеличить продуктивность деятельности таможенных органов, а также привести законодательство РФ в соответствие с законодательством Евразийского экономического союза и сократить число нарушений в этой сфере.

Сочетание использования новых технологий в борьбе с преступлениями и улучшение законодательства в области таможенного дела сделает систему более эффективной и прозрачной. Важно уделять внимание этим аспектам для обеспечения безопасности и законности в международной торговле.

References

1. Федеральная таможенная служба Российской Федерации // Официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 22.04.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

UDC 343

Zalikhanova L.I., Gorchkhanov T.V. Smuggling of cash and (or) monetary Instruments

Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов

Zalikhanova Leila Ibragimovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal
Law, Process and Criminology
Kabardino-Balkarian State University, Institute of Law,
Economics and Finance

Gorchkhanov Timerkhan Vakhtangovich

Master's degree in Criminal Law, Criminology, Kabardino-Balkarian
State University, Institute of Law,
Economics and Finance

Залиханова Лейла Ибрагимовна
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики

Кабардино-Балкарский государственный университет, Институт
права, экономики и финансов

Горчханов Тимерхан Вахтангович
магистр, направление уголовное право, криминология, Кабардино-
Балкарский государственный университет, Институт права,
экономики и финансов

Abstract. *The dynamics of the development of legislation in the field of combating customs crimes is a serious problem that requires careful analysis and the search for ways to ensure greater stability and predictability of legal regulation. A more balanced and systematic approach to legislative changes is needed in order to avoid chaos and ensure effective justice. Only in this case can we talk about a truly qualitatively new level of combating customs crimes, taking into account the long-term forecasts of the consequences of each legislative change. The article considers one of the novelties of the criminal law, which establishes responsibility for the smuggling of cash and (or) monetary instruments.*

Keywords: *smuggling, customs, crime, monetary instruments, punishment.*

Аннотация. Динамика развития законодательства в области борьбы с таможенными преступлениями является серьезной проблемой, требующей тщательного анализа и поиска путей для обеспечения большей стабильности и предсказуемости правового регулирования. Необходим более взвешенный и системный подход к законодательным изменениям, во избежание хаотичности и обеспечения эффективного правосудия. Только в этом случае можно говорить о действительно качественно новом уровне борьбы с таможенными преступлениями, с учётом долгосрочных прогнозов последствий каждого законодательного изменения. В статье рассматривается одна из новелл уголовного законодательства, устанавливающая ответственность за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Ключевые слова: *контрабанда, таможня, преступление, денежные инструменты, наказание.*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Туvinский государственный университет»

История развития законодательства Российской Федерации, направленного на противодействие таможенным преступлениям, представляет собой сложную и динамичную картину, полную противоречий и частых корректировок. Хотя, правовые нормы, касающиеся этой сферы, претерпевали изменения на всех этапах развития отечественного уголовного права, период действия Уголовного Кодекса РФ (УК РФ), принятого 13 июня 1996 года, выделяется своей исключительной динамикой. Эта интенсивность изменений проявляется не только в количественном аспекте – в невероятном количестве федеральных законов, вносящих поправки в УК РФ, их хронологической последовательности, частоте и масштабах изменений, но и, что особенно важно, в качественном. Качественные изменения затрагивают самую суть подхода государства определению и наказанию за таможенные преступления. Речь идет не просто о корректировке составов преступлений, уточнении квалифицирующих и конструктивных признаков преступлений или изменении размеров или вида наказаний. Мы наблюдаем фундаментальные сдвиги в государственной политике, демонстрирующие порой диаметрально противоположные подходы. Это проявляется в процессах криминализации и декриминализации тех или иных деяний, что сильно осложняет правоприменение и создает значительные трудности для следствия и суда. Сжатые сроки между законодательными изменениями придают этим процессам особую остроту. Юристам приходится постоянно анализировать новые нормы, искать логическую связь между ними, оценивать их практическую применимость и пытаться прогнозировать риски. Частые и резкие изменения законодательства порождают целый комплекс сложных правовых вопросов, касающихся действия уголовно-правовых норм во времени, пространстве и по кругу лиц. Возникают проблемы с применением новелл к деяниям, совершенным до их вступления в силу, что требует решения сложных вопросов обратной силы уголовного закона. Во многих случаях это влечет за собой необходимость пересмотра уже вынесенных и вступивших в законную силу судебных приговоров, что, несомненно, отражается на стабильности правовой системы и доверии к ней. Именно эта динамика законодательства приводит к неоднозначности правовой оценки совершенных деяний. Возникают ситуации, когда одно и то же деяние, совершенное в разные временные отрезки, подлежит различной юридической квалификации и соответственно наказанию.

С декабря 2011 года структура законодательства, регулирующего контрабанду, претерпела существенные изменения, перейдя в категорию полностью бланкетных норм, что в итоге привело к потере ранее сложившейся теоретически обоснованной практики, определяющих методы совершения преступления.

В 2013 году Уголовный кодекс Российской Федерации обогатился статьёй 200.1

«Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», устанавливающей юридическую ответственность за нарушение установленных порядков перемещения данных средств через границы Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Это законодательное нововведение устранило правовую неопределённость в вопросе уголовной ответственности за такие действия, которая появилась после того, как произошла декриминализация общего понятия контрабанды в статье 188 УК РФ «Контрабанда», несмотря на появление специализированных статей 226.1 и 229.1. С момента введения статьи 200.1, таможенные службы ЕАЭС ежегодно обнаруживают свыше 10 тысяч случаев нелегального экспорта или импорта наличности и финансовых инструментов, по многим из которых иницируются уголовные производства.[1]

Одним из конструктивных признаков, которые характеризуют контрабанду по статье 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, является ее значительный объем. Эти параметры определяются в соответствии с объемами наличных и стоимостью дорожных чеков, которые могут пересекать границу Таможенного союза без необходимости декларирования, согласно действующему таможенному регламенту. В связи с внесением этих изменений в нормативное регулирование, была внесена корректировка и в часть 2 статьи 46 Уголовного кодекса РФ, которая затрагивает нововведения в системе наложения штрафов как части уголовных санкций. Таким образом, на сегодняшний день штрафы могут быть рассчитаны не только исходя из размеров дохода виновного или стоимости объекта контрабанды, но и пропорционально сумме нелегально перемещенных финансовых активов или их рыночной стоимости.[2]

Критерий «крупный размер» служит важным критерием для дифференциации квалификации между уголовно-наказуемым деянием и административным нарушением.[7] Предел для признания действия крупным установлен на уровне 20 тысяч долларов США стоимости товаров, подпадающих под контрабанду.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г., номер 81, под названием «О дополнительных временных мерах экономического характера для поддержания финансовой стабильности в РФ», начиная с 2 марта 2022 г., наложено ограничение на экспорт наличных иностранных валют и финансовых документов на сумму, превышающую 10 тысяч американских долларов согласно текущему курсу Центрального Банка РФ на момент экспорта. Чтобы предъявить обвинение по части 1 статьи 200.1 Уголовного кодекса РФ, физическому лицу необходимо осуществить (или попытаться осуществить) нелегальный трансфер через границы Таможенного союза Евразийского Экономического Союза суммы

эквивалентной 20 тысячам долларов США или выше. Эта сумма выбрана на основании вдвое увеличенного размера НДС и иных таможенных платежей, разрешенных к перевозке без обязательства уведомления в письменной форме. Из данной суммы вычитается разрешенные к вывозу 10 тысяч долларов, и именно остаток служит основанием для определения уголовной ответственности.

Во второй части анализируемой публикации термин «особо крупный размер» определяется как ключевой фактор. Установление этого статуса требует, чтобы индивид противозаконно транспортировал или попытался транспортировать через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) налог на добавленную стоимость (НДС) и/или другие взимаемые долги (ДИ) на сумму, превосходящую в пять раз объем средств, разрешенный к перемещению без оформления документов ЕАЭС.

Ключевые аспекты, введенные в статью 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, затрагивают интеграцию термина «денежные инструменты» в уголовное право. Надо отметить, что термин и раньше уже употреблялся в документах Таможенного союза и регуляциях других секторов национального законодательства.

Важно подчеркнуть, что изменения в статье 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации произведены неоднократно за время ее применения: начиная с 1 апреля 2024 года, выражение «Таможенный союз в составе ЕврАзЭС» было подменено термином «Евразийский экономический союз», а фраза «таможенное право Таможенного союза в контексте ЕврАзЭС» была заменена на «нормы Евразийского экономического союза». Данная корректировка была вызвана необходимостью устранения несоответствий в используемой терминологии и определениях между регулирующими документами (так, к примеру, ещё в 2014 году в статье 101 Договора о ЕАЭС было зафиксировано, что таможенная граница Таможенного союза теперь функционирует как граница ЕАЭС, а страны, входившие в Таможенный союз, стали членами ЕАЭС).[3]

Таким образом, можно утверждать с уверенностью, что в центре внимания данного вида контрабанды находятся общественные отношения, направленные на поддержание валютной стабильности стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и устойчивость их внутренних рынков. Однако среди ученых существуют различные точки зрения относительно определения объекта данного преступления. Некоторые исследователи полагают, что объектом являются отношения в финансовой сфере и защищаемые законом интересы государства в сфере осуществления финансовых операций, в то время как другие указывают на отношения, регулируемые финансовым, таможенным, административным правом, способствующие обеспечению

экономической безопасности и стабильности внешнеэкономической деятельности, а также эффективности таможенного контроля. Еще одна группа экспертов выделяет отношения, связанные с контролем за перемещением денежных средств и инструментов через таможенные границы ЕАЭС, регламентируемые валютным и таможенным правом, что важно для прозрачности валютных операций и поддержания финансовой стабильности в России и других государствах-участниках.[4]

В отношении перемещения наличных денег и денежных инструментов через границы Таможенного союза, законодательство ЕАЭС, в частности, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[5] и межгосударственные соглашения, такие как Договор о противодействии легализации доходов, признанных преступными, и финансировании терроризма, устанавливают четкие параметры[6]. Определение национальной валюты, включая банкноты и казначейские обязательства, а также монеты, не изготовленные из драгоценных металлов, которые обращаются как законное средство платежа внутри и за пределами ЕАЭС, способствует снижению правовой неопределенности. Это детализированное урегулирование значительно минимизирует юридические споры, обеспечивая основу для гармонизированного подхода к перевозке денежных средств и инструментов по таможенным границам.

Под термином «денежные инструменты» подразумевается ряд финансовых средств, включая дорожные чеки, векселя, банковские чеки и ценные бумаги на бумажном носителе, которые служат подтверждением обязательства эмитента (издателя) к лицообезличенным денежным выплатам, согласно стандартам, определенным в части 9 статьи 2 ТК ЕАЭС, пункте 1 статьи 1 Договора о мерах против легализации доходов, полученных преступным путем, и пункте 5 примечания к статье 200.1 Уголовного кодекса РФ. Особое внимание заслуживает анализ методов осуществления этого вида нелегальной торговли.

Контрабандисты в основном стремятся к инновациям в разработке скрытных хранилищ и методик их маскировки. Тем не менее, все эти разнообразные и иногда удивительные методы маскировки объединены общим принципом - скрытием.

Вызывает серьезные сомнения положение о совершении контрабанды в составе «группы лиц». В частности, на основании каких критериев определяется степень опасности данной формы соучастия, исключая из нормы Уголовного Кодекса более серьезные формы коллективного преступления. В науке уже поднимался вопрос несостоятельности логики при формировании квалифицирующих признаков таможенных правонарушений, что оказывается в разрезе с принципами справедливости, заложенными в основу уголовного правосудия. К сожалению, такие важные моменты остались без внимания в Федеральном законе № 134, что оставляет

открытыми ключевые проблемы, требующие дальнейших правовых корректировок.[8]

Дополнительно, в части 4 примечаний к указанной статье определены особые критерии для освобождения от уголовной ответственности в случае преступления, включая исполнение условий: а) инициативная уплата наличных или передача денежных инструментов властям; б) отсутствие дополнительного уголовного деяния в действиях субъекта. Указано исключение для случаев, когда добровольная сдача не признается таковой, например, при обнаружении преступных объектов в ходе таможенной проверки, их изъятии во время задержания лица или в процессе обысков. Эти нововведения предполагают ближайшее изучение их взаимодействия с существующими положениями об освобождении от ответственности за совершение не тяжких преступлений при наличии активных действий по раскаянию (согласно статье 75 УК РФ), предусматривающие возможности снижения уголовной нагрузки за преступления легкой или средней степени тяжести.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что данный вид контрабанды посягает не только на устойчивость валюты и стабильность внутреннего рынка ЕАЭС, но в перспективе создает угрозу национальной безопасности в результате совершения незаконных операций с денежными средствами. Кроме этого, такие средства могут быть направлены (и направляются) на противоправные цели. Таким образом, необходимо принять стратегически взвешенные и рациональные меры по совершенствованию правового и организационного противодействия контрабанде.

References

1. Зайцева В. Д., Тарарышкина Л. И. Направления унификации законодательства о таможенных правонарушениях в государствах - членах ЕАЭС: сб. материалов конф. М., 2019. С. 180-185.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: ФЗ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ: принят Гос. Думой 11 июня 2013 г.: одобрен Советом Федерации от 26 июня 2013 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Членами ЕАЭС являются Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения, Российская Федерация и Киргизская Республика. См.: Евразийский экономический союз: сайт. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, Е. В. Горенская [и др.]. М., 2021. 284 с.

5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза: подписан в г. Москве 11 апреля 2017 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

6. Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза: подписан в г. Москве 19 дек. 2011 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

7. Ст. 16.4 Кодекса об административных правонарушениях РФ

8. Методические рекомендации по вопросам возбуждения таможенными органами уголовных дел по признакам контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей / Федеральная таможенная служба, Управление таможенных расследований и дознания. М., 2012.

PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY

UDC 159

Mazurova V.D. Clinical manifestations of ADHD in Russian-speaking adolescent migrants in Germany: the role of bilingualism and cultural factors

Клинические проявления СДВГ у русскоязычных подростков-мигрантов в Германии:
роль билингвизма и культурных факторов

Mazurova Victoria Dmitrievna,

Master's student, psychological and pedagogical education, correctional psychology,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Magnitogorsk State Technical
University named after G. I. Nosov" (Nosov Moscow State Technical University)
Institute of Elite Programs and Open Education, Department of Psychology
Magnitogorsk, Russia

Мазурова Виктория Дмитриевна,
магистрант, психолого-педагогическое образование, коррекционная психология,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»
(ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова»)

Институт элитных программ и открытого образования, кафедра психологии
Россия, г. Магнитогорск

Abstract. *The article examines the clinical manifestations of Attention Deficit Hyperactivity Disorder (ADHD) among Russian-speaking adolescent migrants in Germany, emphasizing the impact of bilingualism and cultural adaptation. It explores cognitive, emotional, and neuropsychological aspects of ADHD, the role of a bilingual environment in symptom modulation, and sociocultural factors influencing disorder severity. Based on studies from 2021–2025, recommendations for psychological support tailored to migration challenges are proposed. Special focus is placed on clinical psychology and an interdisciplinary approach.*

Keywords: ADHD, bilingualism, cultural adaptation, Russian-speaking adolescents, migration, Germany, clinical psychology, neuropsychology.

Аннотация. *Статья анализирует клинические проявления СДВГ у русскоязычных подростков-мигрантов в Германии, влияние билингвизма и культурной адаптации на выраженность симптомов расстройства. Рассматриваются когнитивные, эмоциональные и нейропсихологические аспекты СДВГ, роль билингвальной среды в модуляции симптомов и социокультурные факторы, влияющие на выраженность расстройства. Исходя из данных исследований 2021–2025 годов сформулированы рекомендации для психологической поддержки, адаптированные к миграционным трудностям. В фокусе исследования – клинико-психологические аспекты и междисциплинарные взаимосвязи.*

Ключевые слова: СДВГ, билингвизм, культурная адаптация, русскоязычные подростки, миграция, Германия, клиническая психология, нейропсихология.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева»

Цель исследования заключается в изучении особенностей проявления СДВГ у русскоязычных подростков-мигрантов в Германии, в частности влияния билингвизма и культурных различий на клинические проявления расстройства. G. Ayano⁴ сообщают, синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) остается одним из наиболее распространенных нейроповеденческих расстройств, затрагивающим около 7% детей и подростков по всему миру. В Германии, где миграционные процессы усиливаются, особую актуальность приобретает изучение СДВГ среди русскоязычных подростков-мигрантов, сталкивающихся с билингвизмом, культурной адаптацией и миграционным стрессом. Эти факторы способны изменять клиническую картину СДВГ, усиливая симптомы невнимательности, гиперактивности и импульсивности, что требует междисциплинарного подхода, объединяющего клиническую психологию, нейропсихологию и социологию миграции для диагностики и терапии СДВГ. Современные исследования, такие как работы N. Dünkel⁵ и U. EL-Awad⁶ подчеркивают, что билингвизм может как улучшать когнитивные функции, так и создавать дополнительную нагрузку, влияя на проявления СДВГ у подростков.

Работа направлена на изучение клинических и нейропсихологических особенностей СДВГ, оценку влияния билингвизма на когнитивные и эмоциональные аспекты расстройства, а также анализ социокультурных факторов, модулирующих выраженность симптомов, с последующей разработкой рекомендаций для психологического сопровождения.

Исследование опирается на актуальные источники 2021–2025 годов, включая немецкие публикации N. Dünkel, U. EL-Awad, E. Becker⁷, международные научные работы G. Ayano, S. Pfeifer⁸, M. Marbach⁹ и российскую аналитику А. А. Лакомовой¹⁰,

⁴ Ayano G., Demelash S., Gizachew Y. et al. The global prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in children and adolescents: An umbrella review of meta-analyses // *Journal of Affective Disorders*. – 2023. – Vol. 339. – P. 860–866 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lustn> (дата обращения: 06.05.2025).

⁵ Dünkel N., Knigge M., Brandt H. et al. Language exposure within peer and family contexts and bilingual reading profiles of German-Russian and German-Turkish adolescents in Germany // *International Journal of Bilingualism*. – 2024. – Vol. 29, № 1. – P. 128–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13670069231221103> (дата обращения: 06.05.2025).

⁶ EL-Awad U., Fathi A., Petermann F. et al. Uncovering the complexities of cultural identity: explicit vs. implicit measures of cultural preferences among refugee and immigrant adolescents in Germany // *Current Psychology*. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-025-07827-7> (дата обращения: 06.05.2025).

⁷ Becker E. Migration and Cultural Integration in Germany // *International Journal of Sociology*. – 2024. – Vol. 8, № 2. – P. 25–35 [Электронный ресурс]. URL: <https://iprjb.org/journals/index.php/IJS/article/view/2590> (дата обращения: 07.05.2025).

⁸ Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // *J Health Monit.* – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).

⁹ Marbach M., Vallizadeh E., Harder N. et al. Does ad hoc language training improve the economic integration of refugees? // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A*. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut8B> (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁰ Лакомова А.А. Социальная адаптация мигрантов в России // *Вестник науки*. – 2023. – № 4. – С. 45–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/download/286709/264219> (дата обращения: 06.05.2025).

Е. И. Матюховой¹¹, медицинской экосистемы «Гемотест»¹². Проблематика статьи связана с недостатком эмпирических данных о СДВГ у русскоязычных мигрантов в Германии, что затрудняет разработку адаптированных терапевтических подходов. Анализ современных исследований выявляет различные подходы к изучению СДВГ: если G. Ayano¹³ акцентируют глобальную эпидемиологию СДВГ, то данные S. Pfeifer о немецкой популяции, несмотря на их статистическую значимость, не принимают во внимание этнокультурные переменные, что ограничивает их применимость к мигрантам. Анализ миграционной политики Германии и России, проведенный А. А. Салахутдиновым и И. В. Чепаревой¹⁴, также подчеркивает необходимость учета системных факторов, таких как ограниченный доступ мигрантов к медицинским услугам, влияющих на диагностику и терапию СДВГ. На наш взгляд, интеграция этих подходов необходима для понимания клинических проявлений СДВГ у мигрантов, что делает данное исследование актуальным.

Диагностика СДВГ осуществляется на основе критериев DSM-5, включающих устойчивые паттерны невнимательности, гиперактивности и импульсивности, не соответствующие возрастным нормам¹⁵. В Германии указанный процесс опирается на национальные рекомендации, подчеркивающие мультимодальную оценку, включающую клинические интервью, поведенческие шкалы и нейропсихологическое тестирование¹⁶. N. Dünkel отмечает, что в 2020–2022 годах уровень диагностики СДВГ среди детей и подростков в Германии составил около 5%, демонстрируя тенденцию к росту благодаря повышению осведомленности¹⁷. Вместе с тем, влияние миграционного фактора остается неисследованным, что сужает применимость выводов к подросткам-

06.05.2025).

¹¹ Матюхова Е.И. Интеграция мигрантов в Германии: позитивная роль негосударственных акторов // *Общественные науки и современность*. – 2024. – № 2. – С. 119–133 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut5d> (дата обращения: 07.05.2025).

¹² Синдром дефицита внимания и гиперактивности: причины, симптомы, лечение. – М.: Медицинская экосистема «Гемотест», 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://gemotest.ru/info/spravochnik/zabolevaniya/sindrom-defitsita-vnimaniya-igiperaktivnosti-sdvgr/> (дата обращения: 06.05.2025).

¹³ Ayano G., Demelash S., Gizachew Y. et al. The global prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in children and adolescents: An umbrella review of meta-analyses // *Journal of Affective Disorders*. – 2023. – Vol. 339. – P. 860–866 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lustn> (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁴ Салахутдинов А.А., Чепарева И.В. Политика интеграции иммигрантов в сравнительной перспективе (Россия – Германия) // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. – 2022. – № 1 (11). – С. 233–241 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.asu.ru/sidec/article/view/13113> (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁵ American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™* (5th ed.). – Washington, DC: American Psychiatric Publishing, Inc., 2025. – 947 с.

¹⁶ Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // *J Health Monit.* – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁷ Dünkel N., Knigge M., Brandt H. et al. Language exposure within peer and family contexts and bilingual reading profiles of German-Russian and German-Turkish adolescents in Germany // *International Journal of Bilingualism*. – 2024. – Vol. 29, № 1. – P. 128–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13670069231221103> (дата обращения: 06.05.2025).

мигрантам из русскоязычной среды. Среди конкретных клинических проявлений СДВГ у подростков-мигрантов выделяются трудности с организацией учебных задач, прокрастинация, низкая устойчивость к отвлечениям и частые ошибки из-за невнимательности, которые усиливаются в условиях языковых барьеров и миграционного стресса¹⁸.

СДВГ характеризуется нарушениями исполнительных функций, включая рабочую память, планирование и контроль внимания, что затрудняет выполнение учебных задач¹⁹. Эмоциональная дисрегуляция, проявляющаяся в повышенной раздражительности, перепадах настроения и трудностях с самоконтролем, является ключевой особенностью. Медицинская экосистема «Гемотест»²⁰ подчеркивает, что эмоциональная нестабильность повышает риск коморбидных расстройств, таких как тревожность, особенно в условиях стресса. Исследования «КонтурШкола»²¹ подтверждают, что эмоциональные трудности усугубляются в условиях языковых и культурных барьеров, что особенно актуально для подростков с СДВГ, сталкивающихся с социальной изоляцией в немецких школах. Данный подход критически оценивается, поскольку он универсализирует эмоциональные проявления, не учитывая социокультурные факторы, такие как миграционный стресс.

В подростковом возрасте симптомы гиперактивности часто ослабевают, тогда как невнимательность и импульсивность остаются выраженными, усложняя социальную и академическую адаптацию²². Коморбидные расстройства, включая тревожные расстройства и депрессию, выявляются у 30–40% подростков с СДВГ²³. В Германии особое внимание уделяется дифференциальной диагностике, чтобы исключить влияние внешних стрессоров, таких как миграция. Исследование O. Scholle²⁴ указывает на

¹⁸ Ayano G., Demelash S., Gizachew Y. et al. The global prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in children and adolescents: An umbrella review of meta-analyses // Journal of Affective Disorders. – 2023. – Vol. 339. – P. 860–866 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lustn> (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁹ Barkley R. ADHD: Handbook for Diagnosis and Treatment. – New York: Guilford Press, 2020. – 913 с.

²⁰ Синдром дефицита внимания и гиперактивности: причины, симптомы, лечение. – М.: Медицинская экосистема «Гемотест», 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://gemotest.ru/info/spravochnik/zabolevaniya/sindrom-defitsita-vnimaniya-igiperaktivnosti-sdvgr/> (дата обращения: 06.05.2025).

²¹ Как педагогу помочь ребенку мигранту адаптироваться в школе. – Екатеринбург: КонтурШкола, СКБ Контур, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://school.kontur.ru/publications/2496> (дата обращения: 06.05.2025).

²² Ayano G., Demelash S., Gizachew Y. et al. The global prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in children and adolescents: An umbrella review of meta-analyses // Journal of Affective Disorders. – 2023. – Vol. 339. – P. 860–866 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lustn> (дата обращения: 06.05.2025).

²³ Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // J Health Monit. – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).

²⁴ Scholle O., Kollhorst B., Riedel O., Bachmann C.J. et al. First-Time Users of ADHD Medication Among Children and Adolescents in Germany: An Evaluation of Adherence to Prescribing Guidelines Based on Claims Data // Frontiers in Psychiatry. – 2021. – Vol. 12. – P. 653093 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2021.653093/full> (дата обращения: 06.05.2025).

трудности интеграции мигрантов в немецкие школы, которые усиливают симптомы СДВГ за счет социальной изоляции и языковых барьеров.

Анализ симптоматики СДВГ у подростков требует дифференцированного подхода с учетом таких факторов как миграционная история и культурный контекст. Хотя позиция S. Pfeifer о возрастающей частоте диагностики подтверждает значимость данной проблемы, недостаточный учет этнокультурных факторов снижает практическую применимость выводов²⁵. Миграционный контекст как фактор, влияющий на диагностические алгоритмы и выбор терапевтических стратегий, представляет собой перспективное направление для научного анализа.

Билингвизм, понимаемый как владение русским и немецким языками, а также, в некоторых случаях, другими языками, используемыми в миграционной среде²⁶, влияет на когнитивные процессы, включая внимание, рабочую память и исполнительные функции. N. Dünkel утверждает, что билингвы демонстрируют улучшенный когнитивный контроль благодаря переключению между языками, активирующему нейронные сети префронтальной коры²⁷. Данный аспект важен для подростков с СДВГ, у которых нарушены исполнительные функции. Однако билингвизм создает когнитивную нагрузку, особенно в школе, где требуется быстрое переключение языков.

Нейропсихологические исследования, такие как работы N. Dünkel и V. Warditz, выявляют разнонаправленные эффекты билингвизма на исполнительные функции у лиц с СДВГ, что затрудняет формулирование однозначных выводов. N. Dünkel предполагает, что билингвизм улучшает контроль внимания, смягчая симптомы невнимательности. Например, подавление интерференции одного языка может компенсировать дефициты исполнительных функций. Лингвистические барьеры выступают значимым ограничивающим фактором при выявлении СДВГ у пациентов-мигрантов из русскоязычной среды. M. Marbach²⁸ подчеркивает, что низкая компетентность в немецком языке снижает доступ к медицинским услугам, приводя к недооценке СДВГ.

²⁵ Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // J Health Monit. – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).

²⁶ Warditz V., Meir N. et al. Ukrainian-Russian bilingualism in the war-affected migrant and refugee communities in Austria and Germany: a survey-based study on language attitudes // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – P. 1364112 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LutCq> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁷ Dünkel N., Knigge M., Brandt H. et al. Language exposure within peer and family contexts and bilingual reading profiles of German-Russian and German-Turkish adolescents in Germany // International Journal of Bilingualism. – 2024. – Vol. 29, № 1. – P. 128–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13670069231221103> (дата обращения: 06.05.2025).

²⁸ Marbach M., Vallizadeh E., Harder N. et al. Does ad hoc language training improve the economic integration of refugees? // Journal of the Royal Statistical Society. Series A. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut8B> (дата обращения: 06.05.2025).

Недостаточное владение языком усиливает чувство некомпетентности, влияя на эмоциональную регуляцию.

Билингвизм активирует префронтальную и переднюю поясную кору, ответственные за контроль внимания и подавление импульсов, что может компенсировать дефициты при СДВГ²⁹. Однако переключение между языками увеличивает когнитивную нагрузку, усиливая импульсивность и невнимательность в стрессовых ситуациях, таких как экзамены. Медицинская платформа «Гемотест» предоставляет доказательства того, что когнитивные перегрузки являются провоцирующим фактором для усиления характерной для СДВГ симптоматики. В отличие от оптимистичных выводов N. Dünkel, эмпирические данные V. Warditz свидетельствуют, что когнитивные преимущества билингвизма проявляются лишь при достаточном уровне языковой компетенции и отсутствии хронического стресса. На наш взгляд, билингвизм – двойственный фактор: он может смягчать симптомы СДВГ, но усугублять их при низкой языковой компетентности. Перспективным направлением научного поиска представляется систематическое исследование когнитивных и поведенческих особенностей русскоязычных подростков с СДВГ в условиях немецкой лингвокультурной среды.

Социокультурная адаптация русскоязычных мигрантов сопряжена с преодолением различий в образовательных системах и нормативно-ценностных структурах. Исследование U. EL-Awad подчеркивает, что этническо-расовая социализация усиливает стресс у мигрантов, усугубляя нейроповеденческие проблемы³⁰. А. А. Лакомова подтверждает, что языковые барьеры препятствуют интеграции подростков³¹. Е. И. Матюхова описывает опыт интеграции мигрантов в Германии, показывая, что социальная изоляция и культурные различия усиливают психологический дискомфорт, что особенно критично для подростков с СДВГ³². Адаптация к немецкой школьной системе требует высокой языковой и культурной компетентности.

²⁹ Dünkel N., Knigge M., Brandt H. et al. Language exposure within peer and family contexts and bilingual reading profiles of German-Russian and German-Turkish adolescents in Germany // International Journal of Bilingualism. – 2024. – Vol. 29, № 1. – P. 128–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13670069231221103> (дата обращения: 06.05.2025).

³⁰ EL-Awad U., Fathi A., Petermann F. et al. Uncovering the complexities of cultural identity: explicit vs. implicit measures of cultural preferences among refugee and immigrant adolescents in Germany // Current Psychology. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-025-07827-7> (дата обращения: 06.05.2025).

³¹ Лакомова А.А. Социальная адаптация мигрантов в России // Вестник науки. – 2023. – № 4. – С. 45–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/download/286709/264219> (дата обращения: 06.05.2025).

³² Матюхова Е.И. Интеграция мигрантов в Германии: позитивная роль негосударственных акторов // Общественные науки и современность. – 2024. – № 2. – С. 119–133 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut5d> (дата обращения: 07.05.2025).

Миграционный стресс усугубляет проявления СДВГ, в особенности симптомы невнимательности и эмоциональной дисрегуляции³³. Как свидетельствует аналитика О. Scholle, образовательная система Германии демонстрирует недостаточную адаптацию к потребностям детей-мигрантов с нейроповеденческими расстройствами, что способствует их социальной изоляции³⁴. Недостаточное обеспечение языкового сопровождения способствует усилению когнитивно-эмоционального переживания некомпетентности, детерминируя формирование деструктивных поведенческих стратегий. В этой связи следует отметить ограниченность подхода S. Pfeifer, акцентирующих исключительно фармакотерапию без учета значимых социокультурных детерминант³⁵.

Конструирование психолого-педагогического сопровождения для подростков-билингвов с СДВГ русскоязычного происхождения предполагает учет лингвокультурных особенностей. М. Marbach обосновывают целесообразность включения языковых аспектов в терапевтические стратегии для оптимизации медицинского сервиса³⁶. Как демонстрирует Е. Веcker, психосоциальная поддержка на семейном уровне выступает критически важным элементом адаптационного процесса мигрантского населения³⁷. Цифровые интервенции, такие как интерактивные приложения для управления симптомами СДВГ, могут дополнить традиционные методы терапии, особенно для мигрантов с ограниченным доступом к медицинским услугам, как отмечают V. Warditz³⁸. Предлагается внедрение билингвальных терапевтических программ с русскоязычными специалистами и проведение тренингов для педагогов, направленных на распознавание СДВГ и поддержку интеграции. Разработка школьных программ, способствующих языковому обучению и социальной адаптации, также необходима. Наш анализ

³³ Синдром дефицита внимания и гиперактивности: причины, симптомы, лечение. – М.: Медицинская экосистема «Гемотест», 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://gemotest.ru/info/spravochnik/zabolevaniya/sindrom-defitsita-vnimaniya-igiperaktivnosti-sdvg/> (дата обращения: 06.05.2025).

³⁴ Scholle O., Kollhorst B., Riedel O., Bachmann C.J. et al. First-Time Users of ADHD Medication Among Children and Adolescents in Germany: An Evaluation of Adherence to Prescribing Guidelines Based on Claims Data // *Frontiers in Psychiatry*. – 2021. – Vol. 12. – P. 653093 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2021.653093/full> (дата обращения: 06.05.2025).

³⁵ Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // *J Health Monit.* – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).

³⁶ Marbach M., Vallizadeh E., Harder N. et al. Does ad hoc language training improve the economic integration of refugees? // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A.* – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut8B> (дата обращения: 06.05.2025).

³⁷ Becker E. Migration and Cultural Integration in Germany // *International Journal of Sociology*. – 2024. – Vol. 8, № 2. – P. 25–35 [Электронный ресурс]. URL: <https://iprb.org/journals/index.php/IJS/article/view/2590> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁸ Warditz V., Meir N. et al. Ukrainian-Russian bilingualism in the war-affected migrant and refugee communities in Austria and Germany: a survey-based study on language attitudes // *Frontiers in Psychology*. – 2024. – Vol. 15. – P. 1364112 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LutCq> (дата обращения: 07.05.2025).

позволяет утверждать, что культурная сенситивность терапевтических интервенций выступает существенным детерминантом, определяющим как интенсивность симптоматики, так и продуктивность реабилитационных мероприятий.

Как показало исследование, у русскоязычных подростков-мигрантов в Германии симптомы СДВГ, в частности, дефицит внимания, импульсивные реакции и нарушения эмоционального контроля, находятся в существенной зависимости от степени языковой адаптации и культурной интеграции. Билингвизм, как отмечает N. Dünkel, улучшает когнитивный контроль, но создает нагрузку при низкой языковой компетентности, усиливая невнимательность, например, в виде трудностей с концентрацией на уроках или частых ошибок при выполнении заданий³⁹. Культурный стресс, описанный U. EL-Awad, способствует эмоциональной дисрегуляции, проявляющейся в повышенной раздражительности и перепадах настроения, что особенно выражено в условиях социальной изоляции⁴⁰. Российские исследования подтверждают эти выводы, указывая на усиление симптомов СДВГ в стрессовых условиях^{41,42}. Немецкие данные свидетельствуют о росте диагностики СДВГ, тем не менее игнорируют этнокультурные факторы⁴³. На наш взгляд, клинические проявления СДВГ, такие как прокрастинация, низкая устойчивость к отвлечениям и эмоциональная нестабильность, усиливаются под влиянием миграционного стресса и языковых барьеров, что требует разработки адаптированных терапевтических подходов.

Научные данные, включая исследования G. Ayano и N. Dünkel, свидетельствуют о высокой значимости разработки билингвальных диагностических инструментов, обеспечивающих достоверную оценку психологических состояний в мультикультурном контексте. Эффективность образовательного процесса может быть существенно повышена посредством профессионального развития педагогических кадров в сфере

³⁹ Dünkel N., Knigge M., Brandt H. et al. Language exposure within peer and family contexts and bilingual reading profiles of German-Russian and German-Turkish adolescents in Germany // International Journal of Bilingualism. – 2024. – Vol. 29, № 1. – P. 128–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13670069231221103> (дата обращения: 06.05.2025).

⁴⁰ EL-Awad U., Fathi A., Petermann F. et al. Uncovering the complexities of cultural identity: explicit vs. implicit measures of cultural preferences among refugee and immigrant adolescents in Germany // Current Psychology. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-025-07827-7> (дата обращения: 06.05.2025).

⁴¹ Лаконова А.А. Социальная адаптация мигрантов в России // Вестник науки. – 2023. – № 4. – С. 45–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/download/286709/264219> (дата обращения: 06.05.2025).

⁴² Синдром дефицита внимания и гиперактивности: причины, симптомы, лечение. – М.: Медицинская экосистема «Гемотест», 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://gemotest.ru/info/spravochnik/zabolevaniya/sindrom-defitsita-vnimaniya-igiperaktivnosti-sdvg/> (дата обращения: 06.05.2025).

⁴³ Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // J Health Monit. – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).

выявления СДВГ и реализации инклюзивных образовательных практик. Культурно-сенситивное семейное консультирование, включающее компоненты языковой адаптации, представляет собой неотъемлемый элемент комплексной терапевтической помощи. Параллельно с этим, разработка специализированных учебных программ, направленных на социальную интеграцию и развитие языковых навыков, выступает значимым фактором успешной адаптации.

Дальнейшие исследования СДВГ у русскоязычных подростков-мигрантов должны сосредоточиться на эмпирических и лонгитюдных исследованиях, уточняющих влияние билингвизма и культурной адаптации на клиническую картину. Разработка стандартизированных билингвальных диагностических инструментов, учитывающих языковые и культурные особенности, позволит повысить точность диагностики. Изучение нейropsychологических механизмов взаимодействия билингвизма и СДВГ поможет определить условия, при которых билингвизм компенсирует или усиливает симптомы. Оценка эффективности культурно-чувствительных программ, включая билингвальную терапию и школьные интервенции, необходима для разработки клинических рекомендаций. Изучение воздействия миграционной политики Германии на возможности получения медицинской помощи мигрантами, как подчеркивают А.А. Салахутдинов и И.В. Чепарева⁴⁴, открывает новые перспективы для исследования СДВГ в условиях миграции и разработки интегрированных подходов к психологической поддержке в глобализирующемся мире.

References

1. Ayano G., Demelash S., Gizachew Y. et al. The global prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in children and adolescents: An umbrella review of meta-analyses // Journal of Affective Disorders. – 2023. – Vol. 339. – P. 860–866 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lustn> (дата обращения: 06.05.2025).
2. Pfeifer S., Beyer A.K., Beck L. et al. When do parents report their child's administrative ADHD diagnosis? A utilisation-based analysis from the consortium project INTEGRATE-ADHD // J Health Monit. – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. e12676 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lusxi> (дата обращения: 06.05.2025).
3. Dünkkel N., Knigge M., Brandt H. et al. Language exposure within peer and family contexts and bilingual reading profiles of German-Russian and German-Turkish adolescents

⁴⁴ Салахутдинов А.А., Чепарева И.В. Политика интеграции иммигрантов в сравнительной перспективе (Россия – Германия) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2022. – № 1 (11). – С. 233–241 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.asu.ru/sidec/article/view/13113> (дата обращения: 07.05.2025).

in Germany // International Journal of Bilingualism. – 2024. – Vol. 29, № 1. – P. 128–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13670069231221103> (дата обращения: 06.05.2025).

4. Лакомова А.А. Социальная адаптация мигрантов в России // Вестник науки. – 2023. – № 4. – С. 45–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/download/286709/264219> (дата обращения: 06.05.2025).

5. Marbach M., Vallizadeh E., Harder N. et al. Does ad hoc language training improve the economic integration of refugees? // Journal of the Royal Statistical Society. Series A. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut8B> (дата обращения: 06.05.2025).

6. Синдром дефицита внимания и гиперактивности: причины, симптомы, лечение. – М.: Медицинская экосистема «Гемотест», 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://gemotest.ru/info/spravochnik/zabolevaniya/sindrom-defitsita-vnimanija-igiperaktivnosti-sdvg/> (дата обращения: 06.05.2025).

7. Как педагогу помочь ребенку мигранту адаптироваться в школе. – Екатеринбург: КонтурШкола, СКБ Контур, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://school.kontur.ru/publications/2496> (дата обращения: 06.05.2025).

8. Scholle O., Kollhorst B., Riedel O., Bachmann C.J. et al. First-Time Users of ADHD Medication Among Children and Adolescents in Germany: An Evaluation of Adherence to Prescribing Guidelines Based on Claims Data // Frontiers in Psychiatry. – 2021. – Vol. 12. – P. 653093 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsyt.2021.653093/full> (дата обращения: 06.05.2025).

9. EL-Awad U., Fathi A., Petermann F. et al. Uncovering the complexities of cultural identity: explicit vs. implicit measures of cultural preferences among refugee and immigrant adolescents in Germany // Current Psychology. – 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-025-07827-7> (дата обращения: 06.05.2025).

10. Салахутдинов А.А., Чепарева И.В. Политика интеграции иммигрантов в сравнительной перспективе (Россия – Германия) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2022. – № 1 (11). – С. 233–241 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.asu.ru/sidec/article/view/13113> (дата обращения: 07.05.2025).

11. Матюхова Е.И. Интеграция мигрантов в Германии: позитивная роль негосударственных акторов // Общественные науки и современность. – 2024. – № 2. – С. 119–133 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Lut5d> (дата обращения: 07.05.2025).

12. Becker E. Migration and Cultural Integration in Germany // International Journal of Sociology. – 2024. – Vol. 8, № 2. – P. 25–35 [Электронный ресурс]. URL: <https://iprjb.org/journals/index.php/IJS/article/view/2590> (дата обращения: 07.05.2025).
13. American Psychiatric Association, DSM-5 Task Force. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™ (5th ed.). – Washington, DC: American Psychiatric Publishing, Inc., 2025. – 947 с.
14. Barkley R. ADHD: Handbook for Diagnosis and Treatment. – New York: Guilford Press, 2020. – 913 с.
15. Warditz V., Meir N. et al. Ukrainian-Russian bilingualism in the war-affected migrant and refugee communities in Austria and Germany: a survey-based study on language attitudes // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – P. 1364112 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LutCq> (дата обращения: 07.05.2025).

UDC 159

Sereda E.V. Analysis of the effectiveness of cognitively-oriented techniques for relief of emotional stress

Анализ эффективности когнитивно-ориентированных техник снятия эмоционального напряжения

Sereda Elena Vadimovna,

2nd year Master's student,
Institute of Pedagogy and Psychology,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical University",
Moscow

Середа Елена Вадимовна,
Студентка 2 курса магистратуры,
Институт педагогики и психологии,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический университет»,
г. Москва

Abstract. In the modern world, characterized by a high pace of life, information overload and ever-increasing demands on human adaptive abilities, the problem of emotional stress is of particular relevance. Emotional stress, being a natural reaction of the body to stress, when chronic can lead to serious psychological and somatic disorders, decreased quality of life and performance. The purpose of the study is to study the effectiveness of cognitively-oriented techniques for relieving emotional stress. Accordingly, the purpose of the empirical part of this work is to study the level of emotional stress at the initial stage, to study the effectiveness of cognitively-oriented techniques for relieving emotional stress after correctional work. In the process of work, it is supposed to identify to what extent these techniques contribute to reducing the level of emotional stress, as well as how they affect the psychological well-being and behavior of women.

Keywords: development of psychology, emotional stress of the individual, stress reduction, application of cognitive-oriented techniques.

Аннотация. В современном мире, характеризующемся высоким темпом жизни, информационными перегрузками и постоянно растущими требованиями к адаптивным способностям человека, проблема эмоционального напряжения приобретает особую актуальность. Эмоциональное напряжение, выступая естественной реакцией организма на стресс, при хронизации может приводить к серьезным психологическим и соматическим нарушениям, снижению качества жизни и работоспособности. Целью исследования является изучение эффективности когнитивно-ориентированных техник снятия эмоционального напряжения. Соответственно, целью эмпирической части данной работы является изучение уровня эмоционального напряжения на начальном этапе, изучение эффективности применения когнитивно-ориентированных техник снятия эмоционального напряжения после коррекционной работы. В процессе работы предполагается выявить, насколько эти техники способствуют снижению уровня эмоционального напряжения, а также как они влияют на психологическое благополучие и поведение женщин.

Ключевые слова: развитие психологии, эмоциональное напряжение личности, снижение напряжения, применение когнитивно-ориентированных техник.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Целью исследования является изучение эффективности когнитивно-ориентированных техник снятия эмоционального напряжения. Соответственно, целью эмпирической части данной работы является изучение уровня эмоционального напряжения на начальном этапе, изучение эффективности применения когнитивно-ориентированных техник снятия эмоционального напряжения после коррекционной работы. В процессе работы предполагается выявить, насколько эти техники способствуют снижению уровня эмоционального напряжения, а также как они влияют на психологическое благополучие и поведение женщин. [3, с. 12]

Цель обусловила постановку эмпирических задач:

- разработка и внедрение когнитивно-ориентированных техник снятия эмоционального напряжения;
- определение уровня эмоционального напряжения у испытуемых до и после применения когнитивно-ориентированных техник;
- анализ результатов исследования, включая количественные и качественные данные, для оценки успешности и эффективности выбранных методов.

Указанные задачи отражают логику психологического эксперимента.

Гипотеза исследования: Эмоциональное напряжение личности снижается после применения когнитивно-ориентированных техник.

Классическая организация эксперимента предусматривает три этапа: [4, с. 61]

- подготовка;
- диагностика и сбор данных;
- анализ и психологическая интерпретация данных.

База исследования: Центр интегративной медицины и SPA «Wellcure», г. Москва.

В исследовании приняли участие рандомизированными образом выбранные и распределенные на группы 58 человек, из которых 29 вошли в контрольную группу (далее – КГ), и 29 - в экспериментальную (далее – ЭГ).

Эксперимент проводился в форме «тест-воздействие-ретест», то есть, проводилась первичная диагностика, коррекционное воздействие, вторичная диагностика. [1, с. 74]

В коррекционную программу вошли: когнитивно-ориентированные техники снятия эмоционального напряжения, массаж.

В контрольной группе проводились только сеансы массажа.

В контексте такого исследования были использованы следующие методы исследования: [5, с. 492]

1. Теоретические методы (анализ научной литературы по проблеме исследования).
2. Эмпирические методы:

– Методика самооценки эмоциональных состояний А.Уэссман и Д.Рикс; методика САН (самочувствие, активность, настроение); шкала позитивного и негативного аффекта. [6, с. 125]

– Когнитивно-ориентированные техники.

3.Методы математической статистики (коэффициент корреляции Спирмена и коэффициент значимых различий Манна Уитни). [7, с. 153]

На формирующем этапе была реализована программа снятия эмоционального напряжения с помощью когнитивно-ориентированных техник. Упражнения, включенные в программу, представляют собой научно обоснованные методы, способствующие снижению эмоционального напряжения, повышению телесной осознанности и развитию навыков эмоциональной саморегуляции у женщин. Комплексная интеграция дыхательных, телесно-ориентированных практик позволяет достичь устойчивых изменений в эмоциональной сфере и способствует восстановлению внутреннего баланса женщины.

После реализации программы снятия эмоционального напряжения было организовано повторное тестирование женщин по трем заявленным методикам. Рассмотрим полученные результаты в сравнении первоначальной и повторной диагностики для экспериментальной группы.

Рассмотрим результаты по методике А. Уэссмана, Д. Рикса (таблица 1).

Таблица 1

Средние значения самооценки эмоционального состояния (по методике А. Уэссмана, Д. Рикса)

	ЭГ		КГ	
	До программы	После программы	До программы	После программы
Спокойствие – тревожность	4,04	6,8	3,98	4,2
Энергичность – усталость	8,8	9,2	8,67	8,8
Приподнятость – подавленность	8,25	8,7	8,07	8,2
Уверенность в себе – чувство беспомощности	6,08	7,4	6,01	6,3

Результаты повторной диагностики эмоционального состояния по методике А. Уэссмана и Д. Рикса в экспериментальной группе демонстрируют выраженные позитивные изменения по всем ключевым шкалам, что позволяет говорить об эффективности применённых когнитивно-ориентированных техник в снижении эмоционального напряжения.

Шкала «Спокойствие – тревожность». Среднее значение увеличилось с 4,04 до 6,8, что свидетельствует о статистически и клинически значимом снижении уровня тревожности. Данный результат указывает на формирование устойчивого состояния внутреннего спокойствия и эмоционального комфорта. Повышение по данной шкале может быть обусловлено регулярной практикой техник саморегуляции, в частности, упражнением «Стоп-кран», дыхательными техниками и телесно-ориентированными методами, направленными на восстановление нейровегетативного баланса. [2, с. 121]

Шкала «Энергичность – усталость». Увеличение показателя с 8,8 до 9,2 отражает умеренное, но позитивное изменение уровня субъективной энергичности и бодрости. Этот результат может быть связан с уменьшением эмоционального истощения, восстановлением психофизиологических ресурсов, а также с повышением уровня мотивации и вовлеченности в повседневную активность.

Шкала «Приподнятость – подавленность». Показатель вырос с 8,25 до 8,7, что свидетельствует об улучшении эмоционального тонуса и уменьшении признаков подавленного состояния. Это может указывать на формирование более устойчивого положительного эмоционального фона и снижение выраженности симптомов субдепрессии или эмоционального выгорания.

Шкала «Уверенность – беспомощность». Наиболее значительные изменения наблюдаются по шкале уверенности, где показатель увеличился с 6,08 до 7,4. Это позволяет говорить о значительном росте субъективного чувства контроля, самоэффективности и внутренней устойчивости. Подобная динамика особенно ценна в контексте коррекционной работы, направленной на восстановление психологической автономии, самоподдержки и способности к адаптивному реагированию на стрессовые стимулы.

В контрольной группе существенных изменений по всем шкалам не зафиксировано. Это подтверждает, что массаж как изолированное воздействие оказывает ограниченное влияние на когнитивные и эмоциональные компоненты состояния, в то время как когнитивно-ориентированные техники, применяемые в экспериментальной группе, обеспечили значимый прогресс в снижении эмоционального напряжения и повышении адаптивных психоэмоциональных характеристик.

Данные по экспериментальной группе отражены на рисунке 1.

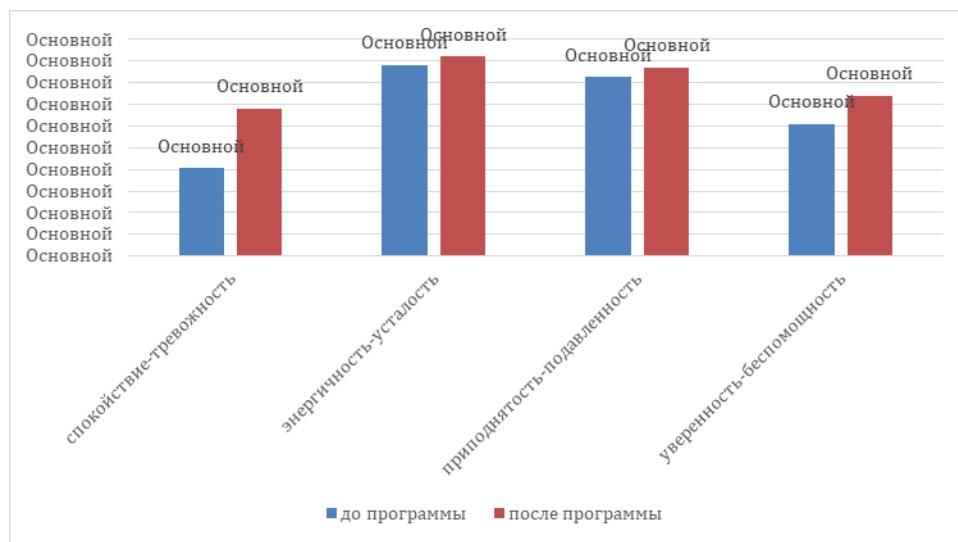

Рисунок 1. Среднее значение показателей самооценки эмоционального состояния (по методике А. Уэссмана, Д. Рикса) до и после коррекционной программы в экспериментальной группе

Полученные результаты демонстрируют позитивную динамику по всем шкалам, что позволяет говорить об эффективности проведенной работы по формированию навыков эмоциональной саморегуляции. Наибольшие изменения зафиксированы по шкале «спокойствие-тревожность» и «уверенность-беспомощность», что указывает на укрепление адаптационных механизмов участников и снижение уровня психоэмоционального напряжения.

Таблица 2

Результаты исследования психоэмоциональных состояний респондентов по методике САН

	ЭГ		КГ	
	До программы	После программы	До программы	После программы
Самочувствие	3,8	4,9	3,9	4,1
Активность	3,7	4,8	3,7	4,0
Настроение	3,8	4,9	3,8	4,0

Результаты повторной диагностики, проведенной по методике САН (самочувствие, активность, настроение), демонстрируют выраженные позитивные изменения в показателях психоэмоционального состояния в экспериментальной группе, что свидетельствует об эффективности проведенной коррекционной программы.

Шкала «Самочувствие». Повышение среднего значения с 3,8 до 4,9 указывает на значительное улучшение как физического, так и эмоционального состояния участников. Согласно критериям интерпретации, это означает переход из зоны низкого уровня в зону благоприятного состояния. Такой результат может быть обусловлен как снижением психофизиологического напряжения, так и восстановлением общего ресурса организма на фоне регулярной практики когнитивно-ориентированных и телесно-ориентированных техник, способствующих релаксации и саморегуляции.

Шкала «Активность». Увеличение показателя с 3,7 до 4,8 свидетельствует об усилении жизненного тонуса, активности и мотивации. Это может интерпретироваться как восстановление энергетических ресурсов, снижение признаков усталости и эмоционального истощения. Подобная динамика особенно важна для оценки эффективности интервенций, направленных на преодоление состояний, близких к хроническому стрессу или эмоциональному выгоранию.

Шкала «Настроение». Рост значения с 3,8 до 4,9 отражает улучшение эмоционального фона, снижение уровня подавленности и повышение субъективного ощущения благополучия. Это также может говорить о стабилизации аффективной сферы и формировании более устойчивого положительного эмоционального состояния, которое является одним из ключевых индикаторов психологической устойчивости и адаптации.

В контрольной группе каких-либо значимых изменений не произошло.

Данные исследования психоэмоциональных состояний респондентов по методике САН по экспериментальной группе до и после проведения коррекционной программы отражены на рисунке 2.

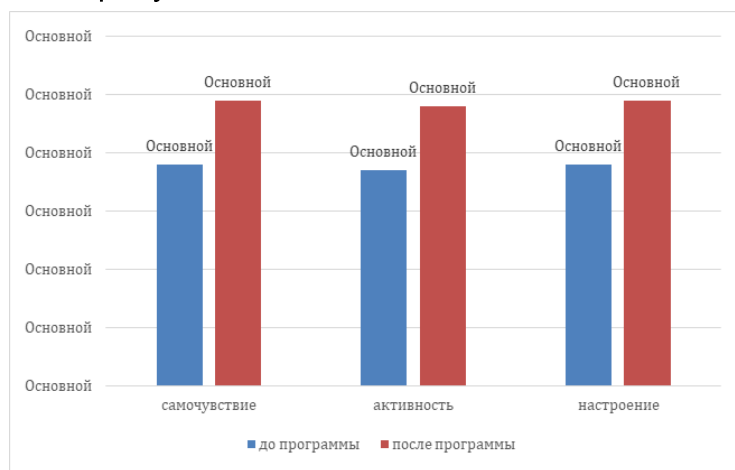

Рисунок 2. Среднее значение показателей психоэмоциональных состояний респондентов по методике САН до и после коррекционной программы в экспериментальной группе

В результате повторного тестирования можно утверждать, что в экспериментальной группе улучшились показатели теста САН: самочувствие, активность, настроение. Такие результаты позволяют сделать вывод, что женщины после программы снятия эмоционального напряжения с помощью КПТ стали более открыто выражать свои эмоции, уменьшилось эмоциональное напряжение, и как следствие улучшилось общее самочувствие и настроение. Динамика особенно выражена в показателях самочувствия и настроения, что позволяет говорить об эффективности примененной программы.

Далее была проведена оценка показателей эмоциональных состояний по шкале позитивного и негативного аффектов.

Таблица 2

Распределение показателей эмоциональных состояний по шкале позитивного и негативного аффектов

	ЭГ		КГ	
	До программы	После программы	До программы	После программы
Позитивный аффект	41,83	45,3	40,72	41,2
Негативный аффект	40,68	34,41	41,03	40,86

Значительное увеличение показателя по шкале «позитивный аффект» в экспериментальной группе с 41,83 до 45,3 подтверждает положительные изменения в эмоциональном фоне респондентов. Это указывает на рост уровня позитивных эмоций (радости, удовлетворения, счастья), что может свидетельствовать о повышении общего благополучия и эмоциональной устойчивости участников программы.

Существенное снижение показателя с 40,68 до 34,41 в экспериментальной группе указывает на снижение уровня негативных эмоций (тревоги, страха, уныния и т. д.). Этот результат свидетельствует о успешной коррекции негативных эмоций, таких как тревожность и раздражительность, а также об общем улучшении психоэмоционального состояния.

На рисунке 3 представлено среднее значение показателей эмоциональных состояний по шкале позитивного и негативного аффектов до и после коррекционной программы в экспериментальной группе.

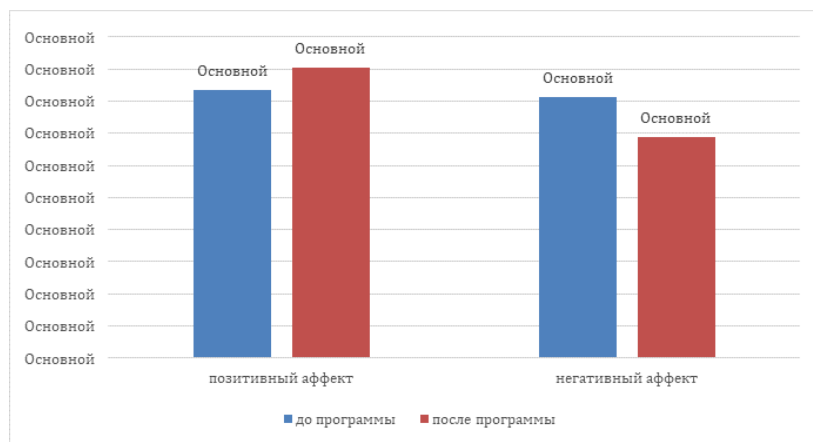

Рисунок 3. Среднее значение показателей эмоциональных состояний по шкале позитивного и негативного аффектов до и после коррекционной программы в экспериментальной группе

Полученные результаты демонстрируют позитивную динамику в эмоциональном состоянии респондентов экспериментальной группы: увеличение позитивного аффекта и снижение негативного аффекта. Это свидетельствует об эффективности программы в части повышения эмоционального благополучия и психоэмоциональной устойчивости участников.

В работе проведена проверка достоверности различий результатов повторного тестирования, для этого мы использовали t-критерий Вилкоксона. Достоверными являются различия по всем показателям на уровне значимости $p < 0.05$.

Таблица 3

Уровень достоверности различий в экспериментальной группе (Т-критерий Вилкоксона)

Шкала	До программы	После программы	t- критерий	Уровень значимости
Спокойствие – тревожность	4,04	6,8	2.122	0.0199
Энергичность – усталость	8,8	9,2	1.998	0.0211
Приподнятость – подавленность	8,25	8,7	2.155	0.0111
Уверенность в себе – чувство беспомощности	6,08	7,4	4.233	0.0022
Самочувствие	3,8	4,9	6.423	0.00012
Активность	3,7	4,8	4.102	0.0027
Настроение	3,8	4,9	4.308	0.0019
Позитивный аффект	41,83	45,3	3.155	0.0122
Негативный аффект	40,68	34,41	-3.622	0.0056

$P < 0.05$

Таким образом, количественная и качественная обработка полученных результатов, статистический анализ, интерпретация данных результатов показали значимые различия между данными экспериментальной группы до и после применения программы снятия эмоционального напряжения с применением техник КТП. Это подтверждается как изменениями в шкале позитивного и негативного аффекта (повышение позитивных эмоций и снижение негативных), так и улучшениями по шкале САН (самочувствие, активность, настроение).

Статистический анализ с использованием Т-критерия Вилкоксона также показал достоверные улучшения во всех ключевых показателях, что подтверждает эффективность программы по снижению уровня эмоционального напряжения. Таким образом, программа оказала положительное воздействие на участников, снизив их эмоциональное напряжение и улучшив общие психоэмоциональные показатели в экспериментальной группе.

Полученные результаты демонстрируют высокую эффективность разработанной коррекционной программы, включающей когнитивно-ориентированные методы саморегуляции. Положительная динамика по всем шкалам в экспериментальной группе свидетельствует о целостном улучшении психоэмоционального фона, снижении тревожности, повышении уровня субъективной энергии, эмоциональной приподнятости и уверенности в себе.

Это подтверждает гипотезу исследования о снижении эмоционального напряжения после применения когнитивно-ориентированных техник и указывает на перспективность их дальнейшего применения в практике психологической помощи.

References

1. Абдуллаева А.С., Методы коррекции и лечения психосоматических расстройств // Психолог. 2024. №3. – С. 70-78.
2. Андреева Г. В. Психолого–педагогические возможности арт–терапии как метода коррекции тревожности // Всероссийский исследовательский форум студентов и учащихся: Сборник статей IV Всероссийской научно– практической конференции, Петрозаводск, 2021 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. – С. 118– 123.
3. Бартош О.П., Бартош Т.П., Изучение эффективности психотерапевтических методов в разных возрастных группах тревожных детей и подростков // Российский психологический журнал. 2021. №3. – С. 6-17.
4. Бернс Д. Терапия беспокойства: Как справляться со страхами, тревогами и паническими атаками без лекарств. М.: Альпина Паблишер, 2021. – 128 с.

5. Дроздова, И. А. Психология здоровья: осознания личностью ценности своего здоровья как ценности для всего общества // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов / Москва: Московский психолого-социальный университет, 2022. – С. 487–496.
6. Ковпак, Д., & Ёжиков, А. Системный когнитивно-поведенческий коучинг: понятие и основы методологии. VII Международный съезд Ассоциации когнитивно поведенческой психотерапии CBTFORUM: сборник научных статей. СПб, 2021. – С. 117-148.
7. Костромина С.Н., Ануфриев А.Ф., Чмель В.И. Когнитивные, личностные и мотивационные особенности педагога-психолога и эффективность диагностической деятельности // Педагогика и психология образования. 2021. №4. – С. 144-163.

UDC 159

Zoljargal B., Ganchimeg J. The Influence of Psychological Factors on Job Performance Evaluation

Zoljargal B.

School of Management
Mongolian University of Science and Technology

Ganchimeg J.

School of Management
Mongolian University of Science and Technology

Abstract. *The purpose of this study is to examine how organizations can enhance employee productivity by recognizing their psychological needs and establishing a supportive work environment.*

This study investigates how employees' psychological state, work motivation, job-related stress, job satisfaction, and perceived organizational support influence their job performance.

Statistical analysis was conducted using the SPSS software based on data collected through a structured questionnaire administered to employees of a selected organization. The results reveal that an increase in negative psychological factors corresponds with a decline in employee job performance, thereby exerting an adverse impact on overall organizational productivity. Consequently, it is recommended that organizational leadership formulate and implement policies aimed at promoting employees' psychological well-being and cultivating a supportive and mentally healthy work environment.

Keywords: *psychology, job performance evaluation, organizational support, motivation.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Psychology is a significant scientific discipline that studies the mind, behavior, and internal mental processes of humans and animals. The term “psychology” derives from the Greek words *psyche*, meaning soul or mind, and *logos*, meaning study or science, thus signifying the scientific study of human mental and cognitive functions. This discipline focuses on a broad range of topics including both overt and covert human behaviors, emotions, attention, memory, perception, and patterns of social interaction. Psychological knowledge is not only confined to academic research but also widely applied in everyday life. It plays an essential role in diverse fields such as education, employment, family life, and psychological issues, including stress and depression, where psychological theories and methodologies are utilized to better understand and address these challenges.

Today, psychology has evolved into specialized subfields such as developmental psychology, sports psychology, organizational and occupational psychology, health psychology, psychological assessment, psychometrics, and comparative psychology. The ancient Greek philosopher Democritus (460–370 BCE) regarded mental phenomena as natural material entities composed of specific atoms. In contrast, Plato and Aristotle defined human

intellect and emotions as the “soul,” an intellectual essence. These early perspectives laid the foundational concepts and philosophical groundwork for psychology, forming the basis for the development of modern psychological science.

Researcher B. Oyunchimeg has suggested that psychology, before developing as an independent science, progressed through several distinct historical stages. These stages can be classified as follows:

1. Ancient Period (1st–8th Century BCE): During this period, foundational concepts concerning the mind and consciousness began to emerge. Prominent Greek philosophers such as Plato and Aristotle proposed some of the earliest theories on the nature of human intellect and psyche, which later served as the foundational basis for modern psychology.

2. Medieval Period (8th–15th Century): In this era, psychological concepts and theories developed in conjunction with philosophy and religious doctrine. The human mind and soul were often interpreted through divine and spiritual frameworks. The ideas of Aristotle were revived and continued to influence thought during this period.

3. Renaissance Period (16th–17th Century): A more scientific approach to understanding human cognition and consciousness began to take shape. The French philosopher René Descartes famously declared, “I think, therefore I am,” marking an early philosophical focus on human consciousness. Russian scientist I.M. Sechenov and German philosopher G. Leibniz also contributed by attempting to explain mental processes through physiology, logic, and experimentation.

4. Modern Psychology (18th–19th Century): Psychology became increasingly specialized and began developing empirical research methodologies based on experimentation. Scholars such as David Hartley (England), Wilhelm Dilthey (Germany), and Charles Darwin sought to explain human behavior from biological and evolutionary perspectives. E.B. Titchener laid the groundwork for the development of American psychology during this period.

5. Contemporary Trends (Mid-20th Century–Present): Psychology has evolved into an independent scientific discipline with numerous branches, including behavioral psychology, experimental psychology, cognitive psychology, humanistic psychology, and biological psychology. This period also saw significant growth in diagnostic methodology and psychological counseling practices (Oyunchimeg B., 2005).

One of the primary methods used in psychological research is observation. Observation can take many forms, each with its own advantages and limitations. Selecting the appropriate type of observation based on the specific context, objectives, and available resources is

essential for conducting effective and meaningful research.
(Batsaikhan B. & Dorjjav D., 2009)

Ancient philosophers, in their attempts to comprehend and interpret the complex and multifaceted phenomena of the human psyche, posited that:

- The psyche possesses an autonomous nature, being eternal and indestructible;
- It is immaterial in origin—that is, abstract and never perceivable by the senses, neither visible to the eye nor tangible to the hand—and they regarded this as a fundamental principle. (Odgerel P., 2003)

The Austrian physician Sigmund Freud developed the method of psychoanalysis from the 1890s until his death in 1939. Freud sought to understand the human mind through clinical observation, introspection, and interpretive analysis. His primary research focused on unconscious behavior and psychopathology. Freud's theories concerning sexuality, repression, and the functioning of the conscious and unconscious mind gained wide recognition and made a significant contribution to the development of psychology. (Psychology of Lies, St. Petersburg: Piter Publishing, 2001)

The research of Sigmund Freud influenced the development of analytical psychology, which was established by Swiss psychiatrist Carl Jung and is associated with the deeper levels of the psyche. By the mid-20th century, new psychoanalytic thinkers had emerged, including Freud's daughter Anna Freud and American psychologist Erik Winnicott. Over the course of the twentieth century, psychoanalysis expanded into various branches, many of which are collectively referred to as the Neo-Freudian movement.

The term behaviorism is derived from the English word behavior. The emergence and development of the behaviorist school of thought was preceded by discoveries in the fields of animal psychology and physiology, which laid the foundational groundwork for its formation.

In 1911, American psychologist Edward Lee Thorndike was the one to propose the idea that a response is not simply produced directly by a stimulus, but rather that a pleasant, satisfying state or positive consequence resulting from an action plays a crucial role in shaping the response. This relationship was later termed the Law of Effect.

Although in modern times the behavioral psychology approach no longer exerts as widespread or dominant an influence among psychologists as it once did, its established position and reputation remain strong and stable. (Sutherland, 1990)

Gestalt psychology emerged as a new direction in psychology during a period of crisis within the field. While behaviorism originated and developed in the United States, often being referred to as American psychology, Gestalt, or structural psychology, first arose in Germany and subsequently spread widely across European countries. Like the behavioral approach, Gestalt psychology relies on scientific methodology grounded in the natural sciences; however,

unlike behaviorism, which is closely linked to physiological doctrines, Gestalt psychology is distinguished by its stronger foundation in mathematics, physics, and dialectical reasoning. It thus represents a distinctive theoretical framework within psychological science.

Theories that study and explain human behavior from the perspective of internal subjective characteristics and psychological aspects are classified under psychodynamic theory. The German eminent scholar Kurt Lewin proposed the commonly used notations: B for behavior, F for functional relations, P for the individual's internal subjective characteristics, and E for society or environment. (*Theories about the Individual*, 2004)

$$B=F(P,E)$$

The socialization dynamic theory posits that the primary determinants of behavior are linked to external environmental factors, while comparatively little significance is attributed to the individual's internal psychological world.

$$B=F(E)$$

According to interactionist theory, both external and internal factors equally contribute to the regulation of human actions and behaviors.

$$B=F(E)$$

The German psychologist Erik Erikson (1902–1994) proposed the principle that during the sequential stages of individual development, the internal world of instincts and emotions undergoes qualitative transformation. This transformation fundamentally renews and reshapes an individual's behavior and orientation toward their environment and other people. As a result, when transitioning from one stage to another, the individual acquires entirely new components and capabilities characteristic of the new stage.

In our country, psychology has been studied since the socialist era, beginning in the 1960s.

Theoretical Review

Evaluating employees' job performance serves as a lever to improve future performance, stimulate motivation, and increase job satisfaction. However, it becomes truly effective only when management establishes an appropriate system of rewards and incentives and successfully links this system to the results of performance evaluations. This process is referred to as performance management. Moreover, performance evaluation has been defined in various ways, including the following:

- Job performance evaluation is the process by which an organization assesses how well each employee fulfills their assigned duties, the results achieved, their skills and qualifications, and their workload.
- Job performance evaluation calculates each individual's contribution and measures talent and achievement in a precise, hierarchical manner, establishing the highest standards of performance.
- Performance evaluation is the process of assessing and appraising employees' job performance⁴⁵.
- Performance depends on individual work and is contingent upon the degree of goal achievement.
- Evaluating labor activity is the process by which management assesses each employee's contribution and productive work toward achieving organizational goals.
- Job performance evaluation is the process of accurately identifying and reporting how employees perform their work, based on improvement plans.

There are several different methods of performance evaluation, each with its own advantages and disadvantages, making some more suitable than others depending on specific circumstances (Dessler, 2012). Furthermore, supervisors are believed to provide accurate, fair, and objective assessments of their subordinates' performance. However, the performance evaluation process often diverges from reality and can sometimes result in evaluation errors (Guerra-López, 2009).

Currently, organizations use several methods to evaluate performance. For simplicity, these methods can be categorized into three approaches: the comparative approach, the absolute standards approach, and the results-oriented approach (Bratton, 2012; Dessler, 2012)

⁴⁵ “Bolormaa, D., & Oyungerel, T. Human Resource Management.

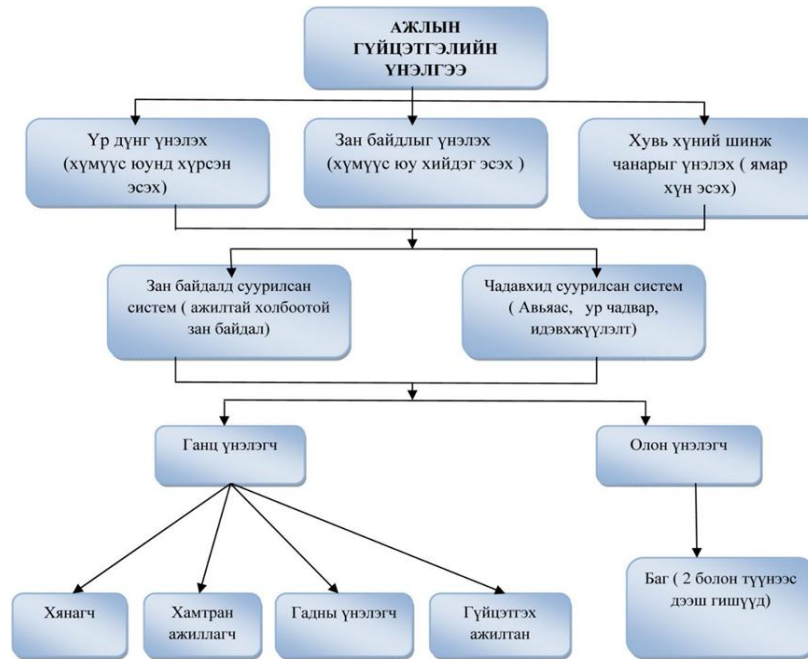

Figure 1: Types of Job Performance Evaluation

In today's fast-paced, competitive, and demanding work environments, job-related stress and fatigue have become serious issues. These problems not only affect individual well-being but also have a significant impact on organizational performance, productivity, and employee retention. Workplace stress typically arises from several factors, including high workload, lack of control, insufficient organizational support, and ineffective leadership behaviors. Prolonged stress manifests as exhaustion, both physical and mental fatigue, decreased performance, feelings of frustration, and a sense of inefficacy.

Additionally, organizational factors such as workplace culture, management style, and the allocation of resources play a crucial role in influencing employee stress and psychological well-being at the organizational level.

Work-related stress and fatigue are among the most pressing issues facing contemporary organizations, negatively impacting employee well-being, productivity, and overall organizational performance. Prolonged stress, resulting from workload, communication challenges, and inadequate support systems, manifests as emotional exhaustion and depersonalization, ultimately leading to burnout. Toxic workplace cultures, lack of recognition, and ineffective leadership further exacerbate these factors, creating work environments detrimental to mental health. Despite growing awareness, many organizations have yet to

effectively address the root causes of stress or implement measures that promote psychological well-being.

Developing a Performance Evaluation Plan: The performance evaluation plan is developed through the following stages.

Defining the organizational goals;

- Identifying the clients of one's position, as well as their requirements and needs;
- Defining employee work outcomes;
- Determining the criteria for measuring work performance;
- Developing performance metrics;
- Clarifying objectives;
- Developing a plan for how and by what standards employee performance will be

evaluated.

Defining the job objectives aligned with the organization's goals: Aligning the objectives of a job position with the overall goals and strategy of the organization ensures that each employee's efforts contribute directly to the collective mission and organizational success (Johnson & Smith, 2018). Many researchers emphasize that aligned objectives are a critical factor in enhancing employee performance, motivation, and work efficiency (Brown, 2020). By defining job objectives in accordance with the organization's strategic goals and core values, employees gain a clearer understanding of their responsibilities and the significance of their roles, thereby clarifying the path to achieving targeted success (Kumar & Lee, 2019). Such alignment contributes to the integration and coordination of organizational plans and activities and plays a vital role in improving human resource management and productivity levels (Garcia & Martinez, 2021).

Each objective meets the following criteria.

- The objective should be achievable.
- Every employee in the organization should acknowledge the feasibility of attaining the objective.
- The objective should be practical and implementable in real-life settings.
- When the measure is expressed numerically, it should be possible to establish upper and lower limits;

One of the critical factors determining the success of modern organizations is the implementation of performance evaluation systems within the scope of human resource management. To achieve their strategic objectives, organizations need to assess employee performance based on factors such as skills, labor productivity, and professional competencies. Skilled and experienced employees are more likely to perform effectively,

thereby supporting the organization's development goals. In recent years, as the work environment has become increasingly competitive, organizations have widely adopted performance evaluation systems to identify training needs, make promotion decisions, and estimate turnover risks⁴⁶.

Thus, performance evaluation has expanded beyond being merely an official annual review to serve as a managerial tool aimed at supporting employee development, facilitating continuous training, and fostering an environment for effective feedback. Researchers Shrestha, S. and Chalidabhongse, J. (2006) emphasized that performance evaluation holds the following significant benefits:

- Planning management succession;
- Improving work quality and productivity;
- Enhancing employee job satisfaction;
- Reducing declines in job performance.

In summary, performance evaluation constitutes an integral component of an organization's human resource policy and plays a crucial role in successfully implementing the organization's strategic objectives.

Table 1

Factors Influencing Employee Performance Evaluation

Factor	Description	Source
Workload	Excessive workload increases employee stress and reduces performance.	Yanti, A., & Rosyid, M. (2022). The Effect of Workload on Employee Performance. ecojoin.org
Work Environment	A physically and psychologically favorable environment positively affects employee productivity.	Rahmawati, D. (2020). Influence of Work Environment on Employee Performance. archives.kdischool.ac.kr
Non-task Assignments	Assignments unrelated to job duties increase psychological burden and negatively impact performance.	Örtqvist & Wincent (2006). Role Stress and Job Satisfaction. SAGE Journals
Peer Attitude	Positive peer relationships encourage active participation and improve productivity.	Bandiera, O., Barankay, I., & Rasul, I. (2010). Social Incentives in the Workplace. arXiv; ScienceDirect

⁴⁶ Ц.Цэцэгмаа хүний нөөцийн менежмент УБ хот, 2001 он, х,181

Factor	Description	Source
Management Attitude	Supportive and respectful management directly influences employee satisfaction and performance.	Montano, D., Reeske, A., & Franke, F. (2017). Leadership and Employee Performance. ScienceDirect
Organizational Value	A positive organizational culture and values support employee motivation and productivity.	Schein, E. H. (2010). Organizational Culture and Leadership. Wiley
Recognition and Reward	Fair evaluation and rewards increase employee motivation and performance.	Markham, S. E., & Markham, I. S. (2005). Recognizing employee Contributions. Academy of Management

Source: Developed by the researcher

Performance appraisal is a critical process for assessing employee competence and productivity in alignment with organizational objectives. However, this process is susceptible to common errors stemming from subjective biases, misconceptions, and systemic deficiencies. Such errors not only compromise the accuracy and reliability of evaluations but also adversely affect employee motivation, job satisfaction, and the overall organizational effectiveness (Murphy & Cleveland, 1995).

RESEARCH SECTION

“Zes Erdeniin Khuwi” LLC was established on June 21, 2010, to engage in foreign trade and the production of cathode copper using hydrometallurgical methods. The company relies on the non-technological oxidized ore and mixed ore stockpiles of “Erdenet Mining Corporation” JSC and has an annual production capacity of 10,000 tons of cathode copper with 99.99% purity.

Figure 2. “Zes Erdeniin Khuwi” LLC Cathode Copper Plant in Orkhon Province

The “Zes Erdeniin Khuwi” plant operates through three main departments: Administration and Internal Control, Economic Supply, and Production, each further divided into various offices and sections. Among these, the Production Department is the most critical, comprising 5 offices and 13 sections. Its primary responsibility is to produce cathode copper that meets the LME Grade A standard of 99.999% purity.

Currently, the plant employs over 250 workers.

Table 2

Performance Evaluation System of “Zes Erdeniin Khuwi” Factory

Additional Profit	NONE
Bonus Salary	NONE
Annual Performance Incentive	13 th month salary
Incentives	NONE
Incentive Criteria	- Factory production plan - Product quality - Occupational Health and Safety violations
Incentive for employees issuing SOPs	NONE
Professional Rank	NONE
Evaluator	Departement head, director
Evaluation Frequency	Once a year

Source: Developed by the researcher

A study was conducted to determine how psychological factors affect the work performance of employees at “Zes Erdeniin Khuv” LLC. The research involved a total of 153 employees from the company who participated through a questionnaire. Among the participants, 67 were female and 86 were male employees.

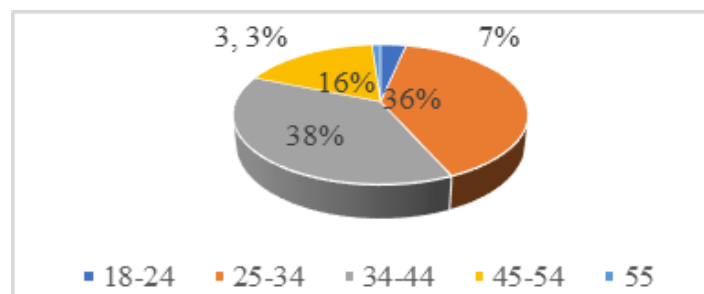

Figure 2: Age Distribution of Total Survey Participants

Among the survey participants, employees aged 25-44 accounted for 76%.

Figure 3: Main factors causing stress in the work environment among all survey participants

In identifying the main factors causing stress in the work environment among the survey participants, 35 individuals (35%) cited management attitude, 28 individuals (28%) indicated peer attitude, 15 individuals (15%) mentioned working conditions, 12 individuals (12%) reported workload, 5 individuals (5%) referred to organizational values, while the remaining 4 individuals (4%) noted non-task assignments, and 1 individual (1%) specified other factors.

Figure 4: Survey on the difficulties faced by participants in interpersonal communication

When asked about the difficulties they face in communicating with others at work, 35% of respondents indicated issues related to interpersonal attitudes, 12% cited power differentials, 15% mentioned criticism of work performance, 28% reported conflicts of opinion, 4% pointed to gender equality issues, 5% experienced discrimination, and the remaining 1% noted age or gender-based discrimination.

Regarding what they consider the most accurate and effective way to evaluate their job performance, 74% responded productivity and impact, 22% emphasized work attitude, 2% indicated performance deadlines, and the remaining 2% mentioned creative thinking.

When asked about how psychological factors influence their work productivity, 52% said these factors have an influence, 29% indicated a strong influence, 14% moderate influence, and 5% reported no influence.

Furthermore, when participants were asked whether the organization provides any assistance or support to help cope with work-related stress and psychological pressure, the majority, 53%, responded no support at all, 23% moderate support, 17% none, and 7% said support was adequate. When asked if the organization has sufficient resources and measures to provide psychological support, the majority (71%) answered no, while 29% responded yes.

A correlation analysis was conducted on the psychological factors affecting employees' job performance evaluation, and the results are presented in the table below

Correlation Analysis

Table 3

Correlations of Workload Variable from SPSS Analysis

Variable	R (Correlation Coefficient)	P value
Work Conditions	0.582	0.000
Organizational Values	0.554	0.000
Non-task Assignments	0.398	0.000
Peer Attitude	0.088	0.384
Management Attitude	0.008	0.938
Work Performance	0.29	0.003

This section illustrates how the workload variable correlates with other variables. The work conditions variable shows a correlation coefficient of .582 with workload, indicating a strong positive correlation. Similarly, the organizational values variable has a correlation of .554, also demonstrating a statistically significant positive relationship. The non-task assignments variable exhibits a correlation of .398, which is considered a moderate positive correlation. However, the correlations between workload and peer attitude, as well as management attitude, are very low and statistically insignificant, indicating weak correlations. The correlation between workload and work performance is .290, representing a weak but statistically significant relationship.

Work performance shows the following correlations with other variables. Work conditions have a correlation coefficient of .410, indicating a moderate positive correlation that is statistically significant ($p = .000$). Organizational values exhibit a correlation of .390, reflecting a weak to moderate positive correlation, which is also statistically significant ($p = .000$). The correlation coefficient for non-task assignments is .416, representing a moderate positive correlation that is statistically significant.

Table 4

Correlations of the Work Performance Variable Using SPSS Software

		ach	noh	vne	nar	ham	udi	gui
ach	Pearson 상관계수							
	유의확률 (양쪽)							
	N							
noh	Pearson 상관계수	.582 ^{***}						
	유의확률 (양쪽)	.000						
	N	100						
vne	Pearson 상관계수	.554 ^{***}	.688 ^{***}					
	유의확률 (양쪽)	.000	.000					
	N	100	100					
nar	Pearson 상관계수	.398 ^{***}	.572 ^{***}	.641 ^{***}				
	유의확률 (양쪽)	.000	.000	.000				
	N	100	100	100				
ham	Pearson 상관계수	.088	.302 ^{***}	.137	.419 ^{***}			
	유의확률 (양쪽)	.384	.002	.174	.000			
	N	100	100	100	100			
udi	Pearson 상관계수	.008	.090	.074	.066	.195		
	유의확률 (양쪽)	.938	.372	.467	.512	.051		
	N	100	100	100	100	100		
gui	Pearson 상관계수	.280 ^{***}	.410 ^{***}	.390 ^{***}	.416 ^{***}	.288 ^{***}	-.116	
	유의확률 (양쪽)	.003	.000	.000	.000	.004	.249	
	N	100	100	100	100	100	100	

The correlation between the variable “Peer Attitude” and work performance is 0.288, indicating a weak but statistically significant positive correlation ($p = .004$). Conversely, the correlation between “Management Attitude” and work performance is -0.116, indicating a negative relationship; however, this correlation is not statistically significant ($p = .249$), so no reliable conclusions can be drawn.

CONCLUSION

Psychological safety is ensured by appropriately addressing human needs and factors such as workload, rewards and incentives, fairness, and support. To promote psychological safety in the workplace, reduce burnout and mental health issues, and maintain organizational stability, it is necessary to improve factors such as leadership, workplace culture, and support systems.

The research results indicate that the majority of employees wish to receive psychological counseling, participate in training and informational sessions focused on stress management

and mental health support. Therefore, it is advisable for the company to organize at least one psychological training or counseling event every six months to support employees' mental well-being. This initiative will not only enhance the psychological health of employees but also positively transform the internal organizational climate and significantly improve work productivity.

The results of this study indicate that psychological factors have a significant impact on employees' job performance, highlighting the role of management attitude. Based on the responses from participants, psychological factors such as employee satisfaction, stress levels, and attitudes toward work directly affect job performance. This research provides important insights into the interaction and correlation between psychological factors and management attitude. It emphasizes that improving the psychological environment and increasing employee satisfaction are crucial for management to achieve positive outcomes in job performance.

Psychological factors influence job performance through management attitude, where a positive managerial approach helps to foster employees' psychological well-being and enhances work outcomes.

References

1. Martin Shain S.J.D, Ian Arnold M.D., M.Sc., DOHS FRCPC, FRCPC, FCBOM, Kathy GermAnn, Ph.D "The road to psychological safety Legal, scientific and social foundations for a national standart for psychological safety in the workplace".
2. Mila Sadiyawati., Nida Hasanati "Effectiveness of Performance Appraisal System in Employee Development: A Systematic Review"
3. KR Murphy, JN Cleveland – 1995 "Understanding performance appraisal: Social, organizational, and goal-based perspectives"
4. D. Dorjjav, Self-Learning in Psychology, 2005.
5. Research Methods in Psychological Science, 2015..
6. D. Bolormaa, T. Oyungerel, *Human Resource Management*, Ulaanbaatar, 2006, p. 116
7. Ts. Tsetsemaa, *Human Resource Management*, Ulaanbaatar, 2001, p. 181.

REVIEWS AND ANALYSIS

UDC 343.98

Aleshkin A.Y., Brager D.K., Potyomina V.K. Current aspects of terrorist threat in transport

Aleshkin Andrey Yuryevich,

Master's student,

Far Eastern State Transport University

Brager Dmitry Konstantinovich,

Candidate of Law, Associate Professor,

Far Eastern State Transport University

Potyomina Victoria Konstantinovna,

Student,

Far Eastern State Transport University

Abstract. *This scientific article examines procedural issues related to terrorism on transport vehicles. The concepts and types of terrorism are analyzed, the regulatory legal framework is defined. The problems of using the armed forces of the Russian Federation in the framework of the counter-terrorism operation in relation to the destruction of terrorist threat objects are revealed. The analysis of the views of the authors who studied related topics is given. Examples of real problems related to the qualification of terrorism on transport are given. Own vision of individual problems of transport terrorism is proposed.*

Keywords. *Terrorism, transport terrorism, counter-terrorism operation, armed forces, types of terrorism.*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Problem and relevance of the study. One of the most serious threats that modern society faces in the context of various forms of terrorism is terrorism associated with transport. The most vulnerable to terrorist attacks are places with a high concentration of people, including transport infrastructure. According to statistics, 70% of attacks are carried out through transportation or using vehicles [3].

As L.Yu. Taova emphasizes: The modern world is closely interconnected due to the development of transport and infrastructure, as well as high technology. Transport has become the basis for the functioning of civilization, a necessary condition for international relations. "Consequently, attacks on transport can lead to catastrophic consequences for the whole society" [10, p. 73].

It is important to emphasize that last year in Russia there was a sharp increase in terrorist crimes, the total number of which exceeded 3.7 thousand. These figures represent the highest level in the last eighteen years, according to information provided by the Ministry

of Internal Affairs of the Russian Federation. The crime report states that "from January to December 2024, 3,714 terrorist crimes and 1,719 extremist crimes were registered. These figures are 55.9% and 28.3% higher, respectively, than for the same period in 2023" [14].

Literature review. In addition to the regulatory framework, the study also examined many authors whose scientific works focused on terrorism and transport terrorism. Thus, E.S. Akhyadov, E.A. Kapitonova and G.B. Romanovsky, M.S. Perminova, N.N. Fedosheva presented their own concepts of terrorism. K.I. Popov examined the problem of using the armed forces of the Russian Federation in the context of a counter-terrorism operation to destroy terrorist threats, and presented his own solution to this problem. S.N. Fedorov examined the qualification of terrorism, identified the main problems of the disposition, and proposed his own solutions to the problems.

The purpose of the study. To establish the legal nature of terrorism on vehicles, as well as to identify possible problems of qualification of terrorism and other procedural issues.

The structure of the scientific article is presented by the introduction, which determines the relevance and problem of the study, the main part, containing such structural elements as the theoretical basis and hypothesis, methods, results, interpretation and discussion of the results, as well as the conclusion, consisting of conclusions on the topic of the study.

Theoretical basis and hypothesis. Based on paragraph 1 of Article 3 of the Federal Law "On Combating Terrorism", terrorism is the ideology of violence and the practice of influencing the decision-making of state authorities, public authorities of federal territories, local governments or international organizations associated with intimidation of the population and (or) other forms of illegal violent actions [2].

Some authors see the concept of terrorism in their own way and supplement it in every possible way. For example, Akhyadov Elman Said-Mokhmadovich believes that: Terrorism is a socially dangerous activity that threatens national or public security. This activity includes intimidation of citizens of the country, provocation of military conflicts, international tensions by any means established by both national and international legislation. "Terrorism aims to influence the decision-making of an international organization, public authorities and their officials, other organizations performing public functions, or to attract public attention to certain political, religious or other views of terrorist organizations" [4, p. 6]. E. A. Kapitonova and G. B. Romanovsky define terrorism as "the use of violence with the aim of influencing inviolable national and supranational institutions, which has led to innocent victims or the occurrence of socially dangerous consequences or creates a threat of their occurrence" [6, p. 154], which, in their opinion, reflects the most complete set of features that define this socially dangerous act as a specific crime, adequately reflecting its two key features: social harm and

illegality. M. S. Perminova considers terrorism as "criminal activity, which consists in the use, threat of use or creation of conditions for the use of violence of a terrorist nature" [8, p. 404]. She interprets terrorist violence as violence that is aimed at and has the goal of intimidating the state, its population, as well as certain groups of the population, or violence consisting in the deliberate use of means that in turn are capable of creating a general threat to citizens, and for this reason has a threatening effect.

N. N. Fedosheva points out that terrorism is a "means of illegal confrontation or coercion" [11, p. 104]. In other words, it is a unique way of influencing the state, political forces, public authorities and their officials.

In fairness, it should be noted that terrorism has a broad classification depending on various criteria. This is due to the fact that such a phenomenon is complex and diverse. It can manifest itself in various forms. Many scientists, both Russian and foreign, working in various fields of law and political science, have put forward approaches to the classification of the concept of "terrorism".

Terrorism on transport vehicles is "a specially organized type of violence aimed at implementing an extremist ideology caused by extremely aggressive activities of organized entities, carried out from vehicles or in vehicles" [13, p. 31]. The key idea of the current trends in terrorism is the methods and forms of use of transport by terrorists to implement their destructive plans.

The following categories of terrorism related to transport are distinguished, each of which has its own distinctive features:

- terrorism on railway transport,
- terrorism on air transport,
- automobile terrorism,
- terrorism on river transport facilities,
- maritime terrorism, terrorism of pipeline transport,
- terrorism in urban public transport (metro, bus and other types) [4, p. 52].

Speaking about the qualification of terrorism, it is necessary to mention Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is worth noting that the law does not fully establish the methods of committing a terrorist act, it only indicates what they are: an explosion, arson and other actions that can frighten the population, create a danger, and also cause property damage. Here the legislator emphasizes the impossibility of an exhaustive definition of all the methods of committing such a crime and creates a formulation that can generalize the characteristic methods of committing it. According to S. N. Fedorenko: Part 1, Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation contains an inaccuracy. Since the phrases "other actions" and "these actions" are used to describe a terrorist act, which imply

an exclusively active form of activity. "Meanwhile, a terrorist act can sometimes be carried out by inaction, by failing to perform actions required to maintain public safety, for example, related to the timely shutdown of technological processes in transport" [12, p. 35]. In our opinion, it would be correct to use the concept of "act", which, in turn, includes both active and passive forms of behavior.

At the moment, many problems are identified within the procedural field of investigation and qualification of terrorism in transport. For example, K.I. Popov focuses on the problem of lawful harm during counter-terrorism activities. The point is that, if necessary, harm may be caused to interests protected by criminal law by deliberately destroying aircraft and watercraft with people on board, and only if this action is forced. [9, p. 12]. In other words, in order to prevent a larger tragedy, the Armed Forces of the Russian Federation have the right to cause death to passengers of a sea or aircraft, including hostages held by terrorists. The author himself notes that although such a social measure has its justifications, from the point of view of criminal law, it is considered controversial, since the current Criminal Code of the Russian Federation, namely Chapter 8, does not contain any circumstances that could exclude the criminal nature of this act [1]. In this regard, K.I. Popov proposes to amend the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), namely, to create Article 42.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which would regulate at the proper level within the legal framework the legitimacy of the use of counter-terrorism operations and determine the legality of causing harm to objects protected by the criminal law of the Russian Federation.

In our opinion, this is not necessary, since Article 42 of the Criminal Code of the Russian Federation, which states: "Causing harm to interests protected by criminal law by a person acting in execution of an order or instruction binding on him is not a crime" already provides for this circumstance, excluding the criminality of the act, since military personnel and other persons act within the framework of a counter-terrorism operation on the basis of an order and this does not require additional regulation. In our opinion, no less important is the problem of ensuring the safety of participants in the investigation of criminal cases of terrorism in transport, especially witnesses. As noted by Candidate of Legal Sciences I.P. Kravets: For a successful investigation of crimes classified as a terrorist act committed with the use of explosives, employees conducting the preliminary investigation must fully use all the opportunities and tools provided by the Criminal Procedure Code. For example, "not to include in the protocols of investigative actions data on the identity of participants subject to protection (Part 9 of Article 166 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)" [7, p. 28]. It is impossible not to agree with this statement, in addition, it should be noted that terrorists and their accomplices, knowing the names of witnesses, can not only encroach on

the life and health of these persons, but also influence the course of the investigation, depriving it of the necessary information.

Research methods. The methodological basis of this study was the analysis of sources and documents, comparison, logical reasoning, and critical analysis.

Results and interpretation. Within the framework of the work, the concept of terrorism and its types were studied. Particular attention was paid to transport terrorism. It was established that in legal science today, some problems related to issues of counteracting terrorism in transport are highlighted. An analysis of the positions of the authors was carried out, and a personal vision of the issue was expressed.

Discussion and conclusion. In conclusion, it should be noted that attacks by terrorists using vehicles as a weapon for their crimes pose a huge danger due to the possibility of causing mass casualties and causing colossal damage in the economic and social spheres. The study of this category of crimes demonstrates the complex interaction of political, social, economic and psychological factors that determine their occurrence and development. To effectively combat terrorist attacks on vehicles, a multidisciplinary approach is required that would unite the work of government agencies, law enforcement agencies and the entire civil society. The key point is continuous monitoring, adjustment and improvement of protective mechanisms to new and constantly changing threats, as well as work to improve methods and approaches in the fight against terrorism.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.
2. On counteracting terrorism: Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 13.03.2006, No. 11, Art. 1146.
3. Federal Target Program "Improving Road Safety in 2013-2020" dated 27.10.2012, No. 1995-r.
4. Akhyadov Elman Said-mokhmadovich The concept of "terrorism": legal aspect // Bulletin of YSU. 2024. No. 4. P. 5-9.
5. Dikanova Tatyana Aleksandrovna On the issue of preventing terrorism in transport // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2010. No. 3 (17). P. 49-56.
6. Kapitonova, E. A. Modern terrorism: monograph / E. A. Kapitonova, G. B. Romanovsky. - Moscow: Yurlitinform, 2015. - 214 p.
7. Kravets I.P. Organization of investigative work in the process of investigating terrorist acts committed through explosions. Bulletin of VGAVT, issue 32, 2012. P. 24-32.

8. Perminova, M. S. The concept of "terrorism" and methodological problems of study / M. S. Perminova. -Text: direct // Social and humanitarian innovations: strategies of fundamental and applied scientific research: materials of the All-Russian scientific and practical conference. - Orenburg: Orenburg State University, 2019. - Pp. 404-407.
9. Popov K. A. Use of the Armed Forces of the Russian Federation in the fight against terrorism in air and water transport. Military law. 2022. No. 3 (73). Pp. 9-13.
10. Taova L. Yu. Terrorism in transport as a threat to modern society // Theory and practice of social development. 2014. No. 12. Pp. 72-75.
11. Fedosheva, N. N. The concept and essence of terrorism / N. N. Fedosheva. - Text: direct // Modern problems of law, economics and management. - 2018. - No. 2 (7). - P. 103-112.
12. Fedorenko S. N. Criminal liability for terrorism under the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 // Russian investigator. 2007. No. 10. P. 11-14.
13. Hirschman K. Changes in global terrorism // Europäische Sicherheit. 2000. No. 5; 2022. P. 29-36.
14. The state of crime in the Russian Federation for January - September 2024 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [Electronic resource] URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (accessed 03/26/2025).

UDC 796.078

Doshchatov A.A. Activities of the council under the president of the Russian Federation for the development of physical culture and sports

Деятельность совета при президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта

Doshchatov Anton Alexandrovich

National Research University

«Higher School of Economics»

Дощатов Антон Александрович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Abstract. The article examines the activities of the Presidential Council for the Development of Physical Culture and Sports as an important advisory body under the head of state. The main directions of the Council's work are investigated, including the formation of state policy in the field of physical culture, high-performance sports and the organization of international competitions. Special attention is paid to the analysis of the Council's functional powers, such as preparing proposals on priority areas of industry development, conducting an expert examination of regulatory legal acts, and coordinating interaction between various levels of government and sports organizations. A significant place in the article is occupied by the study of practical aspects of the Council's activities, including the work of interdepartmental commissions and working groups, the information and logistical support system, as well as the procedure for interaction with federal and regional authorities, sports organizations and the expert community. The study demonstrates the important role of the Council in the formation and implementation of state policy in the field of physical culture and sports, as well as in the preparation and holding of major international sporting events.

Keywords: physical culture, sports, public policy, advisory body, international competitions, sports infrastructure, sports development.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта как важного совещательного органа при главе государства. Исследуются основные направления работы Совета, включая формирование государственной политики в сфере физической культуры, спорта высших достижений и организации международных соревнований.

Особое внимание уделяется анализу функциональных полномочий Совета, таких как подготовка предложений по приоритетным направлениям развития отрасли, проведение экспертизы нормативно-правовых актов, координация взаимодействия различных уровней власти и спортивных организаций.

Значительное место в статье занимает исследование практических аспектов деятельности Совета, включая работу межведомственных комиссий и рабочих групп, систему информационного и материально-технического обеспечения, а также порядок взаимодействия с федеральными и региональными органами власти, спортивными организациями и экспертным сообществом.

Исследование демонстрирует важную роль Совета в формировании и реализации государственной политики в области физической культуры и спорта, а также в подготовке и проведении крупных международных спортивных мероприятий.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, государственная политика, совещательный орган, международные соревнования, спортивная инфраструктура, развитие спорта.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации и статьи 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» общие вопросы развития физической культуры и спорта находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1].

В настоящий момент выстроена управленческая система по реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта:

1. федеральный уровень: Министерство спорта Российской Федерации, комиссия Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Физическая культура и спорт», Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта;

2. региональный уровень: исполнительный орган субъекта Российской Федерации, реализующий государственную политику в сфере развития физической культуры и спорта, координационные и совещательные органы при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации и при высшем исполнительном органе субъекта Российской Федерации;

3. местный уровень: органы местного самоуправления.

Вопросы физической культуры и спорта являются элементами стратегического управления в Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 был создан национальный проект «Демография» в рамках которого был разработан федеральный проект «Спорт – норма жизни» [2].

Целью реализации данного федерального проекта было создание условий для массовых занятий спортом и физической культуры при применении следующих инструментов: строительство спортивной инфраструктуры, подготовка квалифицированных кадров в сфере физической культуры и спорта, проведение всероссийских массовых спортивных мероприятий. Реализация данного проекта была завершена 31 декабря 2024 г.

В 2021 г. Правительством Российской Федерации была утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта». Целью реализации данного документа стратегического планирования, разработанного в рамках планирования и программирования на федеральном уровне [3] является создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовку спортивного резерва и повышение конкурентоспособности российского спорта на международной спортивной арене [4].

Далее следует рассказать о деятельности совещательного органа при Президенте Российской Федерации – Совете при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта представляет собой важную управленческую структуру, направленную на совершенствование государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации.

Данный консультативный институт играет ключевую роль в координации и реализации государственных программ Российской Федерации, национальных проектов и федеральных проектов, направленных на развитие спортивной инфраструктуры, повышение доступности физической активности для всех слоев населения и укрепление позиций Российской Федерации на международной спортивной арене.

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта был создан с целью разработки стратегических направлений, которые способствуют продвижению физической культуры и спорта на всех уровнях — от массовых мероприятий до высоких достижений в профессиональном спорте.

История данного консультативного органа началась в 2002 году. Указом Президента Российской Федерации от 14 августа 2002 г. № 895 был образован Совет при Президенте Российской Федерации по физической культуре и спорту. Целью деятельности данного совета было информирование Президента Российской Федерации о положении дел в сфере физической культуры и спорта, обеспечения его взаимодействия с физкультурно-спортивными объединениями, физкультурными, спортивными организациями и деятелями физической культуры и спорта, выработки предложений Президенту Российской Федерации по актуальным вопросам российской государственной политики в области физической культуры и спорта [5].

Структура данного консультативного органа выглядела следующим образом: председателем Совета являлся Президент Российской Федерации, заместитель председателя Совета, который назначается из числа помощников Президента Российской Федерации формировался президиум, состоящий из членов Совета, а также были созданы рабочие группы по направлениями деятельности Совета.

В 2007 году Указом Президента Российской Федерации от 26 сентября 2007 г. № 1308 был образован Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, спорта высших достижений, подготовке и проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи, XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г. в г. Казани, чемпионата мира по футболу 2018 г.

Совет был создан в целях эффективной реализации государственной политики при подготовке к проведению крупнейших международных мероприятий на территории Российской Федерации. На первом заседании Совета 2 октября 2007 г. был образован Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи [6].

В 2012 г. Указом Президента Российской Федерации 28 июля 2012 г. № 1058 был образован Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта [7]. С 2012 г. состоялось 17 заседаний, по результатам заседаний которых были даны поручения Президента Российской Федерации по развитию и совершенствованию системы управления физической культурой и спортом в Российской Федерации.

Структура данного консультативного органа выглядит следующим образом: председателем Совета является Президент Российской Федерации, заместитель председателя Совета, который назначается из числа помощников Президента Российской Федерации, президиум, состоящий из членов Совета, а также четыре межведомственные комиссии и три рабочие группы, в том числе по организации и проведению на территории Российской Федерации международных спортивных соревнований, согласованию перспективных заявок, по развитию адаптивной физической культуры и спорта и по развитию спортивной медицины.

В состав Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта входят: представители Администрации Президента Российской Федерации, председатели профильных комитетов/комиссий палат Федерального Собрания Российской Федерации, руководители федеральных органов исполнительной власти, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, руководители общероссийских спортивных организаций.

Одной из важнейших задач консультативного органа является интеграция физической культуры в повседневную жизнь граждан Российской Федерации, что включает создание условий для занятий спортом в различных субъектах Российской Федерации развитие спортивных школ, секций и клубов – в целях достижения указанных задач была разработана и принята Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р [8]. Данная стратегия стала инструментом повышения экономической привлекательности и эффективности функционирования сферы физической культуры и спорта в Российской Федерации.

Особое внимание в работе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта уделяется вопросам воспитания спортивной культуры среди представителей молодежи. В последние годы актуализировалась проблема недостаточной физической активности среди школьников и студентов высших учебных заведений и заведений среднего профессионального образования.

В ответ на это Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта активно участвует в инициировании федеральных проектов, которые призваны повысить интерес к спорту среди детей и подростков, а также создать возможности для их профессионального развития в этой экономической области.

Важным инструментом для реализации этих целей стали различные образовательные программы и школьные спортивные лиги – все перечисленные инструменты нашли свое отражение в Стратегии развития молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года, утв. распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р [9].

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта также оказывает влияние на развитие профессионального спорта в Российской Федерации. Его деятельность направлена на создание эффективных механизмов подготовки спортсменов высокого уровня, которые способны не только конкурировать на мировых чемпионатах, но и достигать высоких результатов на Олимпийских играх. Для этого важно не только обеспечивать спортсменов необходимыми ресурсами, но и совершенствовать систему спортивной науки, медицинского обеспечения и психологической подготовки.

Кроме того, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта активно работает над продвижением Российской Федерации как страны, способной организовывать международные спортивные события. Проведение крупных турниров, таких как чемпионаты мира и Европы по различным видам спорта, способствует улучшению имиджа Российской Федерации на международной арене, привлечению туристов и инвестиций, а также развитию спортивной инфраструктуры в субъектах Российской Федерации, что в свою очередь способствует улучшению качества жизни граждан.

Не менее важной задачей является стимулирование граждан к регулярным занятиям физической культурой. Разработка и внедрение программ массовых спортивных мероприятий, таких как «Лыжня России» и «Кросс Нации», способствует активному вовлечению людей разных возрастных категорий в спортивную деятельность. Эти мероприятия не только помогают прививать здоровый образ жизни,

но и объединяют людей, создавая атмосферу единства и поддержания физического здоровья.

Также Совет при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта ведет активную работу с комиссией Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Физическая культура и спорт». Совместная деятельность указанных публичных институтов направлена на повышение уровня развития физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта является важнейшей составляющей государственной политики в области физической культуры и спорта. Важность президентского консультативного органа трудно переоценить, так как она затрагивает не только спортивные достижения, но и вопросы здоровья, воспитания, образования и социальной интеграции населения. Советы и программы, разрабатываемые Советом при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, формируют будущее российского спорта, укрепляют здоровье нации и способствуют международному признанию Российской Федерации как спортивной державы.

References

1. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Российская газета. 2021. № 294. 27 декабря.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. 2018. № 97с. 9 мая.
3. Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 46. 15 ноября. Ст. 7676
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 41. 11 октября. Ст. 6972.
5. О Совете при Президенте Российской Федерации по физической культуре и спорту. Указ Президента Российской Федерации от 14 августа 2002 г. № 895 // Российская газета. 2002. № 154-155. 20 августа.

6. О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, спорта высших достижений, подготовке и проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи, XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года в г. Казани, чемпионата мира по футболу 2018 года. Указ Президента Российской Федерации от 26 сентября 2007 г. № 1308 // Российская газета. 2007. № 217. 29 сентября.

7. О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта»). Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 1058 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 32. 6 августа. Ст. 4479.

8. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 49. 7 декабря. Ст. 7958.

9. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. 2 сентября. Ст. 5484.

UDC 811

Presnov A.A. Speech improvisation as a journalist's tool

Речевые импровизации как инструмент работы журналиста

Presnov Anton Aleksandrovich,

Associate Professor of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Sevastopol State University"

Преснов Антон Александрович,
доцент кафедры «Социально-философские и политические науки»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Abstract. *Speech improvisation is an important professional tool in the arsenal of a modern journalist. It allows one to quickly respond to changing circumstances, adapt communication to unforeseen situations and establish more natural contact with interlocutors. The ability to competently improvise in speech often distinguishes an experienced journalist from a beginner and allows one to create more lively, authentic content that is better perceived by the audience. In this article, the author attempts to scientifically analyze and critically understand speech improvisation as a tool for a modern journalist.*

Keywords: *acting, speech culture, speech improvisation, training journalists, journalist's work.*

Аннотация. Речевые импровизации представляют собой важный профессиональный инструмент в арсенале современного журналиста. Они позволяют оперативно реагировать на меняющиеся обстоятельства, адаптировать коммуникацию к непредвиденным ситуациям и устанавливать более естественный контакт с собеседниками. Умение грамотно импровизировать в речи часто отличает опытного журналиста от начинающего и позволяет создавать более живой, аутентичный контент, который лучше воспринимается аудиторией. В рамках настоящей статьи, автором предпринята попытка научного анализа и критического осмысления речевых импровизаций как инструмента работы современного журналиста.

Ключевые слова: актерское мастерство, культура речи, речевые импровизации, подготовка журналистов, работа журналиста.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

По мнению автора настоящей статьи, в динамичном мире современной журналистики умение импровизировать в речи становится не просто полезным навыком, а необходимым профессиональным инструментом. Речевая импровизация – это способность спонтанно генерировать связную, содержательную речь в условиях отсутствия предварительной подготовки или при необходимости отклониться от заготовленного сценария. Рассмотрим, почему этот навык критически важен для журналистов и как он применяется в различных профессиональных ситуациях. [3, с. 41]

Таблица 1

Ключевые аспекты речевых импровизаций в журналистике

Аспект	Описание
Интервьюирование	Умение быстро формулировать уточняющие вопросы, отклоняться от заготовленного сценария беседы, когда респондент сообщает неожиданную информацию. [5, с. 274]
Прямой эфир	Способность заполнять паузы, реагировать на технические неполадки, комментировать происходящее в реальном времени без подготовленного текста.
Пресс-конференции	Навык формулирования точных вопросов на основе только что полученной информации.
Репортажи с места событий	Описание динамично меняющейся обстановки без предварительного сценария.

Таким образом, в связи с вышеизложенным, необходимо отметить, что современная журналистика требует от специалистов гибкости мышления и быстроты реакции. Новостной поток не останавливается, события развиваются непредсказуемо, а информационные поводы возникают внезапно. В этих условиях журналист, владеющий искусством речевой импровизации, получает значительное преимущество.

"Подготовка необходима, но настоящее мастерство журналиста проявляется в его способности адаптироваться к неожиданностям эфира", — отмечает известный телеведущий Владимир Познер. [7, с. 113]

Очевидно, что речевая импровизация позволяет журналисту сохранять естественность коммуникации, что повышает доверие аудитории. Заученные фразы и очевидно подготовленные реплики воспринимаются современным зрителем или слушателем как нечто искусственное, в то время как спонтанная, живая речь создает эффект присутствия и вовлеченности.

Далее автором настоящей статьи, будут рассмотрены сферы применения речевых импровизаций.

1. Интервью и беседы с героями. По мнению автора, наиболее очевидная область применения импровизационных навыков - это проведение интервью. Даже тщательно подготовленная беседа может пойти по непредвиденному сценарию: собеседник может уклоняться от ответов, сообщить неожиданную информацию или эмоционально отреагировать на вопрос. В таких ситуациях журналист должен мгновенно перестроиться, сформулировать новые вопросы, развить неожиданно возникшую тему; [2, с. 35]

2. Прямые эфиры и репортажи являются настоящим испытанием для журналиста. Здесь нет возможности переписать текст или перезаписать дубль. Технические неполадки, непредвиденные паузы, внезапные события в кадре – все это требует моментальной реакции и способности поддерживать информативный и связный

рассказ в любых обстоятельствах; "В прямом эфире ты один на один со зрителем, и твоя способность мыслить и говорить одновременно становится твоим спасательным кругом", - делится опытом телерепортер Мария Ситтель.

3. Пресс-конференции и брифинги, где журналисту часто приходится формулировать вопросы, основываясь на только что полученной информации. Умение быстро анализировать услышанное и задавать точные, содержательные вопросы – важнейший навык для получения эксклюзивной информации.

4. Аналитические программы и дискуссии – в ходе которых журналист-модератор должен не только следить за логикой обсуждения, но и направлять беседу, реагировать на аргументы участников, задавать уточняющие вопросы. Здесь импровизация становится ключом к поддержанию динамики и содержательности разговора.

Как показывает практика, речевая импровизация проявляется в работе журналистов в самых разных ситуациях. Рассмотрим конкретные примеры, демонстрирующие, как этот навык помогает профессионалам эффективно справляться с рабочими задачами.

1. Оперативное реагирование на неожиданные события в прямом эфире.

Пример: Во время прямого включения с места праздничного мероприятия неожиданно начинается сильный ливень. Опытный журналист не теряет:

"Как видите, небесная канцелярия решила внести свои коррективы в сегодняшний праздник. Однако, что удивительно, горожане не спешат расходиться – многие раскрыли зонты, а кто-то даже танцует под дождем. Похоже, что стихия только добавила энтузиазма участникам. Давайте подойдем к одному из них и узнаем, не испортила ли погода настроение...". [8, с. 129]

По мнению автора, в этой ситуации журналист не только описал неожиданное событие, но и творчески обыграл его, превратив помеху в новый информационный повод.

2. Адаптация интервью при неожиданных ответах.

Пример: Журналист берет интервью у известного политика о предстоящих реформах в образовании, но собеседник неожиданно затрагивает тему своего детства в маленьком провинциальном городе и полученного там образования.

Заготовленный вопрос: "Какие ключевые изменения предполагает новая реформа образования?"

Импровизированная реакция: "Интересно, что вы упомянули свой опыт обучения в небольшом городе. Как вы считаете, учитывает ли новая реформа специфику образования в малых населенных пунктах? Ведь ваш личный опыт мог бы стать ценным источником для понимания этой проблематики."

По мнению автора, журналист не просто вернул разговор в нужное русло, но и связал личный опыт собеседника с темой интервью, придав беседе более глубокий и персонализированный характер.

3. Заполнение технической паузы в эфире.

Пример: Во время телепередачи возникают проблемы со связью с корреспондентом на месте события. Ведущий в студии: "Кажется, у нас возникли небольшие технические сложности с подключением к месту событий. Пока наши специалисты работают над восстановлением связи, хочу напомнить предысторию этого резонансного дела. Три месяца назад общественность впервые узнала о... [следует краткий экскурс в историю вопроса]. А вот, кажется, связь восстанавливается..."

По мнению автора, ведущий грамотно использовал паузу для предоставления контекста, что сделало эфир более информативным и избавило зрителей от неловкого ожидания.

4. Реакция на неожиданные вопросы на пресс-конференции.

Пример: Журналист освещает пресс-конференцию, посвященную новому культурному проекту. Неожиданно организаторы предлагают представителям СМИ задать вопросы, и коллеги смотрят на него, ожидая, что он начнет.

"В концепции вашего проекта прослеживается влияние европейских культурных инициатив, однако вы подчеркиваете его уникальность для нашего региона. Не могли бы вы пояснить, какие именно локальные культурные коды и традиции легли в основу проекта, и как вы планируете избежать простого копирования зарубежного опыта?". [1, с. 87]

По мнению автора, журналист смог быстро сформулировать содержательный вопрос, опираясь на только что услышанную информацию и свои знания в области культуры.

5. Модерация неожиданно обострившейся дискуссии.

Пример: Во время круглого стола между экспертами возникает острый спор с взаимными обвинениями. Журналист-модератор вмешивается: "Я вижу, что тема вызывает действительно сильные эмоции, и это подчеркивает её значимость. Давайте попробуем структурировать наш разговор. Сначала я предлагаю каждому из вас кратко изложить свою позицию по трем ключевым аспектам проблемы, которые мы обозначили в начале. Это позволит нам увидеть, где именно пролегают линии разногласий, а где, возможно, есть точки соприкосновения..."

По мнению автора, модератор не просто погасил конфликт, но и предложил конструктивный формат для продолжения дискуссии, импровизационно перестроив её структуру.

6. Спонтанный комментарий к неожиданным кадрам.

Пример: Спортивный комментатор ведет репортаж с футбольного матча, когда камера неожиданно показывает известного актера на трибунах: "А среди болельщиков сегодня замечен Александр Петров! Как известно, он не только талантливый актер, но и давний поклонник этой команды. Кстати, в его последнем фильме была яркая сцена на футбольном поле, и, как рассказывал сам Александр в интервью, он специально тренировался с профессиональными футболистами, чтобы выглядеть убедительно. Но вернемся к игре – наши футболисты сейчас разыгрывают очень интересную комбинацию...". [4, с. 148]

По мнению автора, комментатор органично вплел неожиданный визуальный элемент в свой рассказ, добавив интересный факт, и затем плавно вернулся к основной теме.

Таким образом, на данных примерах, автор настоящей статьи демонстрирует, что речевая импровизация – это не просто способность быстро говорить, а комплексный навык, включающий в себя аналитическое мышление, эмоциональный интеллект, широкую эрудицию и языковое мастерство. Для журналиста это не дополнительное умение, а неотъемлемая часть профессионального инструментария, позволяющая эффективно работать в постоянно меняющихся условиях современного медиaprостранства.

Далее рассмотрим методы развития навыков речевой импровизации.

Расширение кругозора и эрудиции, основой которых является успешная импровизация, которой способствует богатый запас знаний и развитое ассоциативное мышление. Журналист должен постоянно расширять свой кругозор: читать литературу различных жанров, следить за новостями из разных областей, изучать специализированные темы.

Развитие речевого аппарата и обогащение словарного запаса (языковая практика) – необходимые условия для свободной импровизации. Практические упражнения включают: скороговорки для тренировки дикции, синонимические ряды для расширения лексикона, упражнения на перефразирование, игры в ассоциации, тренировка быстроты реакции.

Как показывают работы отечественных исследователей в области актерского мастерства и журналистики, современные журналисты могут развивать скорость мышления через специальные упражнения: импровизационные выступления на случайные темы, дебаты с ограничением времени на подготовку, ролевые игры с моделированием непредвиденных ситуаций, техники активного слушания. [6, с. 40]

По мнению автора статьи, успешная импровизация невозможна без умения внимательно слушать собеседника. Журналист должен развивать навыки: концентрации внимания, выделения ключевых моментов в речи собеседника, анализа подтекста и эмоционального состояния говорящего.

Так же стоит отметить, что при всех преимуществах импровизационного подхода, следует помнить о его ограничениях. Чрезмерное увлечение импровизацией может привести к поверхностности в освещении темы, фактическим ошибкам из-за недостатка подготовки, потере фокуса беседы или репортажа.

"Импровизация – это не отсутствие подготовки, а высшая степень готовности к неожиданностям", - подчеркивает журналист и преподаватель факультета журналистики МГУ Григорий Прутцков.

Выводы

Речевая импровизация – это мощный инструмент в арсенале современного журналиста, позволяющий адаптироваться к меняющимся условиям работы, устанавливать более глубокий контакт с аудиторией и создавать живой, увлекательный контент. Систематическое развитие этого навыка через расширение кругозора, языковую практику и специальные упражнения помогает журналисту повысить профессиональное мастерство и эффективность работы.

В эпоху, когда доверие к традиционным медиа снижается, именно естественность, искренность и способность к живому диалогу, которые обеспечивает мастерство импровизации, могут стать ключевыми факторами успеха журналиста и востребованности его материалов аудиторией.

References

1. Бабук, А. В. Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе / А. В. Бабук // Российский девиантологический журнал. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 85-92.
2. Дмитриева, Д. Г. Речевое поведение журналиста как отражение отношения к собеседнику / Д. Г. Дмитриева // Мир науки и мысли. – 2023. – № 2. – С. 33-38.
3. Жаровский, Е. Р. Пространственный анализ как инструмент изучения журналистов: к постановке вопроса / Е. Р. Жаровский // Меди@льманах. – 2020. – № 4(99). – С. 37-47.
4. Касумова, Г. А. Практико-ориентированные задания как инструмент формирования речевой культуры у обучающихся вуза / Г. А. Касумова, В. Л. Моложавенко // Вестник педагогических наук. – 2021. – № 6. – С. 145-150.

5. Кузьмина, Е. С. Коучинг как инструмент разработки идентичности личного бренда журналиста / Е. С. Кузьмина // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14, № 4(61). – С. 270-276.
6. Уразов, П. К. Основные инструменты в работе дата-журналиста / П. К. Уразов // Медиасреда. – 2023. – № 2. – С. 38-41.
7. Фролова, О. Е. Статус и имидж как инструменты речевого воздействия / О. Е. Фролова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2020. – № 8. – С. 108-116.
8. Чепурина, В. В. Мыследействие как инструмент речевого исполнительского искусства / В. В. Чепурина, С. С. Халяпина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 64. – С. 127-132.

CONCLUSION

In conclusion, Issue 6(1) of the International Journal of Professional Science reflects the diversity of views and opinions that contribute to understanding many aspects of human activity. The research presented in this issue highlights the importance of an interdisciplinary approach to solving complex issues that modern society and enterprises face.

We hope that the materials of this issue will inspire readers for further research and discussions, and will also serve as a basis for practical solutions aimed at improving the quality of life and developing professional skills. This issue aims to create bridges between theory and practice, which is especially important in a rapidly changing world, and we invite you to immerse yourself in these discussions to discover new horizons in the field of professional science together.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№6(1)/2025

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 11,5
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”